ISSN 0131-6044

РОМАН-ГАЗЕТА

ИЗДАНИЕ ГОСКОМИЗДАТА СССР МОСКВА

2 (1080) 1988

Генрих Боровик

ПРОЛОГ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Пролог» — роман-эссе известного советского писателя и журналиста Генриха Боровика, в котором Америка отражена в том хорошем и светлом, что заложено в ее народе, и в том темном, тяжком и омерзительном, что таится в ее образе жизни и строе.

В первой части книги («Один год неспокойного солнца») рассказывается о бурных событиях 1968 года в США, о людях, их вершивших и в них участвовавших.

- Генрих Боровик
  - Предисловие
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава первая
      - Хождение в страну Хиппляндию
      - Схватка на Уайтхолл-Стрит
      - Диагноз доктора
    - Глава вторая
      - Старт
    - Глава третья
      - Встреча на 37-м этаже
      - Уик-энд перед убийством
      - И грудных детей…
    - Глава четвёртая
      - Партизанский театр
      - Убийство в Мемфисе
      - Голоса из гетто
    - Глава пятая
      - «Это правда, брат»
      - На бостонском процессе
      - День поминовения
    - Глава шестая
      - Плюс один
    - Глаза седьмая
      - Вниз по Миссисипи
      - Обед в загородном клубе
      - Пустынники
    - Глава восьмая
      - Майами
    - Глава девятая
      - Мисс Америка и другие
    - Глава десятая

        - «Когда-нибудь я стану президентом»
    - Страничка читателя
- notes
    - 1
    - 2

Генрих Боровик
ПРОЛОГ
Роман-эссе

Гале — жене и другу

Предисловие

Я довольно долго, в общей сложности восемь лет, работал в Соединённых Штатах Америки — заведовал там корпунктами «АПН» и «Литературной газеты». По собкоровским стандартам — не очень большой срок. Но для меня лично — огромный. Большая часть его выпала на бурное время войны во Вьетнаме и антивоенного движения в США.

Часто я слышу вопрос, какой год из тех, что я провёл в США, был самым неспокойным для Америки. И я не колеблясь отвечаю — 1968-й. То были удивительные 12 месяцев. Америка открылась тогда во многом так, как никогда не открывалась ни до, ни после. Открылась и в том хорошем, светлом, что заложено в ее народе. И в том темном, тяжком, что таится в её образе жизни, в её строе.

1968 год — это был год выборов президента, двух бурных съездов — республиканской партии и демократической; двух известных политических убийств, совершенных в США (Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди), и непрерывного массового политического убийства, совершавшегося Америкой во Вьетнаме (именно в 1968-м в деревушке Сонгми американский лейтенант Кэлли повторил преступления гитлеровских нацистов); время нарастания антивоенного движения внутри страны, усиления политической активности молодежи, борьбы негритянского населения за свои гражданские права.

Может быть, не было в американской истории второй половины XX века другого, столь бурного, противоречивого, богатого значительными событиями года, как 1968-й. И многое в политике сегодняшней Америки становится понятней и ясней, если вспомнить тот «год неспокойного солнца», обнаживший многое в психологии американского образа жизни.

Вот почему мне хочется рассказать именно о том времени. В каком-то смысле 1968-й — жестокий, самодовольный, гневный и растерянный, с глазами, налитыми кровью и слезами, — пролог Америки восьмидесятых.

Я не ставил перед собой задачи изобразить полную картину жизни страны. Писал только о том, что самому в то время казалось важным и интересным. Жизнь Америки тогда мне виделась именно такой, и сегодня не хочется задним числом «осовременивать» свой взгляд. Да и нет нужды.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОДИН ГОД НЕСПОКОЙНОГО СОЛНЦА

Глава первая
ЯНВАРЬ

Хождение в страну Хиппляндию

В маленькой очереди к портье гостиницы передо мной остался только один человек.

— Ничего нет? — спросил он у портье.

Тот развёл руками:

— Ничего, мистер Конрой.

Я задал вопрос — как проехать на Хэйт-Эшбери. Гостиничный служитель не успел ответить, как тот, кого назвали Конроем, не глядя на меня, сухо сказал:

— Могу показать. Я еду туда.

Мы вместе вышли из отеля, вместе сели на пластиковое сиденье автобуса. Я начал было что-то спрашивать, но услышал односложные ответы и замолчал. Конрою было, наверное, лет сорок пять. Он был худощав. Серый костюм висел на нем плоско и свободно. Лицо тщательно выбрито, ботинки начищены, галстук повязан наиотличнейшим образом, воротничок рубашки свеж, без единой морщинки. Но загорелое лицо — контрастом к этой корректности — было осунувшимся, глаза — усталыми.

Мы миновали перекресток, где на специальной платформе три поджарых кондуктора в серых костюмах, навалившись на стенки, разворачивали трамвай-босоножку, и доехали по Гэри-стрит. Магазины еще были закрыты. По тротуарам шли свежевымытые секретарши с заспанными глазами и спешило чиновничество в темных костюмах с портфельчиками «атташе» в руках. За стеклянным окном парикмахерской перед гигантским, во всю стену, зеркалом сидели в величественных креслах четыре парикмахера в зеленых распашонках и брились.

— Сбежал кид[1]? — неожиданно спросил Конрой.

— Нет.

— Значит, развлечься. — Он скорей ответил, чем задал вопрос, и неприязненно усмехнулся.

— Я журналист.

— А-а…

Две или три остановки он молчал. Потом сказал, будто не было долгого перерыва в разговоре:

— А у меня ушёл. Позвонил через неделю, сказал, чтоб не волновались, иначе, мол, не мог. И повесил трубку. Мы разыскивали сначала в Нью-Йорке. Теперь вот сюда прилетел.

Хожу на Хэйт-Эшбери каждый день, как на службу. Жена заболела. Он у нас единственный. Семнадцать лет.

Конрой говорил сухо, без видимых эмоций. Будто давал справку.

— Если хотите, будем сегодня ходить вместе. Я тут уже многое знаю, могу быть полезен. А вы, может быть, принесете мне счастье, если у вас легкая рука.

Я, конечно, согласился.

Мы идём по тротуару; осторожно переступая через ноги. Обутые в кожаные ремешковые сандалии или босые, они протянуты от домов к проезжей части поперек тротуару. Владельцы сандалий и грязных пяток сидят на асфальте, прислонившись спинами к домам. Тихо переговариваются. Рассматривают прохожих. Целуются. Дремлют, опустив на грудь косматые головы. Конрой идёт впереди меня. Он мастерски преодолевает препятствия — ни разу не наступив на ноги. Как видно, тренирован. Иногда наклоняется, чтобы заглянуть кому-нибудь в лицо. Один раз бесцеремонно сдвинул рукой волосы, закрывавшие лик. Оказалось — девица. Она показала ему розовый язык и водворила волосы на место.

Стена в книжном магазине увешана плакатами. Они фосфоресцируют, колют глаз резкими цветами. Объемный портрет Христа в терновом венке. Объемные слезы на щеках. Слева посмотришь — глаза у Христа открыты. Справа посмотришь — закрыты. За такой портрет лет сто назад церковь отдала бы половину своих богатств. Рядом огромные — метра в полтора — фотографии Чарли Чаплина с тросточкой и в котелке, Зигмунда Фрейда, Мао, президента Джонсона со свастикой на рукаве.

Стена напротив — маленькие фотографии на кнопках, на клейкой ленте «скотч», на жеваном хлебе. На снимках — молодые парни и девушки. В приличной одежде. Прилично подстриженные. Иногда с мамой и папой. Иногда — за рулем отличной автомашины. Или на лужайке возле загородного дома.

Все как было. Как надо, чтобы было.

Под снимком миловидной девушки типографским способом напечатано:

«Пропала Ингрид Диттмар. 500 долларов награды».

И мелкими буквами — приметы.

«Анабелл! Мы любим тебя! Звони на наш счёт. Мама и папа».

Таких записок десятки. Напечатанные на машинке, типографским способом, написанные от руки.

А над всеми фотографиями размашистая ироничная надпись красным: «Зов предков».

Мистер Конрой подошел к одной из фотографий. На ней — улыбающийся паренёк. Прямые светлые волосы, утиный носик, как у мистера Конроя. В руках бейсбольная бита. Под мышкой — шлем. На широком белом поле фотографии надпись: «Я жду тебя. Я был здесь 10.10.67, 10.11.67, 10.12.67…» Большой пропуск и слово — «Папа». Мистер Коирой несколько мгновений смотрит на снимок, затем вынимает шариковую ручку и выводит сегодняшнее число. Ни слова не говоря, выходит из магазина.

Я догоняю его на углу. Он ждет меня под уличным знаком. Название «Хэйт-стрит» замазано жёлтой краской. Чуть ниже выведено: «Лав-стрит» — улица любви.

У столба парень с круглой добротной физиономией под островерхой широкополой соломенной шляпой. На носу темные очки в старорежимной металлической оправе. Продает газеты. Конрой что-то говорит ему вполголоса, дает несколько долларовых бумажек. Но газету не берёт.

Потом объясняет мне, поморщившись:

— Помогает разыскивать Эрика.

Снова мы идёт и молчим. Вдруг он говорит:

— Мы потом думали с женой. Да, я суховатый человек. Я сам знаю. Но ведь он имел все, что хотел…

У него странная манера. Может молчать час. И вдруг продолжает мысль, будто и не было перерыва в разговоре.

* * *

Вот несколько выдержек из выступлений членов Национального общества родителей сбежавших детей:

> «Сын сказал мне: „Ваша семья пронизана концепцией собственности. Вы — со своими автомобилями, телевизионными приемниками, своими накоплениями, — вы так смертельно дезориентированы. Только среди бедных — надежда. Что бы ваши дети ни совершили, это всегда будет здоровее того, что натворили вы…“»

> «Мой приехал к нам на рождество. Он был страшен. Ездил по снегу на трёхколесном велосипеде своей младшей сестры. Соседи убрали своих детей с улицы.

Боялись. Люди сторонились его…»

«Мне стыдно признаться, но мне нелегко с ним. Я раздражаюсь. Иногда мне кажется, что я не люблю его…»

«Вы думаете, они признают себя больными или виноватыми? Ничуть! Они считают, что в лечении нуждаемся мы».

«Мы спрашиваем самих себя: „Что произошло? Что случилось? Может, мы зачали их в полнолуние? Или еще что-нибудь?“»

* * *

Конрой схватил меня за рукав и втащил на тротуар. На месте, где я только что стоял, бесшумно пришвартовался похожий на океанский лайнер туристский автобус. Из него выпорхнули десяток голубых и розовых старушек, пять загорелых седых джентльменов и морячок застенчивого вида в белой шапочке, похожей на тарелку для компота. Сразу возник и повис в воздухе густой стук пишущей машинки — старушки защёлками своими автоматическими фотокамерами.

С десяток лог на тротуаре поджалось. С полдесятка живописнейших фигур поднялось с асфальта и величественно удалилось.

Экскурсовод был деловит, быстр и равнодушен.

— Моя фирма рада приветствовать вас в знамени том на весь мир районе Хэйт-Эшбери, где впервые поселились так называемые «бегущие дети», или «цветы-дети», или ещё — «хиппи». Недаром Сан-Франциско считается международной столицей хиппи. В разных странах их зовут по-разному. В Японии, например, «фуцентоку», что в переводе означает «сумасшедшее племя». На мой взгляд, это самое правильное название, потому что только, простите меня, «фуцентоку» могут бросить обеспеченную жизнь, любящих родителей и приехать сюда, чтобы жить в грязи и нищете…

Пишущая машинка била со скоростью двух тысяч знаков в минуту:

— Обратимся для примера к одному из представителей этого племени. Эй, кид, на минутку…

От стены отделился высокий парень. На нем солдатское грубое одеяло с дыркой посредине. В дырку продета голова, и одеяло висит на плечах на манер мексиканского хоройго. Из-под

одеяла видны только босые грязные ноги в завернутых до колен штанах. На лбу нарисована петуния. На шее висит стеклянная пробирка на кожаном ремешке. Пробирка заткнута пробкой. В пробирке, если я не ошибаюсь, ползает муха…

— Скажите, пожалуйста, кто ваши родители? — спросил экскурсовод парня, отворотившись от него вполоборота, как это делает, если вы замечали, белый клоун в цирке, бросая свои реплики рыжему и заранее зная, что тот ответит.

— Мой отец миллионер в Техасе, — лениво сцедил парень.

Кто-то из владельцев грязных ног на тротуаре заржал.

Экскурсовод кивнул одобрительно.

— Зачем же вы покинули семью, странный человек?

— Вызов обществу, — равнодушно отозвался парень.

— Вы живёте здесь инкогнито? — Экскурсовод продолжал обращаться к экскурсантам, а не к парню.

— Абсолютно. Я не могу открыться, меня схватит полиция.

Одна из старушек — сиреневые цветочки в голубых локонах — ахнула и наставила на беглого миллионерского сына фотокамеру.

— За четвертачок? — спросил парень в одеяле.

Старушка растерялась:

— Я за снимки не беру.

— Я беру, — веско сказал наследник миллионов. — Не вам четвертак, а мне. — И он требовательно выпростал из-под одеяла грязную руку.

Старушка, порывшись в ридикюле, высыпала ему в ладонь несколько монеток. Рука снова исчезла под одеялом. Старушка пыхнула голубым светом.

Другая старушка — розовые цветочки в сиреневых локонах, вуалька с блёстками — робко спросила, указывая на пробирку:

— Скажите, а зачем там муха?

Парень помолчал, обдумывая ответ. Потом сказал:

— Просто так.

— Гм, — покачала головой старушка. — Как же она не задохнётся?

Парень посмотрел свысока, ответил раздельно, со значением:

— Дырка в пробке, мэм.

Конрой дотронулся до моего плеча:

— Пойдемте.

Мы долго шли по улице. В воздухе носились обрывки газет и какое-то, тряпьё. В лавчонках торговали кожаными ремешковыми сандалиями и бусами из каштанов и миндаля.

К нам подошли двое просвечивающих на солнце пареньков.

— Кофе, сэр, — сказал один из них.

— Что кофе? — не понял я.

— На кофе, сэр. Какую-нибудь мелочь. Может быть, гривенник или четвертак.

Я достал четвертак. Конрой заложил обе руки в карманы брюк и выпятил вперед впалый живот.

— Ну и что дальше? — спросил он ребят, раскачиваясь с носка на пятку и обратно.

Ребята, видно, не очень поняв, что он от них хочет, стояли перед нами, переминаясь с ноги на ногу и пощипывая свои еще не растущие бородки.

— Что же будет дальше, милые?

Пареньки молчали.

— Нет, это всё-таки очень интересно. Может быть, вы расскажете иностранному журналисту, как вы собираетесь жить дальше, к чему, собственно, вы стремитесь и чего добиваетесь?

Один из пареньков доверчиво улыбнулся:

— Быть самими собой и получать удовольствие.

— Оччень хорошо. Получать удовольствие! А если и я начну получать удовольствие, тогда что? Или вот он, журналист?

— Тогда будет прекрасно! — сейчас оба паренька улыбнулись. — Именно этого мы и хотим.

— У кого же вы тогда будете просить свои четвертаки? — предвкушая торжество, посмотрел на меня Конрой.

— Так ведь денег не будет. Всё будет общее. Пошёл — взял что хочешь, — они глядели на него удивлённо.

— А кто же будет производить это самое «Что хочешь»?

Пареньки пощипывали подбородки, один чесал босой пяткой икру.

— Кто? — раздраженно переспросил Конрой.

Один из них пожал плечами, другой виновато улыбнулся. Оба повернулись и ушли.

Конрой ничего не сказал. Только посмотрел на меня выразительно.

«Кто такие цветы-дети? Цветок-дитя — это молодой человек или девушка, принадлежащие к новому поколению. Оно чутко и верит в идеалы. Оно верит, в любовь, красоту, мир, понимание, свободу, участие и помощь друг другу. Цветы-дети пытаются изменить мир воздействием своих идеалов.

Они любят выражать самих себя, через кольца, бусы, цветы. Цветы прекрасны, потому что они — часть природы. Цветы прекрасны, полны мира, никому не

приносят вреда, а только украшают жизнь. То же самое и цветы-дети…»

(Из сочинения ученицы школы «Грейт Нек» на Лонг-Айленде)

ЖАЛОБА БАКАЛЕЙЩИКА ДЖОНА МЭЛРЕДИ:

«Понимаете, приходят два длинноволосых и, не спрашивая разрешения, лепят какой-то свой плакатик на витрине моего магазина. Что-то там такое насчет отношения к ближнему. Я их, конечно, спрашиваю: „Вы что же, говорю, нет у вас никакого уважения к частной собственности, что ли?“ Знаете, что они мне ответили? Ничего не ответили, вот что! Сказали только, что я болен, засмеялись и ушли».

Однажды, ещё мальчишкой, в школе я видел под микроскопом живую клетку, зараженную микробами. Я помню ограниченное пространство, усеянное мельчайшими движущимися организмами. Их было несчетное количество. Они беспорядочно и быстро передвигались, сталкивались, соединялись в группы, делились и разбегались снова.

Когда я впервые попал на балкон для экскурсантов в Нью-Йоркской бирже, я сразу вспомнил ту картинку под микроскопом. По желтому полу, усеянному бумажками «продай-купи», на первый взгляд беспорядочно бегали сотни людей в одинаковых светло-серых или кремовых пиджаках. Сверху видны только плечи и набриолиненные или лысые головы клерков и маклеров. Они вертятся вокруг невидимого бога. Сам бог не присутствует. Его не всегда понятные действия угадываются лишь в призрачном мелькании цифр, обозначающих, сколько стоит акция в эту минуту, в эту долю минуты. Бог где-то рядом. Где тишина и величие. А здесь его приёмная — шумная и бестолковая.

И вот в один прекрасный день на балкон для туристов, на которых клерки внизу обычно не обращают никакого внимания, пришли хиппи. Человек десять — пятнадцать. На этот раз, чтобы не вызвать подозрений, они были одеты довольно прилично. Даже при галстуках. Постояли некоторое время спокойно. Посмотрели на кипение серо-кремовой массы внизу, послушали объяснения

гида. Потом кто-то из них крикнул: «Э-гей!»

Несколько десятков клерков приостановили свой ритуальный бег внизу по навощенному полу и с озабоченным удивлением, посмотрели вверх на галерею. Остальные продолжали движение. И тогда хиппи принялись спокойно вынимать из карманов зеленые бумажки и бросать их с улыбкой вниз — клеркам. Бумаженции летели медленно, как сухие листья с дерева, планируя на горячей воздушной волне, выдыхаемой сотней клерков.

И тут остановилось всё движение внизу. Целиком остановилось. Остолбенели с поднятыми вверх головами клерки и маклеры. Открыли рты. Потому что сверху, с балкона, к ним летели не простые бумажки зелёного цвета, а доллары… доллары!.. НАСТОЯЩИЕ ДОЛЛАРЫ!!!

Клерки всё стояли неподвижно. А сверху всё падали доллары, а хиппи всё улыбались спокойно и загадочно, как десяток Джоконд.

И тут клерки не выдержали. Люди, ежесекундно имеющие дело с распоряжениями «продай-купи» на сотни тысяч, миллионы долларов — чужих долларов, — бросились хватать с пола, ловить в воздухе однодолларовые купюрки.

Вот тогда сверху и раздался смех. Весёлый смех. Издевательский смех. Хиппи, по всей видимости, получили большое удовольствие.

Конечно, их выставили взашей. Но и на улице, на знаменитом перекрестке известных всему миру Уолл- и Брод-стрит, они продолжали смеяться. Взявшись за руки, они образовали круг и принялись танцевать (на УОЛЛ-СТРИТЕ!) и петь немудреные куплеты:

Настала деньгам смерть, смерть, смерть!
Настала деньгам смерть, смерть, смерть!
Свобода! Свобода! Свобода!

При этом они, говорят, выделывали непочтительные па.
Их, конечно, разогнала полиция…

* * *

Как-то поздно вечером несколько сот хиппи собрались на улице Святого Марка в Нью-Йорке, неподалеку от того места, где она пересекается с мрачной и грязной Третьей авеню. Музыканты хиппи забрались на кузов небольшого грузовичка, настроили свои

электрогитары. Певица, известная среди хиппи под именем Шейла — Богиня трущоб, с воодушевлением затянула песню:

О, найти бы дом мне
Среди тех — бездомных.
В парке люди свободны.
Там деревья и отдых.
Хиппи-братья вокруг.
Там под деревом — друг.

И все, кто был на перекрестке, грянули припев:

Дом у нас под деревом,
Свобода — под деревом.
Денег нет — под деревом.
Всё наше — под деревом.
А всё, что не здесь,
Просто — болезнь…

Попозже подъехал ещё один грузовичок. Хиппи вытащили из него небольшое вечнозеленое деревце, вырыли на пустыре в куче жирной грязи ямку и торжественно посадили дерево.

Толпа, увеличившаяся вдвое за счет зевак, приветственно кричала, размахивала шляпами и кепками. Электрогитары торжествующе орали с кузова, заглушая Богиню трущоб:

Дом у нас под деревом.
Свобода — под деревом.
Денег нет — под деревом…

В толпе обнимались, передавали друг другу бумажные стаканчики с простоквашей.

Это был симпатичный праздник.

Полиция вела себя корректнейшим образом. Посадка дерева была обговорена с ней заранее. Копы не только не препятствовали шумной процедуре, но, наоборот, создали условия: закрыли улицу для транспорта.

Из уст в уста передавали в толпе хиппи миролюбивую фразу, сказанную капитаном Финком, начальником 9-го полицейского участка: «Пусть себе…»

Праздник кончился ровно в двенадцать часов ночи, как и было условлено с полицией. Об этом объявил хиппи-организатор

через микрофон на грузовичке. И тот же хиппи попросил — пусть каждый, уходя с этой грязной и бедной улицы, нагнется и унесет толику мусора — рваную бумажку, окурок, кусок штукатурки. И каждый нагнулся. И каждый сделал то, о чем его просили. И улица сразу стала чище. Это было заметно даже ночью.

Перекрёсток опустел. А на куче грязи осталось стоять маленькое вечнозеленое деревце.

Ну, а когда на улице осталось уж совсем мало хиппи, миролюбивый капитан Финк, тот самый начальник 9-го участка, который произнес прекрасную фразу «Пусть себе…», подошёл к куче, грязи и собственноручно без натуги вытащил деревце и бросил его в кузов полицейского грузовика, чтобы отвезти на свалку.

Хиппи растерялись. Потом вознегодовали. Начали кричать «бу-у» — единственный способ, которым они могли выразить свой протест.

Капитан плюнул и приказал выбросить дерево из грузовика, но с условием, что хиппи не будут сажать его здесь, на пустыре. По его мнению, представление кончилось — декорации полагалось убрать.

Хиппи подняли дерево и пошли вниз по улице, держа его на плечах, как покойника. Они спустились по Святому Марку до зеленого пятачка над названием Томпкинс-сквер-парк и похоронили дерево тай под песню:

О, найти бы дом мне
Среди тех — бездомных.
В парке люди свободны.
Там деревья и отдых.
Хиппи-братья вокруг.
Там под деревом — друг.

Я рассказал обе истории Конрою. Он выслушал вежливо и внимательно, хотя первую — о бирже, как оказалось, слышал раньше, и произнёс решительно:

— Это всё притворство, театр, игра в блаженненьких.

— Вы не верите в искренность этих ребят? Вы не верите в искренность вашего сына?

Он посмотрел на меня зло:

— Конечно, могут быть исключения. Но вы же взрослый человек. Этого, — он кивнул на живописных голодранцев, сидевших на тротуаре, — просто не может быть. Понимаете? Не может быть! Это всё не реально, иррационально. Это — мистика. Человек не может уйти добровольно из хорошего дома в лачугу.

Человек не может отказать себе в удовольствии жить лучше других, жить богаче других. Такова человеческая натура. А раз так — всё это игрушки, кривлянье.

— Но их около четверти миллиона, если не больше.

— Массовый психоз.

— Вам не приходилось знакомиться с их программой?

— Какая, к чёрту, программа! Ничего у них нет. Каждый программирует, как хочет. Вот вы слышали мой разговор с теми двумя молокососами: «получать удовольствие», — он скривил лицо презрительно, — вот и вся их программа. Можете полюбоваться, я тут вырезал из одной их газетенки «формулу хиппи». Пожалуйста.

Он вынул из бумажника кусочек газеты. Там было напечатано:

> «Автоматика 1916 1942 электронно-счётная кислота 1943 Т. С. 1938 1952 1942 Ракета 1945 атомная бомба молодежь взрыв 67. Всегда. Бесконечность. Навсегда. Теперь — и изменяясь».

Я переписал «формулу» дословно, со всеми знаками препинания.

— Ну вот, что вам ещё требуется?

«Формула» хиппи, надо прямо сказать, не внесла в наш разговор ясности.

— У движения хиппи есть принципы, известные многим, — сказал я. — Но мне не приходилось встречать, так сказать, писаной программы. Не приходи лось ли вам?

— Нет, — ответил Коирой. — Есть тут, правда, один «программист-теоретик». По совместительству торговец всякой всячиной. Если хотите, могу познакомить. Только сегодня воскресенье, вряд ли мы его застанем. Ну всё равно — идёмте. И мне и вам надо ходить.

* * *

Лавка, вся витрина которой была разрисована огромными разноцветными концентрическими кругами, действительно оказалась закрытой. Её хозяина не было. У запертых дверей сидел на асфальте парень в украинских усах, которые в Америке называют английскими, и читал Фрейда.

Услышав наш разговор, поднял голову.

— Кроме Рона, программу хиппи знает по-настоящему только Питер, — сказал он и закрыл книгу.

— А где найти этого Питера? — спросил я.

— Да уж где-нибудь тут крутится.

— Поблизости?

— Может, и поблизости.

— А вы, случайно, не Питер?

Парень подумал-подумал и согласился:

— Питер. Почему же не Питер?

Он встал. Лицо у него было скуластое, усы свисали до подбородка, бороды не было. Кроме джинсов, на нем была майка с цифрой 48 на груди и длинный, с чужого плеча, пиджак. На лацкане — красная брошка с надписью: «Занимайтесь любовью, не войной».

Я попросил Питера рассказать, как он себе представляет программу хиппи.

Он обнял свои худые плечи, как Черкасов в роли Пата, попрыгал на одной ноге, на другой, потер лицо, будто умылся, снова заключил себя в объятия и вдруг сел на тротуар и уткнулся во Фрейда.

Лицо Конроя пошло красными пятнами.

— Так как же насчёт программы? — осведомился я.

— А вам это зачем? Всерьёз или для забавы? — вдруг спросил парень.

— Это будет зависеть от вас. Пока что получается забава.

Питер усмехнулся.

— Это я разминался. Замёрз.

Я присел на корточки и стал открывать диктофон.

— Программ-то много, — сказал Питер, — но основных принципов, как я их понимаю, — немного. Будете записывать?

Я поднёс к его лицу морковку микрофона.

— Ам! — рявкнул Питер и засмеялся.

Пальцы правой руки Конроя наигрывали на кармане пиджака нескончаемую гамму.

— Нынешнее общество бесчеловечно, — начал Питер. — Оно уродует человека с детства, ещё в семье. Прививает ему жизненные принципы стяжательства. Хиппи предлагает — человек должен стать наконец самим собой. Для этого — ячейка общества, не семья, а коммуна. Детей воспитывать сообща. Ребёнок должен воспринимать сложный, облик общества, не повторять повадки и взгляды своих родителей. Система жизни — коммуна индивидуальностей. Каждый живёт, как хочет, делает, что хочет. Проявляет себя, как ему угодно. Институты современного общества, которые калечат людей — роскошь, богатство, собственность — надо уничтожить. Жизнь должна быть проста. Механизация уродует людей. Ближе к природе. Долой

войну. Долой войну во Вьетнаме. Долой Джонсона. Любовь, а не война…

Все эти лозунги Питер произносил спокойно, тихим голосом, как учитель на диктанте.

— Строить новое общество уже сегодня — в рамках старого. Люби всех и избегай насилия. Средства для жизни — от продажи кустарных изделий и произведений искусства. Мы никого не собираемся перевоспитывать и переделывать. Если общество не желает следовать нашему примеру — тем хуже для общества. Мы просим одного — оставьте нас в покое, дайте нам быть самими собой, дайте нам жить вне вашего общества.

Питер, видимо, закончил. На уровне, моего носа пальцы мистера Конроя, который стоял над нами, продолжали трудиться над гаммой. Только теперь в темпе бешеного allegro.

— Вот и всё приблизительно, — сказал Питер и снова обнялся сам с собой. — Кажется, всё.

Я выключил диктофон.

— Ерунда, — вдруг сказал Конрой сверху раздражённо. — Детские штучки. Притворство.

Он посмотрел на Питера с вызовом. Тот потянулся и сладко зевнул.

— Вы эгоисты. Вы паразитируете на шее общества, которое отвергаете, — снова бросил перчатку Конрой.

— У вас съехал галстук, — дружелюбно молвил Питер.

Но Конрой не хотел мира.

— Вы говорите о любви, а ведь первое, что вы сделали, нанесли удар в самое сердце родителей, сбежав от них. А они — эти чёрствые собственники — отдавали вам всё: внимание, деньги. Они обучали вас, кормили!

Питер поднялся, потёр ладонями плечи. Ему всё ещё было холодно. Сказал:

— Неужели вы всерьёз думаете, что можно и дальше так жить, как вы живёте?

— Как «так»? Как «так»?! — встрепенулся Кон-рой. — Ну, скажите, что нужно было моему сыну? Я вице-президент хорошей фирмы. У нас отличный дом. Я работал по двенадцати часов в сутки, потому что хотел для него только добра. Я купил ему «мустанг». И вот…

Конрою хотелось, наверное, выложить все те аргументы, которые он не успел поведать сыну и которые родились в долгие часы воображаемых разговоров с ним, в долгие дни и ночи блужданий по непонятной ему стране Хиппляндии.

— Может быть, ему нужно было стать самим собой? — мягко сказал Питер.

— Ерунда! Заумь! Я отказываюсь понимать.

— В этом всё дело.

— Мне трудно с вами разговаривать, — сказал Конрой, явно сдерживаясь. — Вы лишились способности мыслить согласно нормальным законам человеческой логики. Вы изобретаете свою логику. Между нами интеллектуальная стена.

Питер засмеялся. Он смеялся легко и свободно. Этот безжалостный смех взорвал Конроя.

— Лицемеры! — сказал он тихо. — Вы говорите о любви и добре, а каждый день у вас здесь разврат, грабежи, насилия и даже убийства.

Он повернулся ко мне:

— Две недели назад девочку убили, мерзавцы. Невинную девочку. Наговорили ей вроде того, что он тут нам плетёт, она пришла — доверчивая. А её изнасиловали вдесятером и потом убили.

Не оборачиваясь к Питеру, он бросил:

— Это правда?

Питер хотел что-то сказать.

— Нет, вы мне ответьте, это правда? — с угрозой повторил Конрой.

— Правда.

— Где же любовь? Где же добро? Вы говорите — долой собственность, долой деньги. А кто наживается на продаже наркотиков? Да ваш же знакомый теоретик и наживается. А этот парень с мухой в пробирке — ведь он получает жалованье от туристской компании. Все вы — актеры. И с удовольствием грабастаете деньги за свое лицедейство. Бусики, сандалики, рванье. А пойдите купите сандалики — стоят подороже, чём выходные туфли у Флоршейма.

Питер опустил голову. Конрой понял это как капитуляцию.

— Так что же вы всем голову морочите?! Зачем вы увели моего Эрика? Ведь он поверил в идеалы. Поверил!.. А вы такие же подлецы, как…

Вдруг Конрой стремительно отошёл от нас и стал перебегать улицу, что-то крича длинному человеку в кожаной короткой тужурке. Тот стоял на мостовой возле приземистого длинного мотоцикла, блестевшего под жёлтым закатным солнцем, как маленькая таиландская пагода.

Человек в тужурке, увидев Конроя, сделал движение к мотоциклу, но Конрой снова крикнул, подбежал и начал быстро что-то доказывать мотоциклисту. Тот отрицательно качал головой. Тогда Конрой вынул бумажник и принялся отсчитывать деньги. Мотоциклист всё ещё качал головой. Но деньги взял. И

что-то сказал Конрою, а Конрой быстро записал в книжку.

Затем мотоциклист сел; на свою пагоду и, взревев немыслимым мотором, умчался. А Конрой, побледневший, как мне показалось, направился в нашу сторону.

— Мы уходим отсюда, — вдруг сказал Питер.

— Кто уходит? — не понял я.

— Настоящие.

— Куда?

— Не знаю. Куда-нибудь. Здесь больше нельзя. Здесь нас превратят… здесь нас уничтожат…

Я вдруг увидел слёзы. Они, не выливаясь, стояли в глазах Питера. Потом одна покатилась по щеке, оставив после себя перламутровую дорожку, и повисла в его англо-украинских усах.

* * *

Конрой был возбуждён. Он даже не взглянул на Питера.

— Наконец-то. Он давно меня водил за нос. Давно… Все обещал адрес сына. Деньги вымогал, конечно, подлец. А сейчас дал.

Он похлопал себя по карману пиджака, где лежала записная книжка.

— В шесть у меня встреча.

— С сыном?

— Нет, пока только с его товарищем, — невесело усмехнулся Конрой. — Мерзавец, пятьдесят долларов взял за адрес.

Он посмотрел на часы.

— Осталось полчаса. Тут недалеко. Хотите со мной? У вас действительно лёгкая рука.

Я попрощался с Питером. Тот вяло пожал руку. Конрой не удостоил его даже взглядом.

У нас еще было время, и по дороге я зашел перекусить в пиццерию. Конрой остался на улице.

Лысый хозяин-итальянец в майке поверх брюк, раскручивая на кулаке тонкий лист теста, спросил деловито:

— Синьор — газетчик? Тут вашего брата — как пчёлы на мёд. Доходная тема. Хе-хе… не обижайтесь.

— Я не обижаюсь.

— Пицца? Равиоли? А то вот могу предложить хиппирожок… До меня никто не додумался. Девяносто центов штука…

Хиппирожок представлял собой кусок полусырого говяжьего фарша с луком — в тесте.

— В других местах точно такие же пирожки, я, помнится,

едал под другим названием, и стоили они втрое дешевле.

— А идея?! — возразил хозяин и пожаловался: — Только теперь разве идею удержишь! Разворуют мигом. Первый Джек украл. Вот на том углу. Из «Пьяного дельфина». Назвал «хипблинчики». Я ему: жулик ты, Джек. А он: не хиппирожок, а хипблинчик — и баста. И. «Пьяного дельфина» переименовал в «Хиппьянку». А ведь идея всё-таки моя, правда, синьор? Как вы думаете, можно мне подать в суд?

Я сказал хозяину, что видел в Нью-Йорке бутерброд с ветчиной, который теперь называется «бутерброд с любовью», а сосиски — «горячие цветы».

— Да ну?! — всплеснул тот руками. — Вон куда упёрли идею. Бандиты!..

Я не стал расстраивать хозяина рассказами о том, что выношенная им идея хиппирожка давно уже процветает на более высоком коммерческом уровне. Спорый Голливуд сразу же произвёл несколько фильмов о хиппи. (Как выразился продюсер: «В больших городах, конечно, не пойдёт, а в маленьких, на Юге и на Среднем Западе, ничего, сожрут!») В кабарешках уже идут программы под названием «Хиппи, любовь моя». Есть радиопрограмма «Власть цветов». Выпущены в несметном количестве нагрудные значки с лозунгами хиппи. Продаются — и довольно дорого — хорошо потрёпанные предметы хиппитуалета — отличные парики и бороды — для детективов и для тех, кто хочет пожить в роли хиппи на уик-энд, а в понедельник вернуться в отчий дом к чистой пижаме и горячей ванне. Уже прославились на всю страну своими заработками хиппиджазы. Уже в кровь дерутся рэкетиры за обладание рынком цветов, любви и добра.

Ничего этого я не рассказал лысому кулинару. Он, конечно, и без меня знал об этом.

* * *

Снаружи дом был покрыт пластиковой коркой, имитирующей изящную кладку грубо отесанного камня. Внутри дом был деревянный, очень немолодой. В подъезде пахло ветошью и кошками. Конрой поколдовал у списка жильцов в металлической рамке, и мы стали подниматься по узкой, многоголосо скрипящей лестнице. — На ступенях толстыми стражами стояли бумажные кули с обрывками газет, сгнившей банановой кожурой и банками из-под консервированной фасоли.

На третьем этаже Конрой поправил галстук, тыльной

стороной ладони провёл по щеке — хорошо ли выбрит. Только тогда постучал.

— Йяяп! — раздалось из комнаты.

Конрой заметно волновался. Он толкнул дверь, и мы вошли. На меня через дверь, самодовольно посмеиваясь, глянул Герман Геринг. В белом кителе с атласными лацканами, с аксельбантами, при всех регалиях. В пухлой руке держал перчатку и стек. Бывший рейхсмаршал авиации занимал на стене площадь размером пять футов на три. Под ним на спинке реального стула висела кожаная тужурка, как у того мотоциклиста. Под кожаным карманчиком — гитлеровский офицерский крест — или очень удачная имитация, — точно такой, как на кителе у рейхсмаршала. На сиденье стула валялись окурки и порожняя банка от пива «Шлиц». На столе лежала фуражка с высокой тульей. Точно такая же, как у рейхсмаршала. Только у того она была ослепительно белой, а эта — чёрная, грязная. Ещё на столе лежал мотоциклетный номер. А у ножек стула валялись линялые джинсы и стояли давненько не чищенные сапоги с низкими широкими, очень знакомыми когда-то голенищами.

Конрой быстро, оглядел комнату. В ней, кроме стола и стула, было ещё пять кроватей с тюфяками. Три тюфяка лежали просто на полу. Людей я не увидел.

Конрой поморщился от резкого запаха табачного дыма.

— Кто здесь есть?

Одеяло на одном из тюфяков зашевелилось. Из-под него появилось нечто рыжее и взлохмаченное.

— Йяяп? — молвило нечто.

— Меня прислал сюда Томас, — сказал Конрой.

Над одеялом произошло извержение рыжих волос. Потом показались морщинистый лоб, две заплатки из лейкопластыря вместо бровей и наконец серые глаза в красных оболочках век. Одеяло закрывало остальную часть лица, как паранджа.

— Меня зовут Конрой. Я ищу своего сына Эрика. Меня прислал Томас, ваш приятель. Мне нужно видеть Гарри. Вы не Гарри?

Глаза смотрели не мигая.

— Томас сказал, что Гарри сообщит мне, где мой сын Эрик. Вы не знаете Эрика?

Голова молчала. Рейхсмаршал продолжал улыбаться.

— Он блондин. Высокого роста. Вот здесь родимое пятно.

Губы у мистера Конроя дрожали. Он сделал шаг по направлению к тюфяку.

— Пошёл вон, — спокойно сказала голова. Одеяло потушило рыжее пламя и опустилось на тюфяк.

Конрой потоптался на месте. Потом повернулся и пошёл к двери. Я вышел вслед, за ним.

— Разве вы не попытаетесь расспросить его?

Конрой покачал головой:

— Нет. Бесполезно. Меня снова обманули. Это ведь знаете кто? Это «дикие ангелы».

Да, я знал, кто такие «дикие ангелы».

— Это не хиппи, — продолжал говорить Конрой. — Это наци. Они тоже делают здесь бизнес на хиппи.

Когда мы вышли, Конрой, не глядя на меня, сказал устало:

— Знаете, вы не обижайтесь, но я похожу один. У вас оказалась не такая уж лёгкая рука…

Мы простились

* * *

На поляне у входа в парк Золотых Ворот в последних лучах заходящего солнца мирно грелось цветастое население Хиппляндии. Вокруг поляны бегал парень лет двадцати. В руках он держал закрытый зонтик. К ручке зонтика была привязана тонкая собачья цепочка. За другой её конец держалась простоволосая босая девушка. Посреди поляны спокойно и величаво полулежал седобородый старик в парусиновых брюках, голый до пояса. Не просто бородатый человек, а именно старик. Он был похож на брамина.

Я пристроился неподалеку, разыскивая хорошую точку для съемки. Вдруг услышал:

— А по-русски-то говоришь?

Я оглянулся. На меня, улыбаясь, смотрел тот старик.

— Откуда вы узнали, что я русский?

— А бог его… По походке, должно.

Я присел к нему. Около него — небольшой баул жёлтой кожи. На коже химическим карандашом нарисовано сердце, пронзённое стрелой, и какие-то инициалы.

— Вы что же — с хиппи? — полюбопытствовал я.

— Я ни с кем особенно-то. Да и не против. Я сам по себе.

— Откуда же вы?

— Молокан.

— Вон что.

— Йес, молокан.

— В Сан-Франциско живёте?

— Йес. Сейчас-то ретайерд, в отставке. А раньше работал. С тридцати лет. Сколько отработал!.. Может, и все семь лет. На

ферничер — мебель. Тады начали создавать юнион. А я грю — не хочу в юнион. Вот меня и погнали. За юнион и за бороду. Грят — брей бороду. А я грю — но, не буду. Тады, значит, свой трок купил. Грузовичок. Ездил по фармам. Фрукту покупал-продавал. А тут кампетишен — конкуренция. Много троков. Ну да история большая, усе не расскажешь.

Он замолчал. Потом, видно, все-таки решил продолжить.

— Тут дети. Два парня, две дочки. Дале — боле. Выросли робяты, женились. Молодежь наша молоканская теперь усе на американ перешли. И работают на американов. И обычаи. И об религии так, не строго. Держать религию чтобы в точности — но. Я вот держу. Все грят, сбрей да сбрей бороду. А у меня язык хороший. Вот чуток-почуток всех и переговорил. Не сбрил до сих. Арестовали. Год в тюрьме просидел. Но вот живой. Не за бороду, правда. В армию меня драфтовали. А я не ишел. Вот за что.

Старик рассказывал плавно и весело.

— А насчёт вас я сразу признал. Кэмера у вас русская. Я видел такие. Значит, писатель? Писать будете?

К нам подошли вдруг парень с зонтиком и девушка с собачьей цепочкой на шее.

— Старик, трава есть? — спросил парень.

— Да что вы, милые, я травой не занимаюсь. Идите себе, бегайте.

Парень и девушка не стали возражать. Снова принялись бегать вокруг поляны.

— Неприкаянные, — покачал старик головой и придвинул баул из желтой кожи. — Откуда взяли, что я травой занимаюсь? Травой они марихуану называют. Или ЛСД. Усе равно. А иногда грят — «кирпич» или «топ». Что за «топ» — неизвестно. Но все одно. Нет диференса. «Траву» открыто продают. Так и написано на шопе — «есть трава». Лавку закроют, запретять «траву» продавать. На другой день на том месте надпись — «есть топ». Или — «есть кирпич»…

— Ну и что ж вы о них думаете? — спросил я.

— Так ведь хорошая была мечта-то. Хорошая. Искренняя. — Он зевнул и перекрестил рот. — Да ведь куда сунулись-то, куда сунулись? Рази против такой силищи попрёшь?! — Он вскинул бороду куда-то по направлению к городу, к Юнион-скверу, к Гэри-стрит. — С цветочками-то в волосах! Они сюда с любовью, с добром. А вокруг-то зло, хэйт, ненависть. Они теперь с ножами ходят. Раньше от чужаков защищались, теперь друг от друга. Они, сюда — без денег. Мол, не надо деньги. Хотим сами собой. А тут на них усе. Бог ты мой. И кино сымают. И ваш брат ньюспейпермен понаприехал. Ну и пошло, и пошло. Теперь

посмотри. Одежду продаёт рич — богатый. Плакатами торгует — рич. Туристам себя показывают — рич. Наркотики. Ну и воровство пошло. И киллеры — убийцы. То в Нью-Йорке, то здеся. Зло вокруг. Да разве против такой силищи с цветочками удержишься? Вот и выскребли мечту, выскребли…

* * *

Я улетал из Сан-Франциско утром. В маленьком зале ожидания, откуда подвижный, на колесах, хобот-коридор ведет прямо в самолет, сидел на поролоновых диванах деловой люд в темных костюмах. Сидели также вездесущие американские старушки-болонки с могильными холмиками искусственных цветов на розовых париках. Все было чинно и прилично.

И вдруг в этот сверкающий чистотой зал вошел хиппи. Он был, как и полагалось, длинноволос, бородат и тёмно-очкаст. На нём была цветастая рубашка навыпуск и невероятно грязные джинсы. В одной руке он держал гитару в футляре. В другой — большую суковатую палку. Палка была из настоящего тика. Такие в Сан-Франциско стоят по 18 долларов 99 центов. Грязь на джинсах тоже была отличнейшего качества. Она не пачкается и не линяет. Замечательная химическая грязь. Её наносят на штаны художники-декораторы. Недешёво стоят такие замечательные штаны.

Музыкант предъявил два билета первого класса.

— Кто с вами, сэр? — почтительно наклонил набриолиненную голову служащий авиакомпании.

Музыкант улыбнулся и похлопал рукой по футляру.

Служащий с почтением оформил два билета. Приличные леди и джентльмены с немым восхищением рассматривали человека в грязных джинсах.

В самолёте сквозь дверь, ведущую в первый класс, я видел, как музыкант сел в кресло, а в другое кресло, согласно купленному билету, поставил гитару.

Я раскрыл цветастую книжицу, купленную в аэродромном журнальном киоске. Книжица называлась «Как стать хиппи. Практическое руководство». Она была удобного формата — можно положить в карман. На второй странице я увидел рисунок-схему «что носить хиппи» — какие джинсы, какие бусы, какие сандалии, что надо нарисовать на щеке и какая татуировка рекомендуется на плече. Впрочем, насчет татуировки в пояснительном тексте было сказано следующее: «Настоящую татуировку, конечно, наносить не имеет никакого смысла. Во-

первых, эта операция в достаточной степени болезненна. А во-вторых, через некоторое время, когда вам надоест быть хиппи, стоит лишь остричь волосы, сбрить бороду, принять ванну и одеться в нормальный костюм — и вы снова вернулись к прежней жизни. Но от татуировки вам так легко не избавиться. Поэтому мы предлагаем пользоваться специальным химическим заменителем (см. приложение № 4). Внешне рисунок, нанесенный этим красителем, ничем не отличается от настоящей татуировки, не смывается водой или мылом, не блекнет от пота. Однако в случае нужды вы сможете удалить его в течение нескольких секунд при помощи растворителя, который придаётся в той же упаковке…»

На титульном листе книжицы значилась марка очень солидного, преуспевающего и в высшей степени «приличного» издательства.

Ах, мудрые джентльмены. Ах, какие мудрые джентльмены работают в этом издательстве.

Самолёт поднялся. Я увидел в окно прекрасный розовый город, увидел бело-голубую каемку океана. Всего два часа назад я слушал на берегу шум прибоя. Океан накидывал на полированную поверхность песка прозрачную водяную кисею и сбрасывал, чтобы показать новую. Два босых хиппи, накрывшись одним одеялом, стояли на мокром песке, каждый на одной ноге, — похожие на озябших цапель или на памятник хиппи. Тяжеловесно изящные чайки, не обращая на них никакого внимания, по-хозяйски расхаживали по песку и метко били клювами маленьких крабов, запутавшихся в пене. Проходя мимо «памятника», я услышал фразу, сказанную в форме возражения:

— Бог умер в прошлом году, я сам читал…

Схватка на Уайтхолл-Стрит

Ночью позвонил американский друг:

— В пять тридцать собираемся на Уайтхолл-стрит. Приходи.

— Вечера? — спрашиваю с надеждой.

— Утра, конечно.

А ведь ночью так хорошо работается. Когда стихает наконец шумная улица и назойливый шепот хайвея перестает лезть в ухо. На столе куча не прочитанных еще журналов и газет (каждая весом в полкило и больше). К чёрту газеты. Остаётся три часа. В кассетах мало плёнки — намотать. Будет темно — зарядить аккумуляторную лампу. И вот уже мчится машина по пустым улицам.

А накануне тоже была демонстрация — в 11 часов утра, в

Бруклине. И еще будет несколько. Все это против войны во Вьетнаме. Две сотни организаций в Нью-Йорке целиком посвящают свою деятельность борьбе против войны. А кто пересчитает людей, которые сердцем и действием откликаются на призывы этих организаций?

Знакомые гулкие траншеи нижнего города. Брод-стрит, Уолл-стрит, Уайтхолл-стрит. Несколько тысяч демонстрантов, огороженных деревянными шлагбаумами. Несколько тысяч полицейских. Здесь находится призывной центр американской армии в Нью-Йорке.

Сюда рано утром приходят молодые ребята — призывники. Отсюда начинается их путь во Вьетнам. Демонстранты заняли всю улицу. Для прохожих оставлен только тротуар. Двое молодых парней с баульчиками появляются на этом самом тротуаре, ведущем к призывному центру.

— Не ходи! Не ходи! Не ходи! — кричат демонстранты.

Ребята не сразу понимают, что этот крик обращен к ним. Поняв, останавливаются смущенно. Снова делают несколько шагов, снова останавливаются…

— Не ходи! Не ходи! Не ходи! — кричит улица еще громче. — Это не твоя война! Это не твоя война!

Ребята, краснея от смущения, под светом кинопрожекторов проходят вперёд…

Толпа смолкает. Через несколько минут снова появляется призывник.

— Не ходи! Не ходи! Не ходи!

Этот тоже останавливается. И даже поворачивается к демонстрантам. Но тут же к нему подскакивает низенький полицейский:

— Проходи, не задерживайся.

Он крепко берет паренька за руку и ведет сквозь крики:

— Не стань убийцей! Не стань убийцей! Не стань убийцей!

Около самого входа в призывной пункт к нему подскакивают репортёры:

— Вы готовы ехать во Вьетнам?

— Куда пошлют.

— Вы считаете, что США правы в этой войне?

Он несколько секунд думает.

— Может быть, и нет.

— Но вы всё-таки идете?

Парень пожимает плечами:

— А что делать?..

— Не ходи! Не ходи! Не ходи!

Он открывает дверь и проходит в здание.

И вдруг радостные крики демонстрантов, и поднятые вверх руки, и цветы, летящие на тротуар.

Один из призывников повернул назад.

Демонстранты кричат торжествующе. Но полицейский, стоящий рядом со мной, ухмыляется:

— Он просто обойдёт другой улицей. Зачем ему идти здесь…

Может быть, он и прав. Но хочется верить, что правы люди на мостовой, которые так радостно кричат сейчас, после этой маленькой своей победы.

Седой человек в клетчатом пальто сидит на ступенях возле входа в призывной пункт. С ним ещё несколько. Его лицо знакомо. Только никак не могу вспомнить — где видел его. Вокруг репортеры с микрофонами: «Скажите, доктор Спок…»

Это известный в каждой американской семье доктор Спок, детский врач, написавший несколько чудесных книг об уходе за детьми, о воспитании. Американский доктор Айболит — воинствующий борец против войны во Вьетнаме. А иначе и не могло быть. Иначе — чего бы стоили его советы о воспитании детей!

Рядом с Бенджамином Споком полицейский в синей форме. Он — наготове. Еще не отдан приказ, но пройдет несколько минут, и доктор Спок будет арестован. Будут арестованы и его друзья. Об этом знает и полицейский и сам доктор Спок.

— Раз, два, три, четыре! — кричит инспектор. — Эти арестованы!

Полицейские берут доктора Спока за руки. Двери полицейской машины открыты. Вместе с ним арестовывают его друзей.

В здании уголовного суда они узнают, что слушание дела состоится между 10 и 24 января. Пока их отпускают под залог.

А демонстранты всё ещё стоят на Уайтхолл-стрит, напротив старого здания, где помещается призывной центр.

— Не ходи! Не. ходи! Не ходи!

И только к двенадцати часам дня улица пустеет. Я встречаю своего друга. Он возбуждён.

— Завтра здесь будет тоже самое.

— Снова ваша демонстрация?

— Нет, другие… Снова в пять тридцать утра. Понимаешь, призывной пункт открывается в это время. Придёшь?

Это почти ежедневно, почти ежедневно.

Диагноз доктора

Телефон Бенджамина Спока в Нью-Йорке не отвечает.

Мне объяснили, что доктор оставил медицину.

Если врач, причем выдающийся врач, имя которого известно всей стране, всему миру, бросает любимое дело, у него должны иметься для этого очень серьезные причины.

Старость? О нет! Там, на Уайтхолл-стрит, он совсем не выглядел старым и немощным. Да и возраст его далеко не преклонный — 64 года. Я не смог пройти в полицейский, участок. Но видел потом фотографию — доктор Спок у стальной решётки (к сожалению, этот снимок нельзя публиковать: друзья доктора объяснили мне, что фото было сделано нелегально — в полицейском участке не разрешается фотографировать). И там, в полицейском участке, на лице врача не было ни усталости, ни страха. Он стоял — в старомодном темном костюме — рядом с полицейским, устало регистрировавшим за столом арестованных, и иронически улыбался.

В чём же дело? Почему все-таки брошена медицина?

Доктор Бенджамин Спок родился в Нью-Хэвене, штат Коннектикут, в семье юриста. В юности был спортсменом, даже участвовал в Олимпийских играх 1924 года. Окончив медицинскую школу, практиковал в Нью-Йорке как детский врач. Во время второй мировой войны служил врачом-психиатром на флоте. Его хобби, как сообщают биографы, — танцы и яхты.

Слава — огромная и быстрая — пришла к нему в конце сороковых годов, когда одна за другой появились его книги о воспитании детей. Его взгляды были тогда целой революцией в такого рода литературе. Книги имели колоссальный успех. Их общий тираж — невиданный для Америки — 18 миллионов. Книги доктора Спока — потрепанные, захватанные, зачитанные — стоят на книжной полке в большинстве американских домов.

Неожиданно Бенджамин Спок начал принимать участие в митингах и демонстрациях против войны во Вьетнаме.

Это была сенсация, удивившая многих. Как, детский врач — и вдруг политика! Успех, благополучие, слава, увлечение танцами и яхтой — и вдруг так активно, так всерьёз, так страстно заняться политикой!

Речи доктора Спока на митингах и демонстрациях долгое время не публиковались в газетах, правда, появлялись сообщения о его выступлениях, но почти никогда не приводилось содержание речей. Об этом писал журнал «Фэкт», корреспондент которого брал интервью у доктора.

Прежде чем начать свои выступления на митингах, доктор Спок около двух месяцев работал над статьей, которая стала его кредо по вопросу о войне во Вьетнаме. Автор, чьи книги были изданы 18-миллионным тиражом, чьи статьи нарасхват

печатались любым журналом, полагал, что не встретит трудностей в опубликовании своей новой статьи.

Он послал в один журнал, но получил отказ. В другой — снова отказ. Семь журналов возвратили ему рукопись статьи. Не вдаваясь в существо дела, редактор «Харперз мэгэзин» ответил ему так: «Хотя я и испытываю глубочайшее уважение к вам как к детскому врачу и психиатру, я надеюсь, вы извините меня, если я выражу сомнение, что вы являетесь таким же специалистом в области международных отношений».

Комментаторы газет, радио и телевидения иронизировали: «На каком основании детский врач интересуется международными делами?!»

Но об одном, видимо, забыл редактор «Харперз мэгэзин».

Молодые, 18–20-летние американцы, которых политики и генералы — несомненные специалисты в области международных отношений — превращают в убийц и мертвецов, — все они, эти молодые люди, — воспитанники доктора Спока.

Как же детский врач мог оказаться в стороне от судьбы своих детей?

Доктора Спока спросили как-то: какой совет дал бы он своим сыновьям, если бы им пришлось призываться в армию.

«Я, конечно, предоставил бы им самим решать эти важнейшие вопросы. Но я гордился бы сыном, который отказался бы воевать во Вьетнаме… Вся суть решений Нюрнбергского трибунала состоит в том, что приказ правительства не оправдание для человека, который поступает против своей совести…

Мы живём в большой стране. Почему именно Америка, провозглашающая своей целью свободу, превратилась в мирового бульдога?

Американское правительство ведет себя, как истерически-капризный годовалый ребёнок, оно не может получить того, что хочет, и вместо того, чтобы задать себе вопрос — почему? — топчет ногами маленькую страну, которая не сделала нам ничего худого. Мы убиваем людей этой страны, потому что они отказываются принимать реакционное правительство, угодное нам…»

Врач не спешил с выводами. Он изучал общество, выслушивал его. И пришёл к выводу, что болезнь общества прогрессирует, что это болезнь духа, что чувства ненависти, страха и подозрительности — главные эмоции этого общества.

Таков был диагноз врача.

Главный способ лечения, по мнению доктора Спока, — действовать по велению совести. Рецепт: молодые американцы, отказывайтесь воевать во Вьетнаме! Молодые американцы,

отказывайтесь от призыва в армию!

Это предписание всемирно известного врача своим воспитанникам вызвало негодование сторонников войны. Врача обвинили в участии в заговоре. Было объявлено, что доктора Бенджамина Спока предают суду.

На пресс-конференции Бенджамин Спок сказал, что «готов идти в тюрьму, чтобы подчеркнуть абсолютную незаконность и аморальность войны во Вьетнаме, которая противоречит интересам Соединенных Штатов».

И вот теперь его последнее решение.

Прославленный врач оставляет медицину.

Его вывод — больное общество нельзя лечить средствами Эскулапа.

Через два дня доктор. Спок должен явиться в окружной суд Бостона, но перед этим он собрал в своей нью-йоркской квартире несколько корреспондентов.

Вся гостиная в тёплых, мягких бежевых тонах. И только на книжной полке резким чёрно-белым диссонансом рисунок Пикассо — Дон Кихот и его оруженосец.

Доктор весел и непринуждён. Высокий, загорелый, он от души хохочет, корда оказывается, что старичок фотограф, который долго выжидал удобного момента для снимка, забыл перезарядить камеру. Старичок фотограф чертыхается. Спок смотрит на нас выжидающе. Так и кажется, сейчас будет произнесена классическая фраза: «Ну-с, так что у нас болит?»

Готов ли он явиться в окружной суд?

— Конечно, — отвечает Спок. — Я поеду в Бостон, чтобы заявить о своей невиновности. Мои действия, вытекают из глубочайшего убеждения, что война во Вьетнаме незаконна и аморальна. Она — против интересов моей страны.

— Утверждают, что вы нарушили законы.

— Я призывал молодежь не подчиняться приказам об участии во вьетнамской войне и о призыве в армию. Эти приказы незаконны с человеческой точки зрения.

— Почему вы, детский врач, решили заняться политикой?

— Считаю, что миллионы матерей ждут помощи врачей, потому что здоровью детей грозит атомная радиация. Я начал принимать участие в работе комитета за запрещение ядерных испытаний.

— Многие говорят, что вас и вашу популярность как врача незаконно используют люди, занимающиеся вовсе не медициной.

— Я не знаю сейчас более важной задачи для человека, чем борьба за мир. И если меня и мою популярность могут использовать люди, которые стоят запрекращение незаконной

войны, я могу только радоваться и гордиться. Я заодно с теми, кто требует мира. Насчет «использования» я получаю много писем. В некоторых я читал: «Вы используете свою популярность для достижения целей, которые не имеют отношения к медицине. Это нечестно». Но гораздо больше писем, в которых люди благодарят меня и пишут, что воспитание детей и борьба против войны — вещи неразрывные. Видите ли, я рос в Новой Англии. А там у нас был такой принцип: вначале убедись, что ты прав. А если убедился, действуй и ни на что не обращай внимания.

— Много лет назад вышла ваша известная теперь всему мира книга о воспитании детей. Можно считать, что нынешнее молодое поколение американцев воспитано по вашим советам. Довольны ли вы, так сказать, результатами?

— Одна женщина написала, мне в письме: «Только теперь я поняла, что ваша первая книга была началом заговора, за участие в котором вас теперь судят».

Спок смеётся, а потом продолжает серьёзно:

— Мир не может быть спасен, если люди не будут бороться. Я счастлив, что часть американской молодёжи понимает, что необходимо действовать, она не хочет терпеть империализм, расизм и нищету.

— Значит, вы одобряете и длинные волосы и сандалии? — Этот вопрос задаёт корреспондент ЮПИ.

— Как видите, сам я одет вполне обычно. Но я считаю, что длинные волосы и сандалии — далеко, не самое главное. Главное — это убеждения людей. Во время демонстрации на Уайтхолл-стрит, в которой было много длинноволосых, экстравагантно одетых бородачей, я видел, как прилично одетые биржевые маклеры в белых воротничках орали нам, краснея от злости: «Идите домой и побрейтесь!» Откровенно говоря, я огорчен тем, что в движении за прекращение войны во Вьетнаме много так называемых «бородачей». Но огорчен я только потому, что это отпугивает некоторых «чисто выбритых» от движения…

— Как вы оцениваете ваши перспективы в связи с судом?

— Эти перспективы, конечно, далеко не радужные, Я не испытываю, как вы сами понимаете, большой радости, думая о тюрьме. Правда, я не хочу терять надежду на победу. Это было бы прекрасно, если бы суд объявил: война во Вьетнаме незаконна, она противоречит интересам нашей страны, люди, находящиеся под судом по обвинению в заговоре, — невинны! Но я готов и к другому. Нас может ждать пятилетнее тюремное заключение.

— Как такой приговор может повлиять на движение против войны во Вьетнаме?

— Мне кажется, что такой приговор только усилит это

движение, драматизирует его.

— Значит, правительство США совершило ошибку, решив привлечь вас и ваших друзей к суду?

— Очевидно.

— Что произойдёт в Бостоне в понедельник?

— Формальное слушание. Мне предъявят обвинение, я не признаю себя виновным, адвокаты получат обвинительное заключение. Вот и всё. Я думаю, это займёт час, не больше. А настоящий суд состоится, видимо, позднее.

— Как распределяется сейчас ваше время, доктор? Вы, кажется, оставили медицинскую практику?

— Оставил. Основную часть своего времени, приблизительно две трети, я отдаю движению за мир. В оставшуюся треть я пишу книгу. Я пишу ее уже два года. Она называется — «Я верю в человека».

— Расскажите, пожалуйста, о ваших детях.

— У меня два сына. Старший родился в 1933 году. Он директор детского музея в Бостоне. Дела его идут успешно.

— Его мнение о войне во Вьетнаме?

— Он — против неё очень активно, наши позиции совершенно одинаковы. Младший — студент-архитектор. Его взгляды на войну я очень хорошо знаю, поэтому не хотел бы говорить об этом.

Наше интервью прервал телефонный звонок. Доктор вышел в другую комнату и вернулся минуты через три.

— Англичане приглашают меня, на цикл лекций против войны. Труднее всего отказывать в таких случаях. Но сейчас мне нельзя уезжать отсюда…

Высокий, худощавый, он оказался рядом с чёрно-белым рисунком, изображающим Дон Кихота. Фотограф быстро нажал спуск, камера щёлкнула.

Доктор Спок засмеялся и отошёл от рисунка.

* * *

К сожалению, я не был в Бостоне. Я могу восстановить события только по телевизионной плёнке, по сообщениям репортёров, ну и, конечно, по рассказу самого доктора Спока.

Вся процедура там заняла поразительно мало времени — 10 минут. Пятеро человек, известных всему миру, выслушали обвинение.

— Признаёте себя виновным? — обратился судья к каждому по очереди.

И каждый по очереди твёрдо ответил:

— Не признаю.

Их оставили на свободе до суда, каждого — под залог в 1000 долларов.

Мне удалось снова увидеть доктора Спока на многотысячном митинге поддержки его и его друзей. Он был веселым и жизнерадостным, шутил с трибуны:

— Меня спрашивают журналисты, почему у меня такое хорошее настроение. Дело в том, что, как врач, знающий, что к чему, я своим хорошим настроением пытаюсь отрицать опасность. Кроме того, у меня есть две причины быть веселым. Во-первых, после того как меня вызвали в суд, моя популярность невероятно возросла. А во-вторых, раньше журналисты меня всегда спрашивали: на каком, собственно, основании вы, детский врач, лезете в международные дела? Сегодня они уже не говорят этого, сегодня они признали моё право.

Как врач, он действует методом отрицания опасности. Но опасность абсолютно реальная. Каждому из них грозит пятилетнее тюремное заключение и 10 тысяч долларов штрафа.

У меня был с ним полуминутный разговор, пока его оттаскивали одни телевизионщики от других. Я спросил, с каким настроением он вышел из суда.

— Всё пустяк, — улыбнулся доктор Спок. — Вся процедура десять минут… Но вот отпечатки пальцев брали довольно долго… — и улыбнулся только губами.

Судебные служки мазали ему длинные сухие пальцы жирной грязью и потом сверху привычно прижимали к клетчатой картонке с надписями: «Правая рука. Большой. Указ. Средн. Безым. Мизинец. Левая рука. Большой…»

И, наверное, фотографировали в фас и в профиль лицо, которое знают матери всего мира.

Итак, обвинение: заговор с целью заставить молодых американцев уклониться от призыва в армию. Пять человек сговорились заставить американскую молодёжь…

Звучит нелепо. Но есть закон. Какова база их защиты? Только одна: война во Вьетнаме, для ведения которой правительство Джонсона призывает в армию молодых американцев, незаконна со всех точек зрения. Она наносит непоправимый ущерб не только Вьетнаму, но и Соединенным Штатам.

Об этом доктор Спок говорил на митинге в Нью-Йорке, в огромном переполненном (плюс еще 800 человек у входа на улице) зале «Манхэттен-центр».

— Нас ненавидят во всем мире, — говорил он. — Ненависть к нашей стране сейчас можно сравнить с ненавистью к

гитлеровской Германии. Только ей мы уступаем первое место.

Полгода назад я познакомился в Нью-Йорке с Дэйвом Митчеллом. Это был первый молодой американец, который начал движение против призыва в армию.

Митчелл не очень верил, что суд его оправдает. И оказался прав: в феврале 1967 года суд приговорил его к пяти годам тюрьмы. Но он надеялся и всем сердцем верил, что его пример разбудит многих.

И тоже оказался прав.

Сотни молодых американцев отказываются ныне от призыва в армию.

В Нью-Йорке я видел демонстрацию детей — в защиту доктора Спока. Это была шуточная и одновременно очень серьёзная демонстрация. Полтораста ребятишек с мамами и с папами пришли к зданию инъекционного центра («инджэкшн сентр»), где им полагается делать прививки (а доктор Спок был арестован у здания «индакшн сентр» — призывного центра). Там ребята собрали свои «повестки» на противооспенные прививки в ящички и подарили растроганному доктору.

Я не думаю, что Бенджамин Спок верит в то, что ему удастся избежать тюрьмы. Я думаю, его поступком руководит тот же мотив, который руководил и Митчеллом: разбудить других, усилить — удвоить, утроить, удесятерить — движение против войны во Вьетнаме.

Тем величественнее смысл его поступка.

Глава вторая
ФЕВРАЛЬ

Старт

Комната предвыборных собраний в старом здании сената. Гранитные колонны. Старинная тяжелая люстра. Здесь о своем решении участвовать в предвыборной борьбе за высший в США пост — президента, объявил сенатор Роберт Ф. Кеннеди.

Комната заполнена до отказа журналистами, фоторепортерами, кино- и телеоператорами, друзьями и сторонниками, сенатора. По обеим сторонам трибуны сидят девять детей, сенатор а (отсутствует лишь десятый — самый младший. Дуглас Гарриман Кеннеди, ему всего несколько месяцев) и жена Этель. Младшие строят рожицы, залезают на стул с ногами, хлопают в ладоши, позёвывают. Старшие сидят в торжественной неподвижности.

Сенатор выглядит несколько усталым. По свидетельству американских журналистов-«кеннедиведов», волосы его подстрижены чуть короче, чем обычно.

«Я выступаю кандидатом в президенты не для того, чтобы просто противостоять какому-нибудь лицу, — сказал Кеннеди в официальном заявлении, — а для того, чтобы предложить новую политику… Я выступаю, чтобы найти новую политику — политику прекращения кровопролития во Вьетнаме и в наших городах, политику, которая закрыла бы пропасть, существующую сейчас… между белыми и чёрными, богатыми и бедными, молодыми и старыми… Я вступаю в борьбу, так как теперь совершенно ясно, что мы можем изменить эту катастрофическую политику раскола, только сменив людей, которые теперь проводят её…»

Закончена пресс-конференция, журналисты бросились врассыпную. Сняты микрофоны. Остывают складные металлические стулья. В опустевшей комнате — скомканные бумажки на полу. Неожиданно — на одном из стульев — фигура обессилевшего или, может быть, даже спящего человека…

* * *

Ещё в 1967 году Роберт Кеннеди заявил, что не выставит свою кандидатуру на президентских выборах 1968 года. Он сказал: «Я

не представляю себе условий, при которых мог бы выступить против Линдона Джонсона». Однако последние несколько недель были неделями усиленной борьбы аргументов в лагере Кеннеди. Американские журналисты считают, что главными противниками участия Кеннеди в предвыборной борьбе в качестве кандидата в президенты были его брат сенатор Эдвард Кеннеди и ближайший советник покойного президента Джона Кеннеди — Теодор Соренсен. Решение выставить свою кандидатуру в президенты было окончательно принято на совещании Кеннеди со своими ближайшими помощниками после первичных выборов в скромном северном штате Нью-Хэмпшир, где сенатор Юджин Маккарти, выступающий с программой деэскалации войны во Вьетнаме, получил массовую поддержку членов демократической партии и даже части (5 тысяч голосов) членов республиканской партии. В ту ночь лагерь Кеннеди принял решение вступить в предвыборную борьбу.

Совещание закончилось в три часа ночи в квартире Роберта Кеннеди в Нью-Йорке. А в 8 утра он уже был в Вашингтоне.

Джим Бреслин, корреспондент «Нью-Йорк пост», провел с Кеннеди некоторое время в то утро. «Вы рады, что приняли решение?» — спросил Бреслин Кеннеди. «Да». — «Тот парень (имеется в виду сенатор Маккарти. — ***Г. Б.***) сделал дьявольскую штуку, а?» — «Да». — «Смогли, бы вы решиться без него?» — «Нет». Заговорили о войне во Вьетнаме. «Вы знаете, — сказал Кеннеди, — несколько недель назад я получил письмо от Джорджа Скэйкела, двоюродного брата Этель (жены Р. Кеннеди.) Он был в армии, во Вьетнаме. Ему оставалось пробыть там шесть недель. Он собирался потом уехать в Японию изучать японскую философию… Но его убили…» Сенатор говорил о детях, которые гибнут во Вьетнаме. Сказал, что решил не ждать до выборов 1972 года, а действовать сейчас, ибо нет никаких гарантий, что при нынешней политике к 1972 году от Соединенных Штатов что-нибудь останется…

Потом речь зашла о предстоящей предвыборной кампании. «Нью-Йорк, — сказал он. — Я должен получить Нью-Йорк. Это будет ужасающая кровавая баня. Но я вынужден сделать это».

Поздно вечером, когда Р. Кеннеди должен был формально заявить о выдвижении своей кандидатуры в президенты, он связался по телефону с одним из помощников президента Джонсона и сказал о своем решении. Реакция президента стала известна во время его выступления перед конференцией бизнесменов, возглавлявшейся Генри Фордом II. Президент на трибуне был сдержан и медлителен. Паузы между словами и фразами, и без того обычно долгие, на этот раз были долгими до

предела. Президент сказал:

«Я не хочу (пауза)… рассказывать вам… о всех своих чувствах сегодняшним утром (смех бизнесменов, долгая пауза в речи)… Нынче все спекулируют… Некоторые… спекулируют золотом (очень долгая пауза) — первичным металлом… А некоторые (весьма долгая пауза) спекулируют… первичными выборами (смех бизнесменов, улыбка одними губами на лице президента)… Когда я узнал, что он (долгая пауза) вытолкнул Генри Форда из завтрашней „Встречи с прессой“ (популярная телевизионная воскресная программа. — ***Г. Б.***), я подумал… всё это слишком рано… и заходит слишком далеко» (улыбка губами, смех аудитории).

* * *

В истории Соединенных Штатов, президент, желавший выставить свою кандидатуру для переизбрания, обычно автоматически выдвигался соответствующей партией. Это объясняется теми преимуществами, которые баллотирующийся президент имеет перед любым другим кандидатом. Только уж очень непопулярного президента партия может заменить другой кандидатурой. Последний раз такое случилось в 1884 году, когда руководители республиканской партии сочли необходимым не выдвигать кандидатом тогдашнего президента Честера Артура. Насколько реальна для Джонсона перспектива оказаться в положении Артура, но только в рамках демократической партии, — покажет будущее.

Ричард Никсон (отличная спортивная форма, загорелое лицо, тщательно набриолиненные волосы) — победитель республиканских первичных выборов, в Нью-Хэмпшире — считает, что съезд демократической партии, который состоится в Чикаго, все-таки выдвинет своим кандидатом в президенты США Линдона Джонсона. Говоря об этом, Никсон случайно назвал сенатора Кеннеди «президентом Кеннеди», чем вызвал немалое оживление среди журналистов.

* * *

Сразу после того, как Роберт Кеннеди сделал свое официальное заявление в Комнате для предвыборных собраний, лагерь Кеннеди, который «находился в состоянии готовности со дня гибели Джона Кеннеди» (так утверждает газета «Нью-Йорк

пост»), начал разворачивать национальную предвыборную кампанию. В этой кампании примут участие почти все члены клана Кеннеди, включая мать сенатора и Жаклин Кеннеди. Вдову покойного президента, находящуюся в Мексике, корреспонденты спросили, как она относится к решению Роберта Кеннеди. «Что бы ни сделал сенатор Кеннеди, — ответила она, — я знаю, что это будет правильно. Я всегда буду с ним всем моим сердцем. Я всегда буду поддерживать его…» Считает ли она результат первичных выборов в Нью-Хэмпшире поражением администрации Джонсона? «В моей семье на такие вопросы отвечают мужчины».

Сейчас «менеджером» предвыборной кампании Роберта Кеннеди является Стефен Смит — шурин сенатора. Для штаб-квартиры сенатора в Вашингтоне подыскивается нижний этаж какого-нибудь здания. Стефен Смит считает, что для руководства предвыборной кампанией нужен именно нижний этаж — это облегчит добровольцам участие в предвыборной работе. Управлять же 300-миллионным капиталом семьи Кеннеди (официальная функция Смита в «клане») Смит предпочитает из своей конторы на 30-м этаже небоскреба «Пан-Америка» в Нью-Йорке.

Среди ближайших помощников сенатора Роберта Кеннеди в проведении предвыборной кампании: сенатор Эдвард Кеннеди, Теодор Соренсен — помощник покойного президента Джона Кеннеди, Фредерик Даттон — помощник государственного секретаря США при Джоне Кеннеди, Пьер Сэлинджер — секретарь президента Кеннеди по печати, Кеннет О'Доннел — бывший секретарь президента Кеннеди.

* * *

«Придёт время, и эти двое должны будут сесть вместе, выпить и поговорить. И когда они выйдут из комнаты, оба будут улыбаться, но только один из них — искренне». Эти слова сказаны корреспондентом «Нью-Йорк пост» о Роберте Кеннеди и Юджине Маккарти — двух сенаторах-демократах, бросивших вызов демократу-президенту.

Решение Роберта Кеннеди выставить свою кандидатуру на выборах вызвало бурю негодования в лагере Джонсона и противоречивые чувства среди сторонников сенатора из Миннесоты Юджина Маккарти — противников политики Линдона Джонсона. Аргумент: вступление в игру «Бобби» расколет лагерь демократов — противников Джонсона и тем самым усилит позицию Джонсона. Обвиняют Роберта Кеннеди и в другом — в

политическом оппортунизме. Аргумент: сенатор Юджин Маккарти нашёл в себе мужество вступить в предвыборную борьбу против президента Джонсона, когда мало кто еще представлял себе возможность поражения Джонсона в рядах демократической партии. Сенатор же Кеннеди решился, выдвинуть свою кандидатуру лишь тогда, когда первичные выборы в Нью-Хэмпшире показали эту возможность.

Между сенаторами Ю. Маккарти и Р. Кеннеди в эти дни не было личной встречи, но косвенный разговор между ними идет непрерывный — через газеты, радио и телевидение. Вот краткие выдержки из этого вежливого, но напряжённого диалога.

Кеннеди. «Я дал понять сенатору Маккарти, что выдвижение моей кандидатуры находится не в противоречии с его устремлениями, а в гармонии».

Маккарти. «Ирландец, который объявляет накануне дня святого Патрика (национальный Ирландский праздник. — ***Г. Б.***), что он хочет выступить против другого ирландца, не должен бы утверждать, что отношения между ними будут дружественными».

Кеннеди. «Сейчас очень важно, чтобы он (Маккарти. — ***Г. Б.***) получил как можно большее число голосов на первичных выборах в Висконсине, Пенсильвании и Массачусетсе. Я решительно поддерживаю его усилия в этих штатах (Кеннеди не будет принимать участия в этих первичных выборах в качестве кандидата, его первые выборы — в штате Небраска. — ***Г. Б.***), и я прошу всех моих друзей отдать ему свою помощь и голоса».

Маккарти. «Я принял свое решение, когда очень многие политики боялись спуститься на поле брани. Они предпочитали оставаться высоко в горах, разжигать там сигнальные костры и танцевать при лунном свете… Но никто из них не спустился. Я и должен сказать вам, что в Нью-Хэмпшире было довольно одиноко. Я шёл один».

Кеннеди. «Если бы я принял участие в первичных выборах в Нью-Хэмпшире — независимо от того, выиграл бы я их или просто добился бы успеха, — в то время это было бы расценено как личная борьба. Каждый раз, когда в течение нескольких лет я говорил о Вьетнаме или о том, что, по моему мнению, нужно предпринять по вопросу о наших городах, это сейчас же вставлялось в контекст личной борьбы между мной и президентом Джонсоном… Моё участие в выборах увело бы нас от тех вопросов, которые разделяют нашу страну. Я думаю, что первичные выборы в Нью-Хэмпшире установили, что раскол в. стране и раскол в демократической партии существуют и не я вызвал этот раскол, а не кто иной, как президент Джонсон — его политика… Я думаю, прежде всего мы должны понять: чтобы быть

выдвинутым кандидатом в президента (национальным съездом демократической партии), требуется 1312 голосов (делегатов. — ***Г. Б.***). Если вы выиграли все первичные выборы, это еще не значит, что вы подошли близко к 1312 голосам, которые требуются… и не значит, что вас выдвинули кандидатом. Нужно, чтобы демократическая партия и те, кто собирается участвовать в работе, съезда, признали, что политика, проводимая в настоящее время Соединенными Штатами и правительством, — ошибка. Надеюсь, я расширяю это понимание. Не думаю, что я его сужаю… Сенатор Маккарти располагает определенной силой. Полагаю, что у меня тоже есть определенная сила. И вместе мы укрепляем оппозицию, которая в настоящее время существует…»

Таков — очень коротко — этот диалог, который, видимо, закончится только в Чикаго. Вот тогда-то и состоится тот окончательный разговор между Кеннеди и Маккарти, после которого они оба, улыбаясь по-разному, выйдут из комнаты.

А сейчас молодая часть. избирателей, как считают американские обозреватели и свидетельствуют многочисленные. «поллы» — опросы общественного мнения, разделена между своими «двумя идолами» Кеннеди и Маккарти. Причем, как показывает изучение этого вопроса газетой «Нью-Йорк тайме», пожалуй, большая часть студенчества на стороне Маккарти.

Ну, а что происходит в республиканской партии? Пока что единственный кандидат, который выступает в первичных выборах, это Ричард Никсон, получивший подавляющее большинство республиканских голосов в Нью-Хэмпшире. В своей квартире на Пятой авеню (Никсон занимает этаж — 13 комнат — большого кооперативного дома) он готовится к следующим первичным выборам — в штате Висконсин.

В том же доме, но только пятью этажами выше, живет другой возможный республиканский кандидат в президенты, губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер (он занимает два этажа этого дома и примыкающего здания). Рокфеллер пока не заявил определенно о своем решении баллотироваться в президенты, но обещал в скором времени принять окончательное решение.

И кандидат и возможный кандидат пользуются разными подъездами в доме, для того чтобы не встречаться друг с другом. Квартиры в кооперативном доме, где проживают Рокфеллер и Никсон, стоят в среднем по 250 тысяч долларов. А ежегодная квартирная плата составляет 25 тысяч долларов. Некоторые жильцы дома весьма недовольны шумом, который поднимают многочисленные фотокорреспонденты и телеоператоры, часто навещающие этот дом. По этому поводу уже было несколько жалоб в правление кооператива.

Что касается Кеннеди, то он живет в другом кооперативном доме — около здания ООН, в 6-комнатной квартире. Многие жильцы здесь тоже недовольны активностью корреспондентов. Один из членов кооператива сказал о том, что состоится общее собрание кооператива и тогда «пусть Кеннеди либо прекратит этот цирк, либо убирается отсюда».

Нет никакого сомнения, что главный вопрос, который определяет ход избирательной кампании, — конечно, война во Вьетнаме. Очень коротко позиции кандидатов в президенты таковы.

* * *

Ю. Маккарти. «Три вопроса должны быть подняты по поводу нашего вмешательства во Вьетнаме. Первое: возможна ли победа? Второе: какова была бы цена такой победы? Третье: насколько мы уверены, что в результате нашей победы мир или общество во Вьетнаме станут лучше? Ответы на каждый из этих вопросов должны были бы быть положительными. Но я не верю, что эти ответы положительны» (из книги Ю. Маккарти «Границы власти»).

* * *

Р. Кеннеди. «Я за деэскалацию борьбы (во Вьетнаме). Я за то, чтобы южные вьетнамцы прилагали больше усилий и меньше усилий приходилось на долю правительства Соединенных Штатов и американских солдат… Я за переговоры с Национально-Освободительным фронтом… И я думаю, что мы должны ясно сказать: Национально-освободительный фронт будет участвовать в политической жизни Южного Вьетнама… Я за прекращение бомбардировок Северного Вьетнама» (из выступления на пресс-конференции).

* * *

«**Ричард Никсон**, который обещает „прекратить войну“, если будет избран президентом, считает, что не может заранее намекнуть, как он собирается сделать это, так как это непоправимо подорвет его позиции в предвыборной торговле.

Однако он уже успел закрыть достаточно много дверей, ведущих к столу переговоров. Он против перерыва в

бомбардировках. Он отвергает коалиционное правительство даже на временной основе…» (газета «Нью-Йорк таймс»).

* * *

«**От губернатора Рокфеллера** исходит только молчание по самой острой из международных проблем… Если не считать нескольких весьма общих деклараций о его склонности к „умеренным решениям“, как альтернативе военным провалам, мистер Рокфеллер не сообщил стране о своих взглядах на то, что делать во Вьетнаме» («Нью-Йорк таймс»).

* * *

Ну, а президент Джонсон? Куда идёт он? В 1964 году избиратели, отдавая за него свои голоса, полагали, что знают направление политики. Барри Голдуотер был тогда за эскалацию и «победу», Линдон Джонсон был за деэскалацию. Но прошло три месяца после избрания Джонсона, и он отдал приказ о систематических бомбардировках Северного Вьетнама. Джонсон призвал США к «общенациональному усилию для победы в войне».

Таковы некоторые штрихи предвыборной кампании, которая проходит, может быть, в самый критический год истории Соединенных Штатов.

Когда стали известны итоги первичных выборов в одном из самых консервативных штатов страны — Нью-Хэмпшире, я вспомнил о тех, кто начинал. О покойном теперь священнике Докторе Масти, который, кутая старческое горло шарфом, произносил речь на площади перед ООН, о молодом Дэйвиде Митчелле, пошедшем в тюрьму за отказ призываться в армию (он был первым). Вспомнил молчаливых людей, стоявших по субботам с плакатами «Долой войну во Вьетнаме» на самом шумном перекрестке Нью-Йорка. Вспомнил актеров «Партизанского театра». В ушах стоит подхихикивание обывателей: «Дураки! Разве им больше всех нужно? Что они изменят?» Я вспоминаю историю, рассказанную Питом Сигером. Вот она.

На площади поздно ночью стоял, поеживаясь от холода, одинокий человек и держал в руках антивоенный плакат. Мимо проходили люди. Один подошёл и насмешливо спросил: «Ну что ты стоишь? Разве ты что-нибудь изменишь?» И тот, с плакатом,

ответил: «Я стою здесь для того, чтобы никто не изменил меня».

Глава третья
МАРТ

Встреча на 37-м этаже

Белая свежайшая рубашка, скромных тонов галстук, хорошо сшитый тёмный костюм, элегантно-тяжёлые чёрные полуботинки, очень дорогие и сработанные, как говорят, навечно.

Пока он демонстрировал мне вид из окна своего кабинета на 37-м этаже — действительно превосходный вид на Нью-Йорк, — я втихомолку рассматривал мистера Уэйкфилда.

Спортивная фигура, как и полагается тридцатипятилетнему американцу. Высок, крепок. Мужественное лицо. Немного, правда, смытое, что ли. И нос несколько излишне приплюснут. Я бы сказал — смят. Возможно, мистер Уэйкфилд занимался боксом. Низкий кинематографический голос.

Он держался так, как и должен держаться глава отдела общественных отношений (паблик релэйшнз) крупной, очень крупной компании: продемонстрировал вид, предложил кофе.

Я отказался, а он принес себе большую домашнюю чашку, сразу создав обстановку непринужденности, и, удобно усевшись в кожаное кресло, приготовился к беседе со мной.

На хорошем его столе, как и полагается в американском офисе, фотография жены и детей.

Он перехватил мой взгляд и приветливо улыбнулся. Наверное, любит своих детей. Возможно, хороший семьянин! Правда, об этом я не спрашивал, это не имело прямого отношения к. нашей теме. Я и так знал — американцы любят своих детей…

> «Мы любам своих детей. Мы знамениты нашей любовью к детям. Многие иностранцы раже считают, что мы слишком любим детей, неразумно любим. Мы строим планы, работаем, мечтаем — для наших детей. Обеспеченность — одно из наших самых любимых слов. Мы считаем, что наши дети должны быть обеспечены. Под этим мы понимаем хороших родителей, хороший устроенный дом, здоровье, жизнерадостность, образование, атмосферу надежды и мира».
>
> *(Американский журнал «Лэдиз хоум»).*

Вне всякого сомнения, мистер Уэйкфилд любил своих детей.

Всё в его просторном кабинете было весьма приличным, удобным, респектабельным, не роскошным, но и не дешёвым.

Толстый мягкий ковер из чистой шерсти на полу. Ходить по нему — одно удовольствие. В потолке, отделанном пористым, похожим на морскую пену пластиком, лампы скрыты так, что глаз не страдает от резкого света. Цвет стен успокаивает взгляд. И тайные вентиляторы бесшумно накачивают кабинет мистера Уэйкфилда прекрасным воздухом — очищенным от пыли, двуокиси серы и бензиновых паров, в меру теплым, в меру прохладным, в меру влажным — ничего общего не имеющим с воздухом$_5$ который там, снаружи.

> «Семилетний мальчик лежал подле двери в детской палате госпиталя провинции Кхи Нон. Его лицо, спина и рука были сожжены напалмом. В этих местах я видела вздувшееся сырое мясо. Пальцев на руке не было, виднелась лишь обгоревшая кость. Рядом с мальчиком стоял его полуслепой дед. Неделю назад на их деревню были сброшены напалмовые бомбы. Дед принёс внука в ближайший город. Всю неделю мальчик кричал от боли. Но теперь ему стало лучше. Он перестал кричать. Только извивался всем телом, стараясь как-то облегчить страшную пытку…
>
> Другой мальчик, тоже семилетний, из той же деревни, все еще кричал. Мать стояла рядом, обмахивая куском материи мокрую красную поверхность обожженного напалмом тела…
>
> Старик рассказал моей переводчице, что многие в той деревне погибли от напалма, а очень многие обожжены. Сгорели все дома, все крестьянское имущество-Полуслепой, лишившийся крова старик стоял подле мальчика, с мукой следя за каждым движением маленького красного комочка, который был его внуком.
>
> Партизан в деревне не было, — сказал старик».
>
> *(Журнал «Лэдиз хоум»)*

Кабинет, в котором я сидел напротив мистера Ди на Уэйкфилда, находился на 37-м этаже дома № 45 на Рокфеллер Плаза в Нью-Йорке. В этом небоскрёбе находится нью-йоркское отделение компании «Дау кемикл», той самой компании, которая производит множество разнообразнейших химических продуктов,

в том числе — для широкого потребления. Например, полиэтиленовые пакеты, в которые обычно заворачивают сандвичи с. ветчиной и сыром. Очень удобные пакеты. Хлеб в них не черствеет, ветчина не покрывается неприятной синевой, а сыр не свертывается в сухую трубочку.

В числе прочего «Дау кемикл» производит напалм.

> «Одна часть бензина, одна часть керосина, две части полистерина. Густое клейкое вещество, похожее на желе. Горит с огромной теплоотдачей. Эффективность напалма, однако, не только в пламени. Живое существо, даже не задетое напалмом, погибает либо от удушья (так как в результате интенсивного горения напалма исчезает кислород поблизости от пламени), либо от тепла (температура сгорания более 1000 градусов Цельсия)».
>
> *(Из американских справочников)*

Зачем я пришёл сюда, в дом № 45 на Рокфеллер Плаза? Без определённой цели. Мне, пожалуй, просто хотелось посмотреть на них, на людей, которые работают здесь.

Когда я сидел в приёмной, ожидая мистера Уэйкфилда, я, честно говоря, не знал, с чего начну разговор. Взять для вида интервью о перспективах производства бутербродных пакетов? Попросить цветастые проспекты? Нельзя же сказать, что я просто пришел посмотреть на него. «„Дау кемикл“ — не зрелище», — может резонно возразить он…

Секретаря мистера Уэйкфилда — аккуратную и миловидную женщину — зовут Пенни Потенз. Об этом сообщает белыми рельефными буквами черная пластмассовая табличка, укрепленная на её столе.

Материал для таких табличек тоже производит компания «Дау кемикл». Очень удобная штука эти таблички. Вы всегда знаете, с кем имеете дело. Может быть, начать разговор с пластмассы?..

Мимо мисс Потенз спокойно, с достоинством проходили джентльмены — все, как один, в тёмных костюмах, белых рубашках, с неяркими галстуками, в так называемых чиновничьих штиблетах — «экзекьютив шуз»:

Некоторые джентльмены улыбались. Я бы даже сказал — большинство. Было два часа дня. Они, видимо, возвращались с ланча, и каждый вежливо и приветливо кивал мисс Пенни Потенз. А она в ответ тоже кивала — приветливо и вежливо. Иногда

слышались негромкие, подходящие к такому случаю фразы:

— Вы сегодня особенно хорошо выглядите, мисс Потенз.

— Благодарю вас, мистер Гровер.

— Прекрасные лобстеры, имейте в виду.

— Да что вы говорите! Обязательно закажу лобстера. Я их обожаю, мистер Керр.

— Ну и погода сегодня, скажу я вам, мисс Потенз…

— Да уж погода действительно неважная, мистер Хоуп…

> «Перед нами стояла странная фигура — полусогнутая, широко расставленные ноги, руки не прикасаются к телу. У человека не было глаз, и все его тело… было покрыто тяжелой черной коростой с желтыми пятнами гноя. Женщина из той же местности, стоявшая рядом, сказала: „Он должен стоять, сэр. Он не может сесть или лечь“. Он должен был стоять, потому что у него не было теперь, после взрыва той напалмовой бомбы, кожи, была только чёрная кара, которая легко лопалась и ломалась при каждом его движении».
>
> *(Из репортажа Р. Татфорта, Би-би-си, Лондон)*

Всё-таки я решил ничего маскировочного не придумывать для начала разговора. Поэтому, когда мистер Уэйкфилд принялся вкусно отхлебывать кофе из своей домашней чашки, ожидая моих вопросов, я сказал ему, что пришел не для делового интервью, мне просто хочется узнать, как объясняет свою жизненную позицию человек, служащий в компании «Дау кемикл», которая производит напалм. Я ни в чём не собираюсь его убеждать, не собираюсь спорить с ним. Просто мне очень важно узнать, как он объясняет — для себя ли, для других ли — своё место во всём этом.

Как ни странно, мистер Уэйкфилд нимало не удивился. Он попросил прощения, встал из-за стола, вышел в другую комнату и вскоре вернулся со средних лет джентльменом по имени Лэйв Уинстон (конечно — строгий костюм, белая рубашка, неяркий галстук, экзекьютив шуз), чиновником отдела общественных отношений. Мистер Уинстон в дальнейшем разговоре участия не принимал, а только присутствовал, поэтому я его, так сказать, опускаю.

Видимо, для того, чтобы облегчить мне понимание его жизненной позиции, мистер Уэйкфилд прежде всего решил объяснить, что же такое напалм. Рассказал, что напалм был

изобретен в конце второй мировой, войны, но после этого компания «Дау кемикл» много работала над его усовершенствованием.

— Сейчас мы производим новый вид напалма, — объяснил мистер Уэйкфилд, — так называемый **напалм-Б**. Он содержит значительно больше полистерина, чем старый. Это улучшенный…

Тут мистер Уэйкфилд запнулся, даже поставил чашку на стол:

— Нет, не улучшенный, нет. Это неверное слово. Правильнее было бы сказать, — он шевелит пальцами, подыскивая более правильную формулировку, — ну… как это… а, эффективный, вот! Более эффективный! А не улучшенный…

> «Напалм-Б отличается от прежнего повышенной клейкостью. Если он попадает на кожу или на любую другую поверхность, его невозможно сбросить, от него невозможно освободиться. Напалм-Б теперь заменил в основном прежний продукт».
>
> *(Журнал «Кемикл энд энжинирпнг ньюс»)*

— Мы, я имею в виду нашу компанию, — продолжал мистер Уэйкфилд, — давно производим полистерин. Для других целей, не для напалма. Естественно, что мы располагаем всей технологией для его производства. Поэтому вполне естественно, что правительство США предложило именно нашей компании (я имею в виду «Дау кемикл») производить напалм для войны во Вьетнаме. И мы ответили согласием, потому что мы, я имею в виду нашу компанию, всегда производим то, что нужно нашему правительству во время войны.

Лицо его было серьёзно, я бы даже сказал, несколько торжественно.

> «„Дау“ приняла этот контракт потому, что, как мы считаем, простое чувство гражданственности требует, чтобы мы снабжали свое правительство и нашу армию той продукцией, в которой они нуждаются, если мы располагаем техническими и другими возможностями и были избраны правительством в качестве поставщика».
>
> *(Из официального заявления «Дау кемикл» 3 августа 1966 года)*

«Я только выполнял приказания».

(Из показаний Адольфа Эйхмана)

— Да, да, я знаю, — мистер Уэйкфилд с готовностью закивал головой, — я знаю, что некоторые люди, даже многие люди, проводят параллель между тем, что делали гитлеровские генералы во времена фашизма, и тем, что делаем мы.

Всё ему известно заранее.

— Но параллель эта совершенно бессмысленна. Гитлеровские генералы и солдаты, которые сжигали людей в печах, жили в тоталитарном государстве. Они действительно, если хотите, выполняли приказы.

Он сделал некоторую паузу, чтобы смысл его слов лучше дошел до меня. Затем закончил мысль:

— А мы живём в государстве демократическом. Мы имеем право выбора. Предложение правительства компании «Дау кемикл» не было приказом. Оно было именно предложением. Мы могли сказать «нет».

— Но вы сказали «да»?

— Совершенно правильно, мы сказали — «да».

— Из соображений чисто патриотических?

— Да, чисто патриотических. Вот почему бессмысленно сравнивать нас с гитлеровскими генералами. Наше решение — результат убеждения, а не приказа, признак демократии, а не тирании. Это более высокая ступень человеческих отношений…

«Перспективы дальнейшего использования полистерина для производства напалма-Б оцениваются в 25 миллионов фунтов ежемесячно. „Дау кемикл“ только что произвела повышение цен на этот продукт».

(«Кемикл энд энжиниринг ньюс»)

«В марте 1966 года, когда был заключён первый контракт, цена полистерина была поднята компанией „Дау кемикл“ до 10 центов за фунт. Последнее повышение цен 1 октября 1966 года подняло цену одного фунта полистерина до 17 центов».

(По данным «Уолл-стрит джорнэл»)

— Доходы? Ну что ж, доходы. Это, так сказать, не причина, а следствие.

Он наклоняется через стол ко мне, и голос его звучит доверительно:

— Поверьте мне, мы не получаем от напалма тех прибылей, на которые рассчитывали. Ведь мы ведём огромную исследовательскую работу в наших лабораториях, строим новые заводы…

Мистер Уэйкфилд посвящает несколько минут объяснению, почему компания «Дау кемикл» нуждается в больших доходах, а не в маленьких.

— Вы хотите сказать что производство напалма для вас убыточно?

Он прерывает свой рассказ о тратах, неимоверных тратах, которые приходится по разным причинам производить компании «Дау кемикл», и некоторое время молчит, подыскивая точную формулировку. Мистер Уэйкфилд, как видно, любит, чтобы формулировки были точными.

— Нет, — качает он головой и не может сдержать добродушной улыбки, — нет, я не хочу сказать, что мы теряем деньги на производстве напалма. Конечно, мы не теряем. Терять мы не имеем права. Я просто хотел сказать, что прибыли от напалма не те, на которые можно было рассчитывать…

У него кончился кофе в чашке, и он вышел, чтобы налить еще.

Я смотрю на фотографию его дочери в рамке. Хорошее лицо: открытое, веселое. Девочке, наверное, лёт двенадцать — тринадцать.

Марии было года на два меньше. Её портрет — не фотографию, а акварельный портрет на листе ватмана — я увидел у Джозефа, моего американского друга. Сначала я удивился — откуда в фашистском концлагере были акварельные краски. Но Джозеф объяснил мне, что это лагерь был особый — показательный, что ли. Со школой, бараком для игр, самодеятельным кукольным театром. В этом лагере содержались дети. Гестаповцы возили в лагерь иностранцев и представителей Красного Креста. И те уезжали оттуда, если не восхищенные, то, во всяком случае, в убеждении, что во время войны дети не могут жить лучше. Действительно: театр, комната для игр, хоровой кружок, даже, кажется, кружок вышивания. Худые, правда, но ничего, — в конце концов война есть война.

До войны Мария, племянница Джозефа, жила с родителями в Польше. Родителей гитлеровцы убили. А она оказалась в этом самом показательном лагере. Подруга нарисовала портрет Марии незадолго до ее смерти. И сохранила портрет. А после войны прислала Джозефу, в Нью-Йорк. Мария, оказывается, знала адрес дяди.

Марию сожгли в печи. Дело в том, что в показательном лагере, кроме театра, школы и кружка для вышивания, была еще и печь. В ней время от времени сжигали детей.

Мистер Уэйкфилд пришёл с полной чашкой и снова сел в свое удобное кресло. И вздохнул. И грустно улыбнулся.

— Конечно, всё это очень тяжело, — сказал он. — Но, знаете, война есть война. А военное оружие есть военное оружие, и ничего с этим не поделаешь. Напалм, как и всякое оружие, предназначен для уничтожения военных объектов…

> «Напалм применяется против избранных целей, таких, как пещеры и укрепленные районы снабжения. Жертвы атак против этих целей в подавляющем большинстве люди, участвующие в коммунистических военных операциях».
>
> *(Из письма министерства ВВС США сенатору Роберту Кеннеди)*

> «Мы выровнялись над целью… и я мельком увидел три соломенных хижины, пылавших возле воды. Потом я закрыл глаза и уже не мог открыть их, пока мы не поднялись на несколько тысяч футов… Деревья и хижины под нами были окутаны, густым черным дымом. Во время второго захода мне удалось не закрывать глаз. Когда мы выбрались из дыма, я увидел разрыв второй напалмовой бомбы. Огромный шар сверкающего пламени вспух, как гигантский апельсин, на месте взрыва и покатился на расстояние в несколько сот футов.
>
> …Я спросил пилота — видел ли он цель. „В точности я не могу вам сказать, — ответил он. — Что вы можете увидеть на такой скорости?.. В большинстве случаев мы считаем так: все, что движется, — это партизаны“».
>
> *(Из репортажа в «Сан-Франциско кроникл»)*

«Два реактивных самолета Ф-105 показались над горизонтом в боевом порядке, затем рассеялись, и один из них прошел над дымом, выбросив цепочку рыбообразных серебристых канистр. Четыре секунды тишины. И светло-оранжевое пламя покрыло площадь в 50 ярдов шириной и три четверти мили длиной. Напалм.

Аааа! — закричал генерал (*бригадный генерал Джеймс Холлингс*. — ***Г. Б.***). — Прекрасно! Прекрасно! Очень изящно! Ну-ка, спустимся, посмотрим, что там после нас осталось!

Откуда вы знаете, что партизанские снайперы были именно на этом участке леса? — спросил я.

Мы не знаем, — ответил генерал. — Просто мы видели дым. И поэтому решили сжечь весь лес… Нет ничего лучше для меня, чем убивать вьетконговцев. Нет, сэр…»

(Из репортажа Николаса Тоумэлина, «Лондон санди таймс»)

«Эта стратегическая бомбардировка в дружеской, союзной стране уничтожает ежедневно огромное число мирных граждан Южного Вьетнама».

(«Нью-Йорк таймс»)

«В результате наших действий на каждого убитого партизана приходится 10 мирных жителей».

(«Ньюсуик»)

— Да, война есть война, и военное оружие есть военное оружие, — ещё раз повторил мистер Уэйкфилд и важно кивнул головой, подтверждая справедливость своих слов.

— Но военное оружие, которое называется напалм, поражает в Южном Вьетнаме прежде всего детей. Вам, наверное, известно, что три четверти жителей деревень, сжигаемых напалмовыми бомбами, — дети до шестнадцати лет. Потому что взрослые сражаются. И вы, как я думаю, знаете, что напалм губителен

прежде всего для детей — потому что одинаковое количество напалма поражает детское тело значительно сильнее, чем тело взрослого человека…

Первый раз, пожалуй, мистер Уэйкфилд задерживается с ответом. И после некоторой паузы говорит:

— По этому вопросу у меня нет мнения… Нет мнения… Серьёзно. Я не специалист по этому вопросу…

Я спрашиваю: видел ли он снимки вьетнамских детей, изуродованных напалмом, которые опубликованы в последнем номере журнала «Рампартс»?

— Да, мне приносили эти страницы. Но только не сам журнал, а фотокопию. Чёрно-белую фотокопию. А ведь в самом журнале снимки были цветные, правда? Так вот цветные я не видел. Я видел только чёрно-белые…

Он вздыхает — грустно и одновременно, как мне кажется, с чувством некоторого превосходства человека, который хорошо понимает, что такое жизнь.

— Я знаю, знаю, что многие протестуют против напалма. Знаю. Даже пикетируют нас. Нашу компанию пикетировали, кажется, пять, — он смотрит в книгу, которая лежит перед ним на столе, — да, пять раз. Ну что ж, они имеют право. У нас демократическая страна. Президент нашей компании, господин Дон, даже принимал пикетчиков и беседовал с ними час, нет, полтора часа… — он снова вздыхает грустно, — только я не думаю, что это приведёт к чему-нибудь, так сказать… Я вам скажу честно, я лично долго думал над этим вопросом. И я пришёл к выводу, мы делаем как надо. Мы поступаем как патриоты…

Он очень уютно сидит в своём кресле. И очень аппетитно прихлёбывает кофе из большой домашней чашки. И из его окна действительно прекрасный вид на Нью-Йорк.

Тяжёлая вяжущая усталость наваливается на меня. Какого черта я пришел к нему? Нет, я знал, что, конечно же, не встречу человека, который будет раскаиваться в своих деяниях. Знал, что не увижу крови, которая капает с пальцев. Все это я знал. И все-таки я ждал чего-то другого. Ну, может быть, не такой вызывающей, отвратительной прилнчности. Может быть, какого-то беспокойства, какой-то тревоги — пусть только в глазах, хотя бы только в глазах… Нет.

Была страшная война. В доме моего друга Джозефа висит портрет девочки Марии, сожжённой в печи показательного концлагеря.

А на 37-м этаже, в центре Нью-Йорка, — кабинет и этот человек, и видимо, многие такие, как он.

За каким чёртом я сижу здесь? Единственный протест,

который я, иностранный журналист могу себе позволить, — это вторично отказаться от чашки кофе.

Мы вежливо, мучительно вежливо прощаемся. Мистер Уэйкфилд подаёт мне пальто. Я прохожу по мягкому ковру мимо секретарши мисс Пенни Потенз, которая приветливо кивает мне.

Лифт, не шелохнувшись, обрушивается вниз, по пути услаждая мой слух вкрадчивой музыкой.

Уик-энд перед убийством

Уик-энд — это конец недели. Суббота и воскресенье. На уик-энд в Нью-Йорк приезжают из неподалеку расположенных военных частей несколько тысяч солдат — развлечься и отдохнуть от крика первого сержанта на рассвете: «Подъём!» В эти дни в центре города, там, где Бродвей пересекается с Сорок второй улицей, больше, чем обычно, молодых людей в хаки, в зеленом и в белом. Первые и вторые — в пилотках. Третьи — морская пехота — в белых шапочках, похожих на перевернутые тарелки для компота. В большинстве своем это увалистая, застенчивая, прыщавая американская провинция. Нью-Йорк зазывно расстилает перед ней свои удовольствия. Точнее, не Нью-Йорк, а этот самый знаменитый перекрёсток — Бродвей и Сорок вторая. Планировкой и дозировкой удовольствий занимаются несколько организаций, вроде клуба ЮСО, который специально создан для развлечения служивых.

Ранним воскресным утром я стою около витрины ЮСО вместе с четырьмя морскими пехотинцами из береговой охраны. Белоснежная морская пехота с белыми вещмешками-наволочками в тяжелых руках молча рассматривает выставленные в витрине награды: «Медаль чести», «Медаль за выдающуюся службу», «Медаль готовности к бою», «Военно-воздушный крест», «Летающий крест», «Бронзовая звезда», «Воздушная медаль». Морячки рассматривают медали, согнувшись над витриной, посапывая, переминаясь с ноги на ногу. Уж не знаю, о чем они в это время думают, никто не произносит ни слова.

Потом входят внутрь. Проворная девица за столом быстро резервирует им дешевый номер в гостинице и предлагает выбор развлечений: восковой музей, музей бракосочетаний, два бейсбольных матча на стадионе Янки, экскурсия к статуе Свободы, плей-лэнд (страна игр) на Таймс-сквер, кино.

От столь широкого выбора растерялась морская пехота и, не сговариваясь, садится смотреть телевизор, который стоит тут же. Смотрят детскую передачу. Мультипликация о том, как храбрый и ловкий зайчик при помощи мужественного и мудрого ежа

обманул злого волка. Злой волк говорит с русским акцентом, волчиха зовет его Владимир, он, конечно, коммунистический шпион. Но ёж, оказывается, связан с ФБР, и в результате зайчик спасён.

Досмотрев передачу до конца, они принимаются писать письма.

«Дорогая Элен. Вот я и в Нью-Йорке. Это очень большой и весёлый город…»

Город действительно очень большой и весёлый. И все четверо долго крутят головами, выйдя на Таймс-сквер. Прямо над ними — плакат в полнеба. Два огромных нуля на желтом фоне, и семерка. В каждом нуле — кинокрасотки в бикини. А на семерку облокотился элегантный, изящный, пружинистый Джеймс Бонд. Он в смокинге и лакированных туфлях. В одной руке длинноствольный бесшумный пистолет, в другой — космический шлем. Четыре морячка, неуклюжие в своих белых матросских костюмах, приоткрыв рты и задрав головы, смотрят на рекламу новой картины из похождений великого шпиона «Живёшь лишь дважды».

Здание, построенное когда-то для газеты «Нью-Йорк таймс» и похожее на корабль, опоясано темной ватерлинией, по которой бегут желтые электрические новости. Вспыхивают буквы, складываются в слова: «Наши самолёты вчера снова бомбили пригороды Хайфона…. Больше ста коммунистов убито при взятии высоты 118… Наши потери незначительны…»

Так куда же пойти? Удариться в культуру (музей бракосочетаний и музей восковых фигур, где очень похожий президент Джонсон дружески, разговаривает с очень похожим президентом де Голлем) или выбрать что-нибудь попроще? Наконец решение принято: они переходят площадь и направляются к плей-лэнду.

Здесь миллион дешёвых удовольствий. Можно заказать газету с собственной фамилией в заголовке. Можно посидеть за автомобильным рулём перед маленьким киноэкраном, воображая себя мчащимся с невероятной скоростью по улицам незнакомого города: скрип тормозов, крики, человек под колесами твоей машины.

Многое можно. Солдаты поочередно прикладываются к автоматической винтовке и стреляют из неё по окнам игрушечного дома. Из окон то и дело высовываются пренеприятные человечки — шпионы, грабители и прочая нечисть, которую надо уничтожать. Требуется попасть в человечка электрическим, зарядом, чтобы он исчез. Сразу высунется другой. И в него надо попасть. Так за пятнадцать центов, если

наловчиться, можно расстрелять подряд человечков двадцать.

После сражения с окнами солдат становится против большого, ловко сделанного искусственного чело· века в натуральный рост. Человек в широкополой шляпе держит в механической руке большой кольт и смотрит на солдата пронзительными нейлоновыми глазами. В распоряжений солдата — тоже кобура и в ней пистолет на длинной металлической цепи (чтобы не украли). Действовать надо так: опускаешь в автомат десять центов, и тут же нейлоновый человек начинает поднимать правую руку и целиться в тебя из своего тяжёлого кольта. Вот здесь и надо не мешкая выхватить свой пистолет на собачьей цепи, взвести курок и выстрелить прямо в сердце нейлоновому. И если выстрелишь быстро и метко, то сработает специальное устройство и нейлоновый закричит магнитофонным голосом, будто он живой и ему действительно больно, а потом прохрипит: «Ты попал в меня, ты попал в меня»… И ещё некоторое вреден что-то там, будет бормотать в предсмертных судорогах. И тут разрешается еще несколько раз разрядить пистолет в этого типа. Снова попадешь — больше очков получишь, и в твоем распоряжении приз: карандашик, шариковая ручка или, например, резиновая подушечка, которая, если на нее сесть, издает неприличный звук, и тогда все вокруг смеются.

Трое солдат получили призы. А четвёртый сплоховал: не попал с первого раза. И зажглась какая-то лампочка, и нейлоновый сказал спокойным скрипучим голосом: «Всё, приятель, ты убит. Клади пистолет в кобуру». И солдат положил, как ему приказали, в кобуру пистолет, и рукоятка пистолета была влажной.

Перед выходом из плей-лэнда они поочередно опускают десятицентовую монету в стеклянный ящик, в котором сидит папье-машевая цыганка-гадалка. Гадалка очень быстро отзывается на десять центов — принимается отрывисто, шевелить руками и дергать головой, а на протянутую солдатскую ладонь вываливается бумажка с неясно отпечатанной судьбой. Солдаты знают, что судьба в плей-лэнде всегда хорошая — иначе кто бы гадал у этой папье-машевой стервы! — но неопределенная. Хорошо бы узнать поточнее насчет Вьетнама: ну там куда пошлют, как насчет награды и вообще. Но механическая гадалка либо старая и ни черта не знает о Вьетнаме, либо хитрая и поэтому избегает конкретностей. Она одаривает клиентов весьма туманными намеками на успех каких-то финансовых начинаний. А какие уж тут финансовые начинания, если в конце месяца — Вьетнам!

Однако солдаты явно веселеют после общения со стеклянным

ящиком — даже тот, которого пристрелил бандюга в шляпе, — и, видно на радостях, выйдя на улицу, съедают по ярко-красной сосиске в мягкой булочке.

Они не возражают против того, что я сопровождаю их, время от времени щелкая затвором фотоаппарата.

Исподошвив Таймс-сквер по нескольку раз вдоль и поперёк, они скрываются в дешёвом кинотеатре под рекламой фильма «Горячие наслаждения жарких ночей». И выходят оттуда только часа через два. Впрочем, может быть, выходят другие. Тоже в белых матросских костюмах. Да это уже и не имеет значения. Морячки движутся по развлеченческому конвейеру, который уготовил им клуб ЮСО, сама площадь, Таймс-сквер, вкусы, количество долларов в кармане и взгляды на жизнь.

Впрочем, жизнь часто нарушает плавное движение конвейера.

Когда солдаты выходят из кинотеатра, площадь, например, уже немного изменилась. Нет, все на месте — и жёлтые новости, и плей-лэнд с механической стрельбой, и 007, и восковой, музей. Но в самом центре моряки вдруг видят людей с плакатами: «Остановите войну во Вьетнаме! Верните наших ребят домой!» А у входа в кинотеатр стоит седой человек в очках, без пиджака, в коротковатых кремовых брюках, и раздает листовки. И один из солдат даже берёт механически у него одну листовку, но тут же опускает руку и разжимает пальцы, потому что на листовке нарисован сожженный напалмом ребенок.

Возле пожилого человека веснушчатый парень в плотном сером костюме, при галстуке. Настырным голосом он говорит каждому, кто проходит мимо:

— Не берите у него листовки. Он коммунист! Не берите — это коммунист!

Кто берёт, кто не берёт. Но солдаты шарахаются в сторону. И сразу внимательно разглядывают первую попавшуюся витрину, с ботинками, кажется. В стекле отражаются те, что стоят посреди площади с плакатами. Когда я спрашиваю солдат, что они думают о демонстрации против войны, они поджимают губы и вытягивают шеи. Им запрещено «вмешиваться» в эти дела. Начальство говорит, что демонстрации за мир только продлевают войну. И среди демонстрантов — сплошные коммунисты.

Нельзя вмешиваться, поэтому они не берут и других листовок, на которых написано: «Уничтожить Вьетнам немедленно!»

И вздрагивают, когда к ним подбегает бойкая девица и прикалывает к матроскам бумажные, искусственные цветы. Тем более что цветы эти, как оказывается, не знак восхищения будущими героями, а товар, и девица в тапочках на загорелых

ногах с цыпками, приколов цветы, требует с моряков деньжат. Приходится раскошеливаться.

С этой минуты солдаты начинают ходить по Таймс-скверу осторожней, обходя одинокие фигуры, стараясь не смотреть на середину. И некоторые даже совсем уходят отсюда. Идут, например, на Пятую или на Парк-авеню, хотя там никаких удовольствий, а только богатые магазины, куда и заходить-то страшновато.

Но не всегда солдату удается уйти от того, что его тревожит. На Парк-авеню, напротив знаменитой «Уолдорф Астории», вдруг видит сотни две людей, которые кричат хором: «Эй, эй, Эл-Би-Джей, сколько сегодня ты убил детей?» — и над ними плакат: «Остановите третью мировую войну!»

Солдат встревожен. Какая третья мировая война? В его маленьком городке, в Вайоминге, он никогда о ней ничего не слышал. И разве президент когда-нибудь убивал детей?! Детей убивают коммунисты. Это известно всем. И старшина так говорил. Нет, конечно, во время войны детям достаётся и от американцев. Но тут уж ничего не поделаешь. Правда, некоторые солдаты отказываются ехать во Вьетнам — это он слышал, знает. А некоторые призывники сжигают свои мобилизационные карточки. Он об этом тоже слышал. Но, во-первых, так нельзя, дисциплина есть дисциплина, а во-вторых, чего они этим добились? Война идёт, а они сидят в тюрьме… (Это мне объясняет Роберт Вуд из Вайоминга.)

Но всё-таки он встревожен. В голове под тарелкой от компота нет спокойствия, мерное течение мыслей нарушено.

И чтобы голова не шла кругом, солдат заходит в бар и выпивает два стакана пива «Шлиц». А оттуда прямиком — в клуб кардинала Спеллмана на Парк-авеню между 58-й и 59-й улицами. Только для солдат. Там все свои ребята. И девочки. И вообще там спокойней. Никаких проблем.

Гитара, барабан и рояль делают своё дело, честно и громко. Твист колышется и вращается по часовой стрелке вокруг столба, увитого кусками материи цветов американского флага. Белые клеши морских пехотинцев мечутся по полу, как подравшиеся голуби. В подвале душно. Пахнет средством от пота. В синем сигаретном дыму белые фигуры моряков теряют резкость очертаний и смахивают на привидения с черными петлями платков вокруг шеи. Девочки танцуют отрешенно, не глядя на партнеров.

Монсеньор Келли — гвардейского сложения прелат в черном костюме с белым, ошейником у подбородка, с красными большими руками и загорелым лицом, глава клуба кардинала

Спеллмана для военнослужащих, — дает мне разъяснения:

— Мы обеспечиваем военнослужащего, пришедшего в наш клуб, полной программой общественной жизни, необходимой для человека.

— Что это за программа?

— Танцы с девочками, тир, бильярд, телевизор, лёгкий ужин в субботу — бесплатно.

— Библиотека в программу не входит?

— Библиотеки нет. Но мы удовлетворяем все духовные потребности военнослужащего.

— Как?

— Если у кого-нибудь возникла потребность исповедаться, — пожалуйста, пошлем к капеллану. Даже, я сам иногда принимаю исповедь. Если какие-нибудь проблемы, поможем советом.

— Какие проблемы наиболее типичны?

— Девочки, конечно.

— Вопросы о войне?

— Никогда!

— Откуда вы набираете девочек для клуба?

— Доброволки. Четыреста доброволок. Отбоя нет. Но мы строго отбираем. Нужна характеристика от священника по месту жительства. Мини-юбки мы не одобряем. Высокие прически тоже. Девочки должны быть скромными. Они нужны солдатам только для танцев. Только для танцев. И для разговора, конечно.

Мимо кабинета проходит группа потрёпанных жизнью доброволок-сексуалок, — видно, на улице дела сегодня плохи. Монсеньор морщится:

— Конечно, за всеми не уследишь.

— Что заставляет девушек приходить сюда?

— Чувство патриотизма! Сделать что-нибудь хорошее для наших солдат, которые, возможно, отправляются после уик-энда отсюда во Вьетнам или ещё куда-нибудь.

Я долго сижу в клубе воинственного кардинала.

Танцуют неловкие, не обстрелянные ни смертью, ни жизнью ребята с тонкими шеями, застенчивые ребята, которые еще не знают, куда их несет течение… Но пройдёт несколько дней во Вьетнаме, каждым из них будет убит первый человек, и, как пишут газеты, «мальчики превратятся в мужчин».

Уик-энд перед убийством кончается поздно ночью.

И грудных детей…

(Эта глава была написана в ноябре 1969 года, но событие, о котором в ней рассказывается, произошло в марте 1968 года.)

Я заканчивал корреспонденцию о полёте «Аполлона-12», о трех мужественных, веселых, простых, симпатичных американцах, о их женах и детях, когда на экране телевизора, только что показывавшего счастливые лица астронавтов, вернувшихся на Землю, появился он, Пол Мидлоу.

Это был парень с виду лет двадцати пяти (оказалось потом, что ему — 22), тёмные волосы аккуратно подстрижены, тщательно зачесаны на косой пробор и, надо полагать, смазаны вазелином — блестят. Взгляд сквозь стекла очков внимательный и достаточно спокойный. Он сидел на стуле перед телекамерой без суеты, без движений, достойно. Он был похож на нового тренера бейсбольной студенческой команды — чемпиона где-нибудь в штате Канзас — или на молодого мужа, выигравшего моторную лодку или холодильник в телевизионном шоу «Молодожёны». У него была, что называется, «всеамериканская» внешность. Таких людей, если они ещё чем-нибудь вдобавок прославились достойным, называют здесь «всеамериканцами».

И я бы, наверное, выключил телевизор, чтобы пойти дописывать корреспонденцию о космосе, если бы не слова диктора, ведущего программу, новостей. Диктор сказал, что корреспондент Си-би-эс Майк Уоллес беседовал сегодня с Полом Мидлоу, ветераном вьетнамской войны, который участвовал в событиях возле деревни Сонг Ми в марте 1968 года.

И началось интервью, которое я привожу здесь полностью, с совсем незначительными сокращениями, чтобы вы могли представить себе не только поступки, но и характер, и образ мыслей, и настроение Пола Мидлоу, человека со всеамериканской внешностью.

* * *

Мидлоу. Капитан Медина собрал нас в группу, ну и дал инструкции, я не могу вспомнить весь инструктаж.

Корреспондент. Сколько вас было?

Мидлоу. Ну, с артиллерийским взводом, я скажу, было бы человек шестьдесят — шестьдесят пять. Но артвзвода с нами не было. Артвзвод, я бы сказал, человек двадцать — двадцать пять, около двадцати пяти человек в артиллерийском взводе. Так что в Сонг Ми у нас не было всей роты, нет, не было.

Корреспондент. Значит, человек сорок — сорок пять…

Мидлоу. Верно.

Корреспондент. …принимало участие во всём этом?

Мидлоу. Верно.

Корреспондент. Итак, вы вылетели из своего лагеря…

Мидлоу. Да, из лагеря Куколка.

Корреспондент. Куколка. В котором часу?

Мидлоу. Я не помню, в котором.

Корреспондент. Рано утром?

Мидлоу. Рано утром. Это было… это ведь было очень давно.

Корреспондент. Какие же инструкции вы получили, когда прибыли в Пинквилл?

Мидлоу. Проверить, есть ли противник в деревне, ну и быть готовыми к бою, когда подойдем.

Корреспондент. Быть готовыми к бою?

Мидлоу. Быть готовыми.

Корреспондент. Так, значит, вы Бзлетели. На скольких вертолётах?

Мидлоу. Ну, я думаю, первая волна — четыре. Четыре вертолёта и…

Корреспондент. Сколько человек в каждом?

Мидлоу. Пять. Мы сели недалеко от деревни, стали в цепь и начали движение к деревне. Там был один человек, один гук (презрительная кличка, которой американские солдаты называют вьетнамцев. — ***Г. Б.***) в укрытии, он был завален обломками. И кто-то сказал — там гук завален в укрытии.

Корреспондент. Сколько ему было лет, тому человеку? Я имею в виду — был ли призывного возраста, был он старым или молодым.

Мидлоу. Старым. И тогда сержант Митчелл сказал, чтобы мы его пристрелили.

Корреспондент. Сержант Митчелл командовал вами?

Мидлоу. Он командовал всем взводом. Ну и тогда солдат пристрелил гука. А мы вошли в деревню. И стали обыскивать деревню, собирать жителей и сгонять их на центральную площадь.

Корреспондент. Сколько вы согнали жителей?

Мидлоу. Ну, человек сорок — сорок пять. Мы согнали их туда. И это стало как остров в самом центре деревни, я бы сказал. И…

Корреспондент. Какие люди? Мужчины, женщины, дети?

Мидлоу. Мужчины, женщины, дети.

Корреспондент. Грудные дети?

Мидлоу. Грудные дети. Мы их окружили и заставили всех сесть на корточки. А лейтенант Кэлли подошел и сказал: вы знаете, что с ними делать, так ведь? И я ответил — да. Я понял так, что он хочет, чтобы мы просто сторожили их. Он ушёл и вернулся минут через десять или пятнадцать и говорит; «Как, вы

их ещё не убили?» А я говорю ему, что не знал, что он хочет их убить, я думал, он хочет, чтобы мы только охраняли. Нет, он говорит, я хочу, чтобы они были убиты. Ну и…

Корреспондент. Он сказал это всем или только вам?

Мидлоу. Да я стоял прямо перед ним. Вот. Но остальные — трое или четверо ребят — тоже слышали. Тут он отошёл назад футов на десять — пятнадцать. Й стал стрелять по ним. И сказал нам, чтобы и мы начинали… Ну и я начал. Я дал около четырёх очередей по ним.

Корреспондент. Вы выпустили четыре очереди из своего…

Мидлоу. М-16.

Корреспондент. И это около… я имею в виду, сколько.

Мидлоу. Каждая очередь — семнадцать выстрелов.

Корреспондент. Значит, вы сделали что-то около 68 выстрелов?

Мидлоу. Верно.

Корреспондент. И сколько убили в тот раз?

Мидлоу. Как сказать… Я стрелял из автомата, поэтому вы не можете… вы просто поливаете их и поэтому не можете знать, сколько вы убили… потому что частая стрельба. Я думаю, что мог убить десять или пятнадцать из них.

Корреспондент. Мужчин, женщин и детей?

Мидлоу. Мужчин, женщин и детей.

Корреспондент. И младенцев?

Мидлоу. И младенцев.

Корреспондент. О'кэй, ну и что дальше?

Мидлоу. Ну, потом мы начали сгонять других и согнали еще семь или восемь человек, которых мы собирались втолкнуть в хижину и бросить туда к ним гранату.

Корреспондент. Итак, вы согнали ещё.

Мидлоу. Мы согнали ещё. У нас получилось семь или восемь человек. И мы собирались втолкнуть их в землянку… ну и втолкнули их туда и бросили вслед гранату. Тут кто-то приказал нам — тащить их к яме. Поэтому мы выволокли их обратно из хижины и потащили к яме… к тому времени там уже всех собрали, всего, наверное, человек семьдесят или семьдесят пять. Мы прибавили к ним наших, и лейтенант Кэлли сказал мне: Мидлоу, говорит, у нас еще есть работка. И подошел к людям и начал сталкивать их и стрелять…

Корреспондент. Начал сталкивать их в яму?

Мидлоу. В яму. Это был ров. И все мы начали сталкивать их и стрелять. Мы как раз столкнули их всех и тут начали бить из автоматов по ним. И тогда…

Корреспондент. Опять по мужчинам, женщинам и детям?

Мидлоу. По мужчинам, женщинам и детям.

Корреспондент. И по грудным детям?

Мидлоу. И по грудным. Ну вот, мы стали бить из автоматов, но кто-то сказал нам, чтобы мы перешли на одиночные выстрелы, надо экономить боеприпасы. Ну мы и перешли на одиночные. Я разрядил несколько обойм. А после этого я как раз… мы как раз… рота стала собираться снова. Мы начали двигаться обратно… и перед собой пустили туков, чтобы, ну, вы понимаете, прикрыться…

Корреспондент. Так.

Мидлоу. …и когда мы начали движение…

Корреспондент. Прикрыться. Вы имеете в виду с фронта? Чтобы они приняли на себя весь огонь, который может начаться с фронта?

Мидлоу. Верно… На следующее утро мы совсем должны были уйти из района, уйти. А я наступил на мину на следующий день, на следующее утро, и потерял ступню.

Корреспондент. И вы вернулись в США.

Мидлоу. Я вернулся в США и потерял ступню…

Корреспондент. Вы чувствуете…

Мидлоу. Я чувствую, что меня обманули. Потому что Организация ветеранов урезала мою инвалидность. Они сказали, что культя моя хорошо залечена, хорошо действует и нет болей. Ну ладно, она хорошо залечена, но ещё очень далеко до того, чтобы она хорошо двигалась. И без боли?! Болит всё время! Я должен работать на ногах восемь часов в день. И к концу дня еле могу терпеть. Но мне надо работать. Потому что надо зарабатывать на жизнь. А Организация ветеранов не дала мне достаточного пособия.

Корреспондент. Было ли у вас чувство вины за то, что вы сделали?

Мидлоу. Ну, я чувствовал, что утром меня вроде бы наказали за то, что я сделал. Позже в тот день я чувствовал себя так, будто был наказан.

Корреспондент. Почему вы сделали это?

Мидлоу. Потому что я считал, что мне приказали… это казалось тогда именно так… в то время так казалось, что я делаю верное дело, потому что, так сказать, я терял приятелей. Я потерял, чёрт дери, очень хорошего приятеля, Боба Уолсона! И это давило на меня. Ну а после того, как я сделал это, я почувствовал себя хорошо. Только позже в тот день меня начало забирать.

Корреспондент. Вы женаты?

Мидлоу. Верно.

Корреспондент. Дети?

Мидлоу. Двое.

Корреспондент. Сколько лет?

Мидлоу. Мальчику два с половиной, а дочке полтора.

Корреспондент. Естественно, вопрос приходит сам… отец двух таких маленьких ребятишек… как он может расстреливать детей?

Мидлоу. У меня не было тогда дочки. У меня тогда был только маленький сын.

Корреспондент. Как же вы стреляли по детям?

Мидлоу. Я не знаю. Кто-нибудь другой думает об этом.

Корреспондент. Как вы полагаете, сколько людей было убито в тот день?

Мидлоу. Я думаю, около трёхсот семидесяти.

Корреспондент. Почему вы называете именно такую цифру?

Мидлоу. Так, по виду.

Корреспондент. Значит, вы лично видели именно это число людей. И скольких из них убили вы сами?

Мидлоу. Не мог бы сказать.

Корреспондент. Двадцать пять? Пятьдесят?

Мидлоу. Не мог бы сказать… просто очень много.

Корреспондент. А сколько всего человек стреляло?

Мидлоу. Ну, я и этого не знаю, честное слово. Там были другие… Там была другая рота… ну просто не могу сказать сколько…

Корреспондент. Но ведь этих мирных жителей построили в линию и расстреляли в упор. Ведь их убивали не перекрестным огнём?

Мидлоу. Их не выстраивали… их просто сталкивали в ров, а другие сидели, сидели на корточках… и в них стреляли…

Корреспондент. Что эти жители — особенно женщины и. дети, старики, — что они делали? Что они говорили вам?

Мидлоу. Им нечего было говорить. Их просто толкали, а они делали то, что им приказывали делать… Ну и просили, кричали: «Нет… нет…» И матери закрывали руками детей, но они попадали как раз под огонь. Ну, в общем, мы их держали прямо под огнем. Они махали руками и просили…

Корреспондент. Это самое главное зрительное впечатление в вашей памяти?

Мидлоу. Верно.

Корреспондент. И ничего не тронуло тогда ваш ум или ваше сердце?

Мидлоу. Много раз… много раз…

Корреспондент. В то время, как вы стреляли?

Мидлоу. Нет, не когда я стрелял. Мне казалось, что в то время я делал что надо. Я не знаю. Я просто… просто я почувствовал удовлетворение после того, что я видел там раньше.

Корреспондент. Что вы имеете в виду?

Мидлоу. Ну вообще, меня злость брала… как будто… ну, моих приятелей убивало, или они получали ранения, или… мы не могли ничего сделать… ну и это в общем-то было… больше всего это походило на реванш…

Корреспондент. Вы называете вьетнамцев «гуками».

Мидлоу. Гуки, верно.

Корреспондент. Вы их считаете людьми? Вы считали их людьми?

Мидлоу. Ну, вообще, они были людьми. Это просто слово, которое мы там узнали, вы понимаете. Любое слово, которое вы подбираете… Вы так называете людей. И вас как-нибудь называют…

Корреспондент. Мне, естественно, приходит мысль… Я был там, во Вьетнаме, некоторое время, и я убивал во время второй мировой войны и всё такое. Но вот мысль, которая приходит… Мы столько говорили о том, что творили нацисты и японцы, но особенно что творили нацисты во время войны, жестокость, вы знаете. Очень многим американцам трудно понять, как молодые американские ребята могут выстроить перед собой стариков, женщин и детей и хладнокровно расстрелять их в упор. Как вы это объясните?

Мидлоу. Не знаю.

Корреспондент. Вам когда-нибудь потом снилось то, что произошло в Пинквилле?

Мидлоу. Да, снилось… и до сих пор снится.

Корреспондент. Что же вам снится?

Мидлоу. Я вижу женщин и детей. Иногда ночью я даже не могу уснуть. Я просто лежу и думаю об этом…

* * *

Интервью закончилось. Взволнованный корреспондент и довольно спокойный Пол Мидлоу исчезли с экрана. Через мгновение — каждая секунда паузы стоит денег, и немалых, — кто-то улыбчивый и бодрый уже настоятельно рекомендовал покупать что-то (я не мог запомнить, что именно), что принесет счастье обладателю. Потом были ещё разные новости. Милый, весёлый человек предсказывал с экрана погоду, делая это с обаятельной шуткой, и утверждал, что после полетов на Луну

прогнозы погоды будут куда точнее, чем раньше.

И казалось, прослушанное несколько минут назад интервью с убийцей было вымыслом или снято — кто знает, теперь все возможно! — на другой планете. Но нет, к несчастью — на нашей планете и не три десятка лет назад, во времена гитлеровского фашизма, а сейчас. И рассказывал человек в очках не о Лидице, не об Орадуре, не о том, как нацисты расстреливали людей под Минеральными Водами или в Белоруссии. И время другое. И страна другая. Но короткое и страшное слово — ров — то же самое.

Есть снимки того, что произошло под деревней Сонг Ми (это правильное название Пинквилла). Один из участников преступления имел при себе фотоаппарат. Он продал снимки кливлендской газете. На одном на снимков впереди, прямо перед камерой и, следовательно, перед дулами автоматов, девочка лёт десяти. Она в ужасе пытается спрятаться за спину сжавшейся от страха женщины.

Я невольно вижу под этим фото вместо подписи цитаты из разных выступлений разных весьма высоких американских политических государственных и военных деятелей. «Наша высокая миссия — освободить Южный Вьетнам от коммунизма!» «Цель демократической Америки — отстоять демократические свободы для вьетнамцев». «Мы не можем уйти из Вьетнама просто так и бросить народ на произвол судьбы. Мы должны думать о вьетнамском народе и о нашем престиже как защитнике демократии во всём мире!»

Какое страшное звучание приобретает каждая из этих высокопарных фраз рядом со снимком!

Через секунду после того, как щелкнул затвор фотоаппарата, щёлкнул другой затвор, и девочка была навсегда «освобождена» от коммунизма, от демократии, от всего на свете, от жизни. Потом ее бросили в ров. И потом еще добивали то ли автоматными очередями, то ли, в целях экономии боеприпасов, одиночными выстрелами.

О том, что произошло возле деревни Сонг Ми, в Америке узнали две недели назад. Нет, не лейтенант Кэлли, не страдающий от бессонницы и маленького инвалидного пособия Пол Мидлоу, не фотограф-любитель из Кливленда, нет, не они рассказали о преступлении. Не их замучила совесть.

Об убийстве под Сонг Ми впервые в Америке рассказал студент из Калифорнии — Райденаур. Служа в армии в 1968 году, он случайно услышал о том, что произошло под Сонг Ми, от солдат во Вьетнаме. Райденаур постарался узнать об этом как можно больше и разослал письма со сведениями, которые ему

удалось собрать, в Белый дом, в министерство обороны, в государственный департамент, сенаторам. Он сделал это на свой страх и риск, хотя, как ему было известно, военные власти некоторое время назад «вели следствие» по поводу событий в Сонг Ми, но прекратили его «за неимением доказательств». Сразу нашлись заинтересованные лица, которые захотели проверить «мотивы» Райденаура. Но им не удалось обвинить его ни в принадлежности к компартии, ни даже к движению против войны во Вьетнаме, в котором он никогда не участвовал. Местность под Сонг Ми посетили агенты криминально-следственного управления армии. Они нашли там несколько рвов, заполненных телами людей — в основном женщин, стариков и детей. По сообщению одного официального лица, их насчитали там около 500.

Вот только тогда в кливлендской газете появились фотографии самого преступления. Только тогда начали отыскиваться свидетели. Нет, это не муки совести. Это похоже на деловое решение — использовать последнюю возможность, чтобы продать выгодно собственность, которой ты владеешь и которую можешь потерять со дня на день.

Я думаю, читатели не очень будут шокированы, если узнают, что за интервью, данное корреспонденту Си-би-эс, спокойный Пол Мидлоу запросил и получил сумму, выражающуюся пятизначным числом (само число держится в секрете, «порядочность» в бизнесе — святой закон в этой стране).

Солдаты выполняли приказ. И это очень знакомо. Выполняли приказ. Чей приказ? Только ли лейтенанта Кэлли, бравого молодца, фотографии которого обошли все газеты Америки? Но тогда встает вопрос о людях, которые приказали начинать и вести эту незаконную и необъявленную войну, приказывали посылать во Вьетнам всё новых и новых солдат.

Именно они, по выражению матери Пола Мидлоу, сделали из её сына убийцу. «Они забрали его во Вьетнам и заставили его там совершить то, что он никогда бы не совершил!»

Именно их приказ повторял двадцатишестилетний лейтенант Расти Кэлли.

«Расти был хорошим мальчиком, — вспоминает его тетка, сестра покойной матери. — В прошлое рождество он привез мне очаровательный браслет в подарок (это было рождество после преступления в Сонг Ми. — ***Г. Б.***), а отцу купил окорок. Он знал, что отец так любит ветчину! Когда он был мальчиком, даже юношей, он никогда не ложился спать, не поцеловав мать и отца. Я не верю ни во что. Я думаю, он просто — прикрытие для каких-нибудь генералов и для высших офицеров…»

Так рассуждает его тётка из зажиточной семьи в Майами, где вырос убийца, отличавшийся в колледже «хорошими манерами, средней успеваемостью и отсутствием замечаний по поведению».

И это тоже всё знакомо. Тяжело знакомо. И хорошие манеры. И подарки к рождеству. И неверие, тётки. И «генералы».

История повторилась. И не как фарс. А как ещё одна трагедия.

Глава четвёртая
АПРЕЛЬ

Партизанский театр

Речь пойдёт о необычном спектакле. Я не уверен даже, можно ли назвать спектаклем то, что я видел. По-моему, это нечто большее. Впрочем, судите сами.

Это случилось днём. На Пятой авеню, в двух кварталах от собора святого Патрика, вдруг поднялся над толпой прохожих американский флаг. Ничего не было удивительного. Американцы любят поднимать флаг в любом удобном и неудобном случае. Мне приходилось видеть даже мусорные корзины, обернутые звездно-полосатым полотнищем. Кто-то рядом с флагом затянул под аккомпанемент медных тарелок, барабана и флейты гимн Соединенных Штатов. Тоже ничего необычного. Но странный народ американцы. Уж чего-чего только не видели в своем городе ньюйоркцы, и люди они, безусловно, занятые, так нет — только помани пальцем, зеваки собираются тут же. Насчет меня понятно: должен быть любопытным по профессии.

Так я оказался в толпе, мигом окружившей знамя и людей, поющих под ним. Толпа эта, человек в двадцать пять, была изменчива и рвалась по краям. Люди подходили, на несколько секунд вытягивали шеи и шли дальше. Их сменяли другие. Но в середине образовалось довольно-таки стабильное общество зевак, дышавших друг другу в затылки.

Люди, исполнявшие гимн, как-то незаметно перешли от торжественной мелодии к странной песенке: «Убей вьетконговца, тра-ля-ля! Убей вьетконговца, тру-лю-лю! Напалмом его, трампампам! Напалмом его, тромпомпом!» Поющих было человек пять или шесть. От них отделился мужчина весьма добропорядочного вида, в так называемом «бизнес-сьют» — деловом костюме: темный тон, строгий покрой, платочек в боковом кармане, черные штиблеты. Мужчина был хорошо выбрит и торжествен. Он бросил взгляд на паренька лет пятнадцати, который, стоя в первом ряду зевак, ловко выдувал из розовой жевательной резинки воздушные шарики величиной с лампочку от карманного фонарика, и крикнул бодрым телевизионным баритоном:

— Друзья американцы! Налогоплательщики! У меня для вас есть сообщение особой важности. Как вам известно, Вьетнам ежедневно обходится нам в четыре миллиона долларов. Но разве

кто-нибудь из вас отказывался платить налог? Нет! И мы можем гордиться этим!..

— Проповедник! — высказал соображение сухонький старичок в клетчатом плаще, стоявший рядом со мной. Я тоже решил, что так оно и есть, и собрался уходить. Но вдруг человек в темном костюме, выстроив на лице странную улыбку, сказал:

— Ваша служба отечеству вознаграждена! Мы привели к вам сюда, на Пятую авеню, настоящего вьетнамского коммунистического партизана. Прямо из Вьетнама!

Я сразу начал пробираться вперёд. В этом помогала мне журналистская карточка на лацкане пальто. Сосед-старикан тоже поработал энергично. Скоро мы оказались в первом ряду, около парнишки с шариками на губах. Тем временем двое солдат американской морской пехоты вывели вперед из-под знамени раньше мной не замеченного, щуплого черноволосого человека, одетого в темную холщовую рубаху и такие же штаны. На ногах у него были сандалии с подошвами из автомобильных покрышек. Морские пехотинцы жестами приказали парню встать на колени. Тот опустился на тротуар.

— Бу-у, — разочарованно произнёс мальчишка с шариками. — Враньё. Не настоящие!

Действительно, автоматы у солдат были деревянные. А на лице «партизана» лежал слой грима, делавшего его загорелым и немного похожим на вьетнамца.

Люди вокруг заулыбались. Ну конечно, театр. Правда, почему на улице? И при чем тут вьетнамский партизан?

Старик требовательно поскрёб мое плечо сухими пальцами:

— Эй, мистер, про что это всё?

Он, видно, решил — раз я из прессы, значит, знаю. Рядом со стариком стояла молодая женщина в модном ярко-красном пальто с толстыми металлическими молниями во всю длину рукавов и в высоких, как у Петра Великого, лакированных сапогах.

— Вы что-нибудь знаете? — спросила она меня.

А человек в деловом костюме продолжал говорить громко и бодро, будто рекламируя томатный сок по телевидению:

— Друзья прохожие! Редкая привилегия предоставлена нам. Редкая честь! Любой из вас может застрелить этого негодяя в чёрной пижаме! Здесь же, на тротуаре! Ну, кто желает?

— Джи-и! — закричал парнишка восторженно. — Вот это да!

— Может быть, снимают для ти-ви? — все допытывался старик.

Человек в «деловом» костюме искал глазами добровольца. Потом подошёл к даме в красном и протянул ей красный

пистолет.

— Он вам будет в цвет пальто.

Женщина кокетливо улыбнулась. Пистолет оказался у неё в руке. Не настоящий пистолет, игрушечный, из пластмассы. Стреляет водяной струйкой. Нажмёшь курок — и из дула брызжет вода. Смешной такой пистолетик. То ли 80, то ли 90 центов — в любом магазине игрушек.

Женщина вертела пистолетик в руке, видно, не зная, что с ним делать.

— Цельтесь, цельтесь, мэм. Цельтесь в голову. Вам когда-нибудь приходилось раньше стрелять человеку в голову?

Женщина, всё ещё улыбаясь явной шутке, подчинилась приказу и начала целиться в человека, стоявшего на коленях.

— Хорошо! — подбадривал ее хозяин пистолета. — Мы все можем принять участие! Все поднимите руки, будто и у вас есть пистолеты. Все цельтесь указательным пальцем! В голову, в голову!

Две или три руки поднялись. Одна из них тут же опустилась.

— Хорошо! — возбужденно кричал тёмный костюм. — Считаю до трёх. Раз… Два… Три… ОГОНЬ!

Женщина нажала курок игрушечного пистолета. Тонкая струйка воды ударила в голову человека на коленях. Человек схватился руками за лицо. Между пальцами потекла кровь. Человек чуть выпрямился и упал на спину. Прямо на тротуар Пятой, авеню.

Старик рядом со мной вдруг прерывисто вздохнул. А мальчишка перестал выдувать очередную лампочку, Кто-то хохотнул в толпе, но тут же смолк.

Музыканты под знаменем громко заиграли американский гимн. Женщина растерянно смотрела на парня в холщовой рубахе, который ещё несколько раз дёрнулся на тротуаре и затих. Улыбка на её лице замерзла и сползла куда-то вниз, под красивый меховой воротник пальто.

К ней подскочил тот, в костюме, осторожно взял ненужный уже пистолет и вдруг сказал громко:

— Ай-ай, как неосторожно, вы испачкались кровью.

Женщина невольно вздрогнула. А тот уже тер своим белоснежным платком невидимое пятнышко на рукаве её пальто. Глаза смотрели холодно и строго.

Через минуту не было ни человека в тёмном костюме, ни знамени, ни расстрелянного, ни музыкантов. Они скрылись. Растворились в толпе прохожих. Да и толпа почти разошлась. Женщина в красном пальто сделала шаг в одну сторону, остановилась, будто что-то вспомнив, неловко улыбнулась,

шагнула в другую. Потом снова повернулась и стала переходить улицу.

— Эй, мистер, это будет по телевидению? — спросил все тот же старик.

— Не знаю.

— А кто же это?

— Не знаю.

— Сумасшедшая страна, — заключил старик убеждённо. — Сумасшедшая. Все это плохо кончится, вот увидите…

Теперь мне надо ответить на вопрос старика — кто же это и что же это?

Это так называемый «Партизанский театр», созданный в Нью-Йорке. Его вдохновитель — редактор журнала «Драматическое обозрение» Ричард Шекнер. Вот его кредо, выжатое мной из разговора с ним.

Большинство художников Америки против войны во Вьетнаме. Они выступают с речами, участвуют в демонстрациях и митингах. Но в своей борьбе они должны оставаться художниками. Они должны воздействовать на человека не только силой логики и информации, но прежде всего через его сердце. Америка никогда не знала войны. По телевизору показывают бомбардировку вьетнамской деревни напалмом и тут же рекламируют новое средство от пота. Человек перед телевизором рассуждает так: да, это, конечно, плохо, что там убивают людей. Но хорошо, что придумано новое средство от пота. Надо попробовать. Как заставить людей почувствовать, что такое война? Шекнер и его друзья взяли маленькую, на несколько минут, пьесу Роберта Хеда «Убей вьтконговца» и пошли с ней на улицу. Почему на улицу? Вот почему. Кто бывает в американском театре? Дай бог — полпроцента населения. Буржуа. Зачем ходят? Чтобы уйти от реальности, от своих гражданских обязательств. Они заплатят за эмоциональное развлечение — вот и все.

Что же делать? — задают себе вопрос американские художники. Шекнер предлагает такой ответ: нужна новая аудитория, нельзя ждать ее в театре, надо идти к ней, надо «нападать» на нее, когда она меньше всего подготовлена к традиционному восприятию театра, делать так, чтобы зритель участвовал в спектакле. Естественно, что свой опыт Шекнер и его друзья назвали «Партизанским театром». В нем пять групп, около ста человек. Студенты, художники, профессиональные актеры. Никаких, конечно, денег. Это гражданский долг. Ему отдают они время и силы сверх своей основной работы. Пьесу Хеда «Убей вьетконговца» играли не только на Пятой авеню, но и на вокзалах, на автобусной станции, в парках — там, где много

народу. Иногда, несмотря на то что пьеса очень короткая, они не успевают её закончить — слишком быстро появляется полиция. Тогда «Партизанский театр» исчезает, чтобы через полчаса, через час появиться в другом месте и нанести новый короткий, но точный удар по равнодушию.

Убийство в Мемфисе

Сейчас его друзья пытаются вспомнить всё, что он говорил и делал за несколько минут до смерти. Не мог найти галстук и смешно досадовал: кто же взял его. Оказалось, лежит на кресле, заваленный бумагами. Повязал галстук перед зеркалом и заметил, что рубашка слишком узка.

— Рубашка слишком узка, — сказал он.

— Ты просто пополнел, — ответили ему.

— Эта рубашка слишком узка, — настойчиво повторил Кинг.

Потом вышел на балкон, облокотился на перила рядом с дверью своей комнаты № 306, за которую хозяин мотеля «Лорейн» в Мемфисе брал 12 долларов в сутки. Внизу стоял чёрный «кадиллак», который прислал Кингу владелец похоронной конторы в Мемфисе, чтобы отвезти Кинга вечером, на ужин к знакомому священнику, а потом на негритянский митинг.

Кинг поговорил с организаторами о мелодиях, которые хотел бы услышать на митинге. Потом шофёр сказал: «Прохладно, вы бы надели пальто». «Хорошо, я надену», — согласился Кинг.

Это были его последние слова. Пуля вошла в шею с правой стороны.

В Далласе убийце понадобилось три выстрела, два из них оказались смертельными. В Мемфисе понадобился только один.

В этой стране вообще мастерски стреляют из окон. Выстрел раздался в шесть часов вечера 4 апреля 1968 года. Официально считается, что смерть наступила через час.

Портрет убийцы, составленный по описаниям, появился во всех американских газетах. Худощавый, остроносый, с залысинами.

Он назвал себя Джоном Виллардом. Он вынул из кармана новенькую 20-долларовую бумажку и, держа её обеими руками, дал управляющей дома № 422 1/2 по улице Саут Мэйн, расплачиваясь с ней за комнату. Он говорил с южным акцентом. На нём был тёмный костюм. Он снял комнату № 5, а от нее 13 шагов до ванной комнаты, откуда он стрелял в Кинга, удобно оперев ложу винтовки о подоконник.

«Это был чистый, опрятный господин, — утверждает миссис Бесси Брюэр, управляющая. — Я предложила ему комнату № 8 с

кухней за 10 долларов в неделю. Но он сказал: „Мне нужна только спальня“. Я показала ему тогда пятую. Он сказал: „Вот это прекрасно“. У него очень аккуратная причёска и хорошо подстриженные волосы».

Человек, назвавший себя Виллардом, снял комнату в 3.15, а исчез после выстрела, в 6 часов с минутами.

Если бы Мартин Лютер Кинг, стоя на балконе, повернул голову вправо и посмотрел на окна второго этажа дома напротив, он легко увидел бы своего убийцу с винтовкой. Но Кинг смотрел вниз и разговаривал с органистом и шофёром.

* * *

По распоряжению Джонсона в Мемфис прилетел министр юстиции США Кларк. Именно он сразу же заявил прессе, что «заговора не было, убийца действовал в одиночку».

Я видел глаза аккуратно причесанного белого человека в опрятном костюме, когда он смотрел на двадцатишестилетнего Мартина Лютера Кинга, посмевшего сесть рядом с белым человеком на скамейку автобуса. Это было еще в 1955 году в Монтгомери.

С тех пор, когда имя молодого негритянского священника из Монтгомери, потребовавшего для негров права ездить в городских автобусах, впервые попало в американскую печать, прошло много лет. Он стал известен, всему миру. Ему была присуждена Нобелевская премия мира. Но два года спустя, летом 1966 года, я видел, как здоровенный, красномордый и голубоглазый полицейский штата Миссисипи бил лауреата Нобелевской премии на дороге № 51. Доктор Мартин Лютер Кинг упал на обочину.

Его сажали в тюрьмы. Ему не раз угрожали смертью. Его дом в Монтгомери взорвали. На него не раз покушались.

«Его убийца действовал в одиночку…»

Как много в Америке в одиночку действующих убийц. И как профессионально и организованно они делают своё дело.

* * *

В дни после убийства Мартина Лютера Кинга Америка жила странной жизнью.

Война, о которой здесь привыкли думать как о далёкой, очень далекой, вдруг очутилась рядом; в соседнем квартале. Слова —

взрыв, огонь, пламя, смерть — стали рядом не с далёкими и безразличными обывателям названиями Гуэ, Кхесань, Сайгон, а вдруг оказались на газетной полосе в страшном соседстве с Чикаго, Балтиморой, Питтсбургом, Вашингтоном!

Войска, обороняющие не далекую высоту № 471 во Вьетнаме, а вполне близкую американцам высоту под названием Капитолийский холм, пулеметчики, занявшие позиции на каменных ступенях здания конгресса США, — такого американец не видел никогда.

Благодаря телеэкрану я видел с вертолёта знаменитый вашингтонский «карандаш» — памятник Джорджу Вашингтону. Я с трудом разглядел его. Мешал не туман, а дым пожара.

Бушующее пламя, солдаты, идущие по улицам, держа винтовки наперевес. И диктор сообщает, что эти кадры сняты в нескольких кварталах от Белого дома.

Многое в Америке изменилось после убийства Мартина Лютера Кинга. Президент отложил поездку в Гонолулу. Ярмарку западного полушария в Техасе вместо него открывала его жена — леди Берд. Вручение Оскаровских премий в Голливуде перенесено с понедельника, 8 апреля, на среду, 10 апреля. Официально объявлен траурным и день похорон Мартина Лютера Кинга — вторник, 9 апреля. Все флаги на государственных учреждениях приказано приспустить. И по всей стране служат молебен в память доктора Кинга.

На другой день после убийства в Мемфисе я услышал по радио рекламное объявление: «Проведите траурный уик-энд на Ямайке, Фешенебельные отели, коллекционные вина, изысканная кухня! Проведите траурный уик-энд, посвященный памяти Мартина Лютера Кинга, на Ямайке! Звоните своему агенту по путешествиям…»

В эти дни стихийного протеста негров против убийства Мартина Лютера Кинга я не мог выехать из Нью-Йорка. Но весьма отчетливо представлял себе благодаря телерепортажам, радио и газетным интервью, что происходит в стране.

* * *

На углу улиц 13-й и В на обочине лежит человек. Одна нога неестественно подвернута. Люди, идущие сквозь дым от пожаров, даже не смотрят на него.

Две собаки, рывшиеся до этого в перевёрнутой мусорной корзине, подошли и принялись обнюхивать. Проехали два военных грузовика. Собаки убежали.

Человек был в коричневом костюме, в рубашке и галстуке. Кровь текла из носа и изо рта. Рубашка на груди была чёрной. В темноте было трудно различить, кровь ли от раны или просто грязь.

Госпиталь находился в середине квартала. Возможно, человека бросили именно на этом углу, надеясь, что из госпиталя увидят и окажут ему помощь. Пятиэтажное здание госпиталя. Вывеска гласит: «Основан в 1870 году». Стеклянные входные двери заперты.

С ворчанием привратник открыл дверь. «Около вас на углу умирает человек». Охранник повернулся и ушёл в полутёмный вестибюль. Скоро появился человек небольшого роста в тёмном костюме. «Я администратор», — сказал он. «Около вас на углу умирает человек». — «Ну и что вы хотите от нас?» — «Помогите ему».

Администратор покачал головой: «Пусть кто-нибудь ещё поможет ему, мы не хотим рисковать».

* * *

Угол 1-й улицы и улицы Ф. Солдаты идут группой человек в десять. Их фигуры видны тенями на фоне пламени. У каждого в руках карабин с примкнутым штыком. Идут гуськом. Первый смотрит вперед, второй вполоборота влево, третий вполоборота вправо. Так называемая «елочка». Точно такое же построение я видел на давних фотографиях — английские солдаты в Кении — и недавние кадры — американцы во Вьетнаме.

Только там я мог вглядеться в лица, здесь же они закрыты противогазами. И голос человека, которого интервьюирует корреспондент, звучит глухо. Это офицер. Он в джипе. Откинув свиной пятачок противогаза, в микрофон отвечает на вопросы, будто из подземелья. «Газовые маски? Это потому, что мы будем применять газ. Это лучше, чем применять прямую силу».

Под «прямой силой» имеется в виду огнестрельное оружие. Нет, огнестрельное оружие оставлено, как видно, на, самый последний, критический момент. Стрельбы на улицах не слышно, только треск пламени.

* * *

Фасад Белого дома ярко освещен. Там стоят юпитеры телевидения. Корреспонденты дежурят постоянно, ожидая

событий, заявлений, слухов. Жилая часть Белого дома в темноте, только на втором этаже сквозь гардины виден свет.

«В присутствии свидетелей к сему приложил руку апреля пятого дня, в год Нашего Властителя девятнадцать сотен шестьдесят восьмой и независимости Соединенных Штатов Америки год 192-й… Линдон Б. Джонсон» (из приказа президента США о введении особого положения в Вашингтоне).

* * *

Неподвижное, тяжелое, оплывшее лицо мэра города Чикаго на весь экран телевизора. Мэр специально объявляет о введении комендантского часа в городе Чикаго. ЛиЦам до 21 года воспрещается появляться на улицах после семи часов вечера и до шести часов утра.

Соединяются провода электропередачи. Искры. Падает столб. Диктор: «В Чикаго не работают телефоны…»

Ночью я еду в нью-йоркский Гарлем. По сравнению с пожарами Вашингтона здесь относительно спокойно. Всего несколько горящих зданий, несколько десятков разбитых витрин, разграбленных магазинов.

Но я никогда не видел здесь такого количества народа. Даже днем. Даже в часы пик.

Вдоль 125-й улицы догорает несколько зданий. Идет дождь, асфальт скользкий. Больше всего я боюсь задеть кого-нибудь машиной. Её тогда перевернут и сожгут в считанные минуты…

* * *

…Утром следующего дня в Гарлеме уже убирают мусор, разбитые стекла, хозяева магазинов наблюдают, как рабочие прибивают на место сорванные с витрин тяжёлые металлические решетки. После тревожной, но сравнительно «благополучной» ночи у полицейских неплохое настроение. Они улыбаются. Один кричит мне: «Янки, гоу хоум!» Это шутка. Убирайся; мол, белый американец, подобру-поздорову из Гарлема. И он смеётся своей шутке.

Другой вполне серьезно предлагает:

— Если хотите, я буду вас сопровождать.

— Ничего, спасибо.

— Ну, как знаете. Тут корреспондентов вообще-то не особенно жалуют.

Это действительно так. Раза два мне кричат:

— Не спрячешь свою поганую камеру, разобьём!

Я нацеливаюсь фотообъективом на разрушенное здание.

— Эй, мистер, — насмешливо кричит мне старый негр в шляпе с красным, перышком. — Этот дом всегда был таким. Вчера сожгли вон тот…

И вокруг смеются.

…Полицейским привезли кофе в картонных стаканчиках и треугольные бутерброды в запотевших полиэтиленовых пакетиках. Красивые бутерброды — белый хлеб, сиреневая ветчина и зелёный листик салата. Немного неудобно есть — на одной руке палка на ремешке из сыромятной кожи, на другой — висит стальная каска. Но никто не снял с руки каску. Никто не положил в. сторону длинную деревянную дубинку.

…Солнечный день. Двое пожилых джентльменов в шляпах, в темных костюмах сидят на скамеечке в самом центре перекрестка на крохотной ленточке сквера. Один держит под подбородком сделанный из тонкой жести блестящий отражатель — это для того, чтобы солнечный свет равномерно падал на лицо. Отражатель похож на забрало, снятое со средневекового рыцаря из музея Метрополитен, надраенное до блеска. Другой джентльмен медленно и со вкусом распечатывает сигару. Продолжает начатую уже фразу.

— …Политическая борьба — это я понимаю, мог бы понять. Но ведь все, что произошло, это просто грабёж, бандитизм, хулиганство!..

Рыцарь, не открывая блаженно прищуренных глаз, сдержанно кивает, стараясь не расплескать солнечные лучи.

И вдруг взрывается парень, который стоит здесь рядом и ждёт зелёного света, чтобы перейти улицу.

— А как же им ещё протестовать?! Как ещё?! Что — словами вас убеждать?!

Только что говоривший джентльмен вздрагивает, но, овладев собой, будто бы не замечая парня, молчит, языком приклеивая к сигаре отставший табачный лист.

А парня уже одёргивает стоящая рядом с ним девушка:

— Зачем ты? Разве не видишь, с кем имеешь дело?

Зелёный свет. Парень и девушка, переходят улицу. А джентльмен, облизав сигару, произносит укоризненно:

— А ведь бе-е-лый человек!

Его молчаливый собеседник с рефлектором на шее снова кивает аккуратно, чтобы не расплескать солнце, чтобы, загар был ровным.

* * *

Джим Гаррисон, окружной прокурор Нового Орлеана, сказал мне: «У американской мафии существует, приём. Чтобы отвести от себя подозрения и отвлечь внимание публики, убийца устраивает своей жертве пышные похороны. Очень пышные. Люди смотрят, люди любуются, люди восхищаются, даже завидуют. Громкие, роскошные похороны — вот чём удовлетворяют публику. После таких похорон уже никому ничего не нужно. И убийцу искать не обязательно…»

Кингу были устроены очень пышные похороны.

Голоса из гетто

То, что вы сейчас прочтёте, написано детьми. Мальчиками и девочками, живущими в Нью-Йорке, в. той его части, которая называется Гарлем. В Нью-Йорке два Гарлема: просто Гарлем и испанский Гарлем. В «просто Гарлеме» живут американские негры. В испанском Гарлеме — белые и чёрные пуэрториканцы. Разницы между этими районами нет никакой. Их ещё называют — гетто.

В официальных американских бумагах, правда, это слово предпочитают не употреблять. Там есть более аккуратные выражения: «район, лишённый преимуществ» и «внутренний город». Районов, «лишённых преимуществ», в Нью-Йорке много: Южный Бронкс, Восточный Бруклин, Бауэри, Джамайка, Бедфорд и т. д. Их много и по всей Америке.

О гетто в Нью-Йорке часто писали. Очень часто умно и искренне писали.

Но никто не сказал о нью-йоркском гетто так, как сказали о нем дети, его обитатели, его узники, его жертвы.

Эти маленькие школьные сочинения собрал учитель. Учитель с умным, сердцем и талантом вызывать у ребят полное доверие к себе. Ему помогали друзья. Они не давали детям классических тем «Как я провёл лето». Их интересовали не столько события, сколько чувства и мысли ребят. Поэтому на доске писалось лишь одно слово: «Мечта», или «Жизнь», или «Снег», или «Счастье».

— Что мы должны писать? — спрашивали ребята.

— А можем мы писать о…?

— Вы можете писать о чём хотите. Обо всём, о чём заставляют вас думать слова «Счастье», или «Мечта», или «Снег»…

И когда собраны были в одну папку сотни тетрадных листков, образовался поразительный человеческий документ.

Я перевёл лишь некоторые из ребячьих сочинений. Прочтите

их.

* * *

Мечта (Ронда, 7 лет)

Я бы хотел жить в другом квартале. Наш хозяин сказал, что на заднем дворе освободит место для игр. Но как там играть, если там свалка. Туда сносят мусор. Я хочу, чтобы дом был хороший и чтобы еды было больше. Вот что я хочу.

Мечта (Лорэйн, 7 лет)

Я бы хотела, чтобы они перестали убивать людей на улице вокруг нашего дома. Мне все время кажется, что меня убьют: Моя мама говорит — иди погуляй, на улице солнце. А я все время говорю маме, что не хочу гулять. Я боюсь, что меня убьют.

Мечта (Карлос, 7 лет)

Вокруг нашего дома стекло, объедки и бумага. И люди дерутся все время. А мне нравится, чтобы люди любили друг друга.

Тишина (Юджин Питчфорд, 15 лет)

Моего дядю убили. Они забрали все, что у него было. Полиция не знает, кто это сделал. Но кто бы он ни был, его найдут. У дяди не было врагов, которых бы я знал. Почти все знали его. Во время похорон было так тихо, что можно было бы услышать пистолетный выстрел. Казалось, будто это воскресенье и все в церкви поэтому. Это было так больно.

Снег (Т., 14 лет)

Падают снежинки.
И покрывают грязь города.
Почему вы таете так быстро?

Снег (С. К., 12 лет)

Маленькая птичка
На ветке, покрытой снегом.
Пожалуйста, птичка,
Не будь такой грустной.

Счастье (Р. Т., 13 лет)

Когда умер мой дядя, я стал совсем один. Я не сплю. А если засыпаю, мне снится мой дядя. Утром мы ходили на кладбище. Моя мать плакала. И еще несколько человек тоже. Через неделю все были счастливы.

Люди (Октавиус Вашингтон, 15 лет)

Вчера я был в магазине. И тогда зашел маленький белый мальчик и попросил: «Молока и ниггера». Все люди в магазине посмотрели на него. Я сказал себе: он ошибся, он хотел сказать не ниггер, а хироу (*бутерброд*. — ***Г. Б.***). Но он опять сказал: «Можно мне ниггера?» И посмотрел на меня. Никакого уважения. Никакого уважения.

Люди (Майкл Бенуорд, 13 лет)

Идут люди.
Идут работать.
Деньги, деньги — ха.

Снег (Калвин Д., 14 лет)

Зимой, когда была эта снежная буря, моя бабушка почувствовала себя плохо. Было часов девять вечера. Ну вот мой брат и я пошли в аптеку, чтобы купить лекарств. Когда мы вышли, шёл небольшой снег. Мы прошли пять кварталов до аптеки. Когда мы вошли в аптеку, человек в чёрной куртке и в голубой кепке, которая закрывала его лицо, сунул пистолет в спину брату и сказал: «Мы тут грабим». Их было шестеро. Четверо в коричневых куртках и зелёных шапках, которые закрывали им лица. Тот, который сунул пистолет в спину моему брату, сказал, чтобы мы прошли в заднюю часть магазина. Мы прошли. Там лежал на полу хозяин. Человек с пистолетом взял его деньги и какие-то вещи. Потом они заперли хозяина, меня и моего брата в умывальнике. Хозяин сказал, что теперь надо ждать, пока кто-нибудь придет в магазин и откроет дверь. Минут через пятнадцать кто-то пришёл. Тогда хозяин позвонил в полицию.

Приехала полиция, И они задавали нам вопросы. Потом моя мама и тетя забрали нас домой. Когда мы пришли домой, они спросили нас, что случилось и боялись ли мы. Мы ответили им — да. Это правда всё было.

Люди (Г. П., 26 лет)

Как известно, в Нью-Йорке более двух тысяч преступников. Кроме того, в городе Нью-Йорке более двух тысяч полицейских, и всяких. Ну а теперь предположим, что в Нью-Йорке нет преступлений и не

надо ловить преступников. Вы можете себе представить — сколько народу сразу окажется без работы? Давайте перечислим должности, которые пришлось бы отменить: 1) полицейский (в форме); 2) полицейский (в штатском); 3) сыщики; 4) рабочие, которые строят судебные здания; 5). судьи; 6) адвокаты; 7) стенографисты; 8) охрана в судах; 9). секретари; 10) сторожа; 11) охрана в тюрьме; 12) директора домов для малолетних преступников и многие другие должности.

Теперь я спрашиваю вас — разве преступники не обеспечивают работой тысячи людей? Поэтому я считаю, что к преступникам нужно относиться соответственно их успехам.

Жизнь (Т. В., 8 лет)

Я родился в Бруклине, в больнице Гринпойнт. Когда я был маленький, мама взяла меня в больницу. Мне сделали уколы. Когда я начал ходить в школу, я любил вставать рано утром. Сперва мы жили в 341. Это было очень хорошее место. У меня было много друзей. В 341 все знали друг друга. Там было много восстаний. Один раз два человека дрались. И одному воткнули в живот нож. Сейчас всё хорошо.

Жизнь (Чарльз Б., 16 лет)

Я живу в квартале, который очень плохой. Тут курят наркотики. В моём доме дерутся и стреляют и убивают. Мужчина изнасиловал женщину на крыше и убил её. А другой украл телевизор и приёмник и 500 000 долларов наличными. Коп гнался за ними. Три раза он выстрелил в воздух, а потом сказал: «Стойте! Именем закона!» — и выстрелил человеку в руку. Но они убежали.

Два человека украли мебель с грузовика. И убежали. Мальчик упал с крыши и умер. И мама его плакала, потому что он не слушал её, когда она говорила: «Не запускай своего змея с крыши». Но он не слушал её.

Жизнь (Клаудиа С, 14 лет)

Каждый раз, когда я выхожу на улицу, чтобы купить что-нибудь поесть, и потом возвращаюсь, всегда кто-нибудь кого-нибудь убивает…

Доброта (Хуан Ф., 16 лет)

Как насчёт людей во дворце, которые носят шикарную одежду? Они едят и пьют рома столько, что не могут двигаться. И тогда рабы снова подают еду и ром. Большой оркестр играет сладкую музыку. Я вижу человека, который бросает доллары в воздух, будто ему всё равно, что он теряет деньги.

Ну, а кроме них, много людей без дома, голодные, без одежды. Люди, которые должны работать днем и ночью и всё равно денег нет, чтобы поддержать семью. И дети должны работать, чтобы помочь своим родителям и своим младшим братьям. Этим людям нужна помощь, а они её не получают ни от кого.

Деньги (С. М., 15 лет)

Если бы кто-нибудь дал мне на рождество миллион долларов, я достал бы машину с мотором и всё такое. И бензина много, чтобы доехать прямо до луны. И купил бы дом. И чтобы там были печка и кресло, на котором я мог бы отдыхать, когда истрачу все деньги. Потом я купил бы велосипед — самый быстрый на земле. И брату — рубашку, чтобы он не трогал мою. Потом я буду копить, чтобы открыть дело. Деньги крутят весь мир. Люди умирают, а деньги никогда, Если у вас есть в кармане немного денег, значит, вы еще не умерли.

Деньги (Франсиз П., 16 лет)

Если бы у меня был миллион долларов, я купил бы джип-амфибию 1943 года. И купил бы пальто и пару

ботинок, и магазин, и пошёл бы в президенты. Я был бы первым чёрным президентом. И я купил бы себе ДТО (*автомобиль. — **Г. Б.***) 1968 года и купил бы себе дом. И купил бы лошадь для своего сына. И ещё купил бы миллион пачек сигарет.

Мечта (Хосе, 7 лет)

…И ещё сделайте мир,
И пусть Нью-Йорк будет хорошим,
И сделайте ещё мир и чтобы не было
Даже военных игрушек.

Люди (Рэнди Е., 7 лет)

Доктор Мартин Лютер Кинг был великим человеком. Он хотел помочь всем бедным чёрным людям. И он ездил везде, чтобы помочь чёрным людям и белым людям перестать так много убивать друг друга. Когда его убили, я думал, что я заплачу. И мне приснился, сон, будто он был у нас дома и лежал в кровати и в комнате было темно. И я никогда не забуду этого, пока живу. И я думаю, что человек, который его убил, должен быть в тюрьме, И Кинг ещё хотел закончить войну во Вьетнаме после того, как закончит свою другую работу. Я видел его похороны в субботу. И я не знаю, почему чёрные люди и белые люди не могут быть друзьями? Но я видел, что и белые люди и чёрные были на этих похоронах. Но я никогда не забуду этого. Конец.

Ночь (Роберт С., 35 лет)

Ночь — это мой третий страх. А мой первый страх — люди.

Ночь (Майкл Б., 15 лет)

Ночь — это туча. Туча скопилась в нас. Мы живём в темноте.

Утро (Амалия Г., 14 лет)

Когда я просыпаюсь утром — на мне счастливые очки. Я увидела женщину, и она сказала мне, что ее имя мисс Джилберт. Она принесла мороженое и разные вещи, например туфли. И ещё я увидела в небе ангела.

Она помогала мне во всём. Она сказала мне, чтобы я вообразила себе всё, о чем я думаю. Я вообразила много слов, вроде — пирожное, мороженое, пирог и ещё «дети играют в игрушки». Но потом мои очки упали. И когда я их подняла, на них были написаны разные плохие слова. Я увидела, что мисс Джилберт отобрала у меня всё хорошее, ангел превратился в урода, а мороженое растаяло. В туфлях была дырка, а небо стало дымом, и пирог исчез перед самыми моими глазами. Я любила свои счастливые очки.

Жизнь (К, Д., 13 лет)

Когда я был моложе, я очень боялся смерти. Потому что мои друзья и родственники умирали так неожиданно. Теперь я немножко меньше боюсь и немножко больше тоже. Я часто смотрю в зеркало и говорю себе: «Через несколько минут мне останется жить на несколько минут меньше, чем сейчас». Все мне постоянно говорят: «Ты молодой, у тебя все впереди». Так легко говорить. Но я уверен, что никто так не может смотреть на жизнь. Во всяком случае, я не могу.

Часто я сижу дома, делаю уроки и вдруг думаю: «Я так быстро становлюсь старым, что в жизни нет времени сделать что-нибудь».

Люди (Р. С., 16 лет)

Чёрные, мы умираем.
Чёрные, мы плачем.
Чёрный, я плачу.
А белые плачут, если чёрные умирают?
Зачем они убивают меня?
Разве ты и я — преступление?
О да! Теперь я знаю.
Черна наша кожа, и мы хотим свободы.
Да, чёрные ты и я. Они это видят.
Но душу нашу они видят?
Они не видят её ни в тебе, ни во мне.
Но она не умирает.

Утро (Фрэнк Кэмпбелл, 16 лет)

Я иду по 116-й улице в 2 часа утра. Совсем один. Иду и боюсь, что сзади кто-то шагает. Я перехожу улицу — быстрей и быстрей. Около бара стоит толпа подонков. Когда я прохожу мимо, я вижу у одного в руках нож. Потом в автобусе я вижу старика, который медленно опускается на своё место. «Вы устали, сэр?» Он отвечает: «Да, сын, я устал. Работать и жить здесь всю свою жизнь. И отдавать кому-то все свои деньги. Я стар и полумёртв теперь».

Автобус идёт к 125-й улице. Я вижу магазины, магазины, где высасывают наши деньги. Я смотрю вдоль улицы и вижу трущобы. И я говорю себе: «Я что-нибудь сделаю! Я сделаю что-нибудь! Я уничтожу этот ад, пока сам еще не попал в ловушку, как все остальные здесь!»

Жизнь (У. А., 14 лет)

Меня зовут Уильям; Я умер 2000 лет назад. Я хотел жить. И я был слишком маленький, чтобы умирать. Но мне нужно было идти. И я шёл по лесу и упал в открытую могилу. Конец. Спасибо. Счастливой смерти и спокойной ночи.

* * *

«Что будет с этими ребятами и с такими же, как они, по всей Америке? Трагический и логичный вопрос. До нынешнего времени ответ один — НИЧЕГО… Они останутся в западне гетто, в западне системы, которая живет, заткнув пальцами уши…»

Последние слова принадлежат учителю, который собрал детские голоса из гетто.

Глава пятая
МАЙ

«Это правда, брат»

Чтобы увидеть, как начинается один из ручейков марша бедняков, представьте себе пустырь на углу Куинз и Блюхилл в Роксбери — негритянском районе Бостона. Блюхилл — это авеню Голубого холма. Однако голубой цвет здесь отсутствует совершенно, если не считать выцветшего полотнища неба над головой. Всё же остальное — это белая пыль пустыря, чёрно-жёлтая полицейская машина, несколько синих полицейских (некоторые — надо полагать — в штатском), пегий пони, запряженный в зелёный фургончик, бесцветные трухлявые дома с заплатами из желтой фанеры на разбитых окнах и группа людей — человек пятьдесят — участников марша на Вашингтон.

Пони, взятый организаторами марша напрокат у некоего старичка (он тут же, в длинном потрепанном пальто, держит животное под уздцы), — просто символ похода бедняков. Надо бы — мула, но мула, здесь, в Бостоне, не достанешь.

Основной путь участники марша проделают на автобусах. А пеший поход вслед за фургоном — это символическое начало. И вот пятьдесят человек — негров и белых — движутся за фургоном пешком от авеню Голубого холма к центру города.

Сейчас всё мирно и спокойно.

В фургоне разместились две женщины-негритянки и пожилой индеец, приехавший сюда с севера, из штата Мэйн. Он одет вполне современно. И только скуластое лицо, узкие уголки губ, опущенные вниз, и припухшие веки глаз выдают бывшего хозяина американских земель. Его только что расспрашивали корреспонденты — зачем он решил принять участие в марше, чего он добивается. Он отвечал немногословно, но охотно, с достоинством. Цель его проста до наивности — он идет в Вашингтон, «чтобы вернуть молоко индейским детям племени паесмэкоди». Племя это — 1100 человек — живёт в резервации на севере, откуда он, Джордж Фрэнсис, приехал. Он и там пробовал хоть как-то помочь детям своего племени. Но безуспешно. И вот он решил идти в Вашингтон. Может быть, там он найдёт помощь. Корреспонденты записывают его слова. Какой-то фоторепортер спрашивает, нет ли у Френсиса индейского головного убора. Есть. Надо надеть. Фрэнсис послушно надевает, фоторепортёр делает снимок, и Фрэнсис прячет перья в мешок.

Всё мирно и спокойно, сегодня.

* * *

Но уже завтра, когда люди соберутся на том же пустыре, чтобы сесть в автобусы, сегодняшнего спокойствия не будет.

Приедет в машине некий белый человек, одетый в тёмный костюм, белую рубашку с франтоватой и смешно здесь выглядящей бабочкой. Он вылезет из машины и поднимет над головой издевательский плакат. Его несколько раз будут уговаривать уйти. Но он не уйдёт. Он будет юродствовать и потрясать своим плакатом (там есть и такой лозунг: «Лучше боритесь с местными красными»). Его будут терпеть довольно долго. Но наконец побьют. Основательно побьют. Он некоторое время будет лежать на тротуаре, раскинув руки, под фотообъективами репортеров. Потом, немного отдышавшись, встанет и будет позировать перед камерами, показывая кровь на шее и на ладонях.

Цель достигнута. Не его — а тех, кто послал его сюда, кто платит ему за умение провоцировать драку, переносить побои и собственную подлость. Каждый зарабатывает на жизнь и борется с бедностью как может. Этот человек — именно этим путем. Его уже не первый раз видели здесь, в Роксбери. Не так давно он появился на авеню Голубого холма с плакатом «Мартин Лютер Кинг — самый большой обманщик в мире». Эти слова, как известно, принадлежат мистеру Эдгару Гуверу. И сказал их начальник американской охранки в те дни, когда доктору Мартину Лютеру Кингу вручали Нобелевскую премию мира. Вы спросите: откуда может взяться такой человек? Ответ будет на первый взгляд неожиданным, но, по существу, логичным. Он из какой-то эмигрантской организации. Предавший свой народ обязательно предаст и любой другой.

Результат его деятельности — старательные описания в газетах, как участники марша избили белого человека. «Что же это за мирный марш?!»

Из Бостона выходит в Вашингтон не так уж много человек — около ста. Это не из-за того, что здесь мало бедняков. Но побудите сами — что значит для бедняка, у которого на руках и семья и дети, бросить всё и двинуться к далекому Белому дому? Нет, это очень непросто. Вот почему пастор Абернети, преемник Мартина Лютера Кинга, сказал, что организаторы похода стремятся уменьшить число его участников.

Но родник всё-таки взял своё начало. И в пути он будет

пополняться и приобретать силу.

Уже в Нью-Йорк — по пути в Вашингтон — из Массачусетса придёт не сто, а почти двести человек. А на митинге в Центральном парке будет присутствовать тысяча.

Пастор Абернети, небольшого роста, плотный человек, похожий скорее на добродушного отца дружного семейства (а он и является таким), чем на пламенного трибуна, обращается к собравшимся:

— Они сделают всё, чтобы остановить, нас!

— Это правда! Это правда, брат! — вторит ему толпа.

— Они сделают все; чтобы вернуть нас назад!

— Это правда! Это правда, брат!

— Они сделают все, чтобы спровоцировать беспорядки. Но мы пойдем на Вашингтон. Мы будем стоять там до тех пор, пока стены нищеты не начнут расти вниз. И это будет нашим последним мирным маршем, нашей последней мирной попыткой помочь беднякам в нашей самой богатой в мире стране. Если же мирный марш не поможет…

— Это правда! Это правда, брат!

200 пришельцев с севера ночевали в Нью-Йорке, в бывших солдатских казармах. А утром следующего дня они шли вдоль улиц негритянского и испанского Гарлемов — мужчины, женщины, дети — и пели:

Соединись с нами.
Идём к нам.
Помоги нам.
Пройди с нами вместе хоть немного.
Пройди с рами квартал.
Хоть полквартала пройди с нами!..

Люди сходят с тротуара. Идут по мостовой — квартал, два. Но некоторые дойдут до Вашингтона.

Из Нью-Йорка вышло уже не 200 человек, а 800. Восемьсот очень разных людей. И старики и молодёжь. Женщины с детьми в колясках, и с детьми на руках, и с ребятами, цепляющимися за платье.

Это очень непросто — марш на Вашингтон. Ведь марш — не только автобусы. Отсчитано пять миль пешком в Бостоне, ещё пять в Провиденсе, десять — в громадном Нью-Йорке, четыре — в Ньюарке, ещё четыре в Трентоне. Это немало — особенно для старых ног. И особенно для людей, которым некуда будет вернуться после марша, чтобы отдохнуть.

И все же они двигаются. И когда, покидая автобусы, идут по

улицам очередного города, поют: «Я никому не позволю повернуть меня назад». Все поют. И ещё кричат: «Мы будем ходить по улицам Вашингтона, пока не получим, чего хотим и в чём нуждаемся, или пока не развалятся стены Капитолия». Это не стихи. Но они кричат эти слова хором. И после каждой фразы повторяют своё:

— Это правда! Это правда, брат!

В Елизабетвиле полиция отказалась сопровождать караван и показывать ему дорогу. Более того, полиция заявила, что караван должен двигаться по улицам, соблюдая полицейские правила и останавливаюсь на красный свет светофора. Уловка была очень простой, но могла стать вполне эффективной. Во-первых, водители не знали дороги. Во-вторых, остановки на красный свет означали, что через полчаса караван будет разбит на части, они будут отрезаны друг от друга и собрать их будет почти невозможно, караван развалится. Полицию долго убеждали, что так делать нельзя, это противозаконно. Полиция стояла на своём. Тогда организаторы каравана, посовещавшись, приняли тоже очень простое, но, как оказалось, очень эффективное решение — плюнуть на полицию, плюнуть на светофоры, регулировать движение своими силами. Так проследовали они через Елизабетвиль. Полиция не решилась пойти на открытый конфликт.

* * *

Тринадцатого они шли по Трентону. Шли не только по бедняцким районам. Шли по районам буржуазным.

Иди к нам.
Пройди с нами квартал.
Хоть полквартала пройди с нами!
Мы боремся не только за себя.
Но за всех.
Ты можешь помочь нам.
И ты можешь помочь себе тоже.

И снова:

— Это правда! Это правда, брат!

На них смотрели из окон. Переговаривались. Перешептывались. Но никто не двинулся с места.

А в Бостоне я слышал, как Абернети говорил: «Доктор Кинг превратил проблемы бедных в проблемы всего народа».

Роберт Террел, корреспондент из «Нью-Йорк пост», забежал на минуту в какое-то кафе, чтобы позвонить по телефону в редакцию. Не заметив его, за столиком продолжали разговор двое белых посетителей: «Ты посмотри на этих мау-мау[2]. Ты только взгляни на них. Пусть убираются обратно в Африку! А вон, смотри, и белая сука с ними! Обрить бы их всех наголо да вон из города!»

— Белые и чёрные вместе! Белые и чёрные вместе! — пели в это время люди, шедшие по улице.

Их уж не двести. И не тысяча. В северо-восточном караване уже около двух тысяч человек. Это уже не родник, не ручей. Это уже поток.

Координатор северо-восточного каравана — священник Джеймс Орандж. Это человек почти двухметрового роста. Вес и голос у него соответствующие.

— Если мы не добьемся в Вашингтоне чего хотим, мы пойдем к ООН, — кричит он, и мощный голос его слышен всем. — А после ООН мы пойдём на Уоллстрит и прихлопнем его!

— Это правда! Это правда, брат!

— Они говорят, будто мы ведем расистскую кампанию. Но мы ведем кампанию для всех бедных людей — чёрных, белых, мексиканцев, пуэрториканцев, индейцев. Все бедные, независимо от цвета кожи или расы, должны идти с нами. И мы их приветствуем!

— Это правда! Это правда, брат!

По-английски рефрен каравана звучит так: «That’s true! That’s true, brother!» Будто четыре глухих медленных удара в большой барабан и два быстрых удара — в малый. Чуть синкопированный ритм этой фразы стал ритмом каравана.

Сегодня, 14 мая, они пришли в Филадельфию. В пятницу будут в Вашингтоне.

Там уже поблескивают на солнце лезвия штыков.

— Это правда! Это правда, брат!

И вот — Вашингтон. Палаточный «Город воскрешения» между памятниками Линкольну и Джорджу Вашингтону заселяется мечтателями.

Репортёр наклоняется к старику, сидящему возле палатки:

— Откуда пришел, старик?

— Тот качает головой:

— Я здесь, чтобы разговаривать с Линдоном Джонсоном, а не с тобой. Мне нельзя терять время.

В этих словах кусочек веры, мечты: стоит договориться с президентом — и не станет голода и нищеты. Но это и ирония над самим собой. И настороженное отношение к прессе.

Некоторые газеты здесь пишут, что люди, пришедшие в Вашингтон, уже хотят уходить домой. Что у организаторов похода бедноты уже нет денег, а платить предстоит ещё за очень многое. Действительно, денег не хватает. Ох как не хватает. Но насчёт того, чтобы уходить? Пока ещё — нет.

Вчера в «Городе воскрешения» был митинг, в котором участвовало несколько сот его первых поселенцев.

— Все, кто хочет возвращаться домой, поднимите руки, — попросил председатель.

Только одна рука поднялась над головами собравшихся.

— Мы едины?

— Да, мы едины!

Трудно движутся караваны, но движутся.

На бостонском процессе

Для того чтобы попасть на двенадцатый этаж здания Федерального суда в Бостоне, где открылся процесс над доктором Бенджамином Споком и его четырьмя друзьями, надо пройти мимо доски объявлений с надписью: «Разыскиваются…» И под этим словом — фотографии преступников: фас, профиль. Ограбление банка. Огрубление почты. Похищение ребенка. Убийство. Ещё убийство… И в самом центре — человек с закрытыми глазами, в вечернем, костюме при бабочке. «Разыскивается за убийство доктора Мартина Лютера Кинга».

Расправа над Кингом была подготовлена и проведена людьми опытными и, несомненно, высокопрофессиональными.

Расправа над Споком ведётся тоже на высокопрофессиональном уровне. Это почувствовалось даже в день открытия суда. Назначались судебные заседатели. Для этого в зал суда вызвали около ста кандидатов. Из них судебный клерк произвольно назвал 12 человек, которые заняли свои места по правую руку от судьи. Защита и обвинение имели право отвести от состава заседателей по 10 человек (вместо них судебный клерк вызывал новых). Кого же отвело обвинение? Среди заседателей был единственный негр. Представители правительства США потребовали, чтоб его удалили. И негр был удалён. Среди заседателей было три молодых человека (не старше 25 лет). Представители правительства трезво расценили, что молодые люди, которых непосредственно касается вопрос о призыве в армию и участии в войне, могут разделять взгляды доктора Спока. Молодые люди один за другим были удалены из состава заседателей по требованию обвинения. Только одно кресло для заседателей заняла женщина. Но по требованию представителей

правительства ей пришлось покинуть зал. Клерк случайно назвал в числе запасных заседателей еще одну женщину, но и она немедленно была исключена. И это тоже «весьма профессионально» со стороны представителей правительства, потому что женщина, особенно если она мать, вероятнее всего, испытывает уважение и благодарность к доктору Споку. Итак, в числе заседателей, которые должны, по идее, представлять американское общественное мнение, — ни одного негра, ни одного молодого человека, ни одной женщины.

* * *

Каждый раз, когда клерк объявлял об очередном отводе из состава заседателей по требованию обвинения, в зале поднимался саркастический смех, и служители спешили водворить тишину.

Судебные заседатели сидят двумя рядами по 6 человек.

Я, конечно, не знаю их имен. Не знаю профессий. Условно, для себя, каждому дал имя. Вот тот, № 12 (каждый имеет порядковый номер от 1 до 12, и за каждым закреплено одно определенное место), что сидит слева во втором ряду с видом человека, недовольного тем, что его оторвали от важных дел, получил кличку «Клерк». Ниже сидит заседатель № 6. Это грузный парень лет тридцати с бархатным бобриком чёрных волос. Он значится у меня в блокноте как «Борец». Рядом с ним пожилой лысый дядя с серым лицом. Руки положил на спинку кресла перед собой, как на баранку руля. «Таксист». Список можно продолжить. Он у меня полный.

Хотелось бы с ними поговорить. Но это строжайше запрещено. Даже между собой они не вольны обсуждать ход процесса. Им запрещено чтение газет. В номерах гостиницы, где их поселили, перед ними выключают телевизионный приёмник, если идёт передача, касающаяся процесса. То же самое с радио.

Прежде чем занять кресло заседателя, каждый ответил на три вопроса судьи: «Знали ли вы раньше о существе дела?», «Знали ли вы лично кого-нибудь из обвиняемых?», «Есть ли у вас сложившееся мнение о виновности или невиновности обвиняемых?» И, получив на все вопросы отрицательное покачивание головой, судья привычно заключал: «Заседатель представляется мне индифферентным». Только после этого заседатель имел право сесть на Отведенное ему кресло.

Я понимаю, что фраза эта — судебный стереотип, её произносили ещё в прошлом и в позапрошлом веке.

Но как кощунственно звучит она сегодня, на этом бостонском

процессе!

Индифферентный — значит беспристрастный. Но здесь, в деле, в контексте сегодняшнего процесса, когда речь идет о судьбе страны, — это значит равнодушный.

Доктор Спок, его друзья, его сторонники, борясь против преступной войны, преследовали одну реальную цель, которой они могли достигнуть, — уменьшить раковую опухоль равнодушия, смертельно опасную для духа народа. Именно этому была посвящена, на мой взгляд, вся деятельность тех, кто начинал.

Горькая ирония политической борьбы состоит в том, что решать вопрос о виновности доктора Спока и его друзей должны по закону только «равнодушные» люди — и никто больше.

Я смотрю на «Клерка», на «Борца», на «Таксиста», на других. Мне хочется верить, что среди них нет равнодушных.

Но, к сожалению, я не могу этого проверить — с заседателями не разрешено беседовать.

* * *

Над длинным судейским столом висит огромная, стилизованная под старинную карта Соединенных Штатов. И на ней выведены слова: «Справедливость — гарантия свободы». На этой карте нет Вьетнама, но она достаточно большая, чтобы на ней уместились не только территория Соединенных Штатов, но и Мексика, и Гватемала, и Доминиканская Республика, и Куба. И одни эти названия сразу воскрешают в памяти агрессию, захват, подавление — всё, что позволял или позволяет наглый сосед по отношению к этим государствам.

И когда смотришь на эти кусочки карты, то слова о том, что «справедливость — гарантия свободы», звучат в. этом зале горькой иронией.

На этой карте, висящей в зале суда, нет Вьетнама хотя именно об этой войне пойдет речь на процессе. Неважно, что судья Форд уже давно объявил о своём решении — не обсуждать на суде вопрос о законности войны во Вьетнаме. Всё равно суд — какое бы решение ни приняли в будущем с таким тщанием отобранные присяжные заседатели — будет обвинением против США.

Много иронических совпадений на этом процессе. И портрет убийцы Кинга на первом этаже. И эта карта над головой судьи. И даже сам факт, что суд происходит в Бостоне, в городе, где когда-то началась борьба Америки за свободу, за независимость, против

иностранного владычества.

…Вместе с моим другом Сергеем Лосевым, корреспондентом ТАСС, мы разыскивали места, где произошло знаменитое «Бостонское чаепитие», начавшее войну Америки за своё освобождение от английского колониализма. Один из прохожих, к которому мы обратились, сказал решительно:

— Бостонское чаепитие? Это не в нашем, это в другом Бостоне.

Другой смущённо почесал за ухом:

— Бостонское чаепитие? Да, да, что-то где-то было. Но что и где — забыл.

И лишь третий знал об этом, славном событии и о месте, где оно произошло.

— Только самого этого места, теперь не увидите, — сказал он. — Там, кажется, теперь отель.

…Доктор Спок ничуть не изменился с тех пор, как я видел его в последний раз. Загорелый, весёлый, бодрый. Во время нашего разговора, в перерыве, ему передали телеграмму, пришедшую в адрес суда.

— Это из Англии, — сказал он, прочтя. — Желают удачи.

Его обступили женщины. Среди них были и журналистки. Но они не задавали «заговорщику» вопросов о процессе. Они рассказывали о своих детях. Вспоминали какие-то смешные случаи. Даже просили советов. Ему, видно, была очень приятна эта беседа. Он с удовольствием слушал, с удовольствием отвечал, смеялся.

А в отдалении стояли одиноко три мрачных представителя обвинения. И кто-то рядом сказал о них без улыбки:

— Заговорщики.

Мне видна лишь его седая голова, воротник белой рубашки, перевёрнутый восклицательный знак галстука в декольте чёрной мантии. Иногда видны ещё два кулака, которые судья время от времени подносит к своему лицу и задумчиво постукивает ими у подбородка. Рот при этом держится открытым. Иногда мизинец крепко цепляет угол открытого рта, тянет вниз.

Недавно сотрудник газеты «Крисчен сайенс монитор», побывавший во многих американских судах, писал, что судьи во время слушания дела обычно мирно спят или читают газеты.

Судья Форд, несмотря на свои 85 лет, не спит за столом. Он в непрерывном движении. Мелко-мелко перебирая ногами, катает огромное своё кожаное судейское кресло на колёсиках вдоль стола и сам катается. То влево поедет — поближе к присяжным, то вправо — к двери, ведущей в его комнату отдыха.

Возраст проявляется, пожалуй, только в одном. Вот уже

четвёртый день суда он всё не запомнит имён и фамилий людей, которых судит. «Кто-кто? Какой ещё Фербер?» Или: «Вон тот парень… ну обвиняемый… чёрт, не помню фамилии».

Но меня это не волнует. В конце концов процесс предстоит длинный — запомнит. Но вот помнит ли восьмидесятипятилетний судья совсем недавние уроки истории?

Был Нюрнбергский процесс. Его решения подписаны представителями великих держав, в том числе США. Смысл решений состоит в том, что гражданин не имеет права подчиняться законам своей страны, следовать приказам своего правительства, если эти законы и приказы бесчеловечны, если они идут против элементарных понятий человеческой совести.

Был другой Нюрнбергский процесс, на котором судили германских юристов, судей, прокуроров. И там снова еще более остро стояла и решалась проблема — фашистский закон и человеческая совесть.

Был фильм кинорежиссера Стэнли Крамера, соотечественника судьи Форда, фильм тоже назывался «Нюрнбергский процесс».

Можно предположить, что судья Форд знает о всех трех Нюрнбергских процессах, по крайней мере о Первых двух. Но ведь тогда он должен понимать: оба процесса, фильм, сама проблема — это ведь всё и о нём, о нынешнем бостонском процессе. Я смотрю на него, вглядываюсь в лицо (кстати, хорошее лицо, сильное, чем-то даже похож судья на Спенсера Трейси). Следы волнения? Ну не могут же, черт возьми, не волновать его те проблемы, которые волновали хотя бы Трейси, когда тот снимался в фильме «Нюрнбергский процесс».

Катается судья в своём кресле. Стучит кулачками. Тянет мизинцем рот вниз.

Всё очень просто по законам человеческой логики: американская агрессия во Вьетнаме — бесчеловечна и незаконна. Незаконна даже с точки зрения законов США (не объявлена конгрессом). Значит, гражданин США обязан выступать против этой войны. Но судят в Бостоне не тех, кто убивает, а тех, кто против убийства.

Судья Форд безо всякого обсуждения отказался рассматривать на бостонском процессе вопрос о том, законна или незаконна война США против Вьетнама. Но ведь это главное в понимании позиции детского врача Спока, священника Коффина, историка Раскина, писателя Гудмэна…

Не может судья. Форд не помнить уроков истории. Не может. Но делает из них совсем не те выводы, к которым его звали Спенсер Трейси и Стэнли Крамер. Не те выводы, к которым его

обязывают решения Международного трибунала. В Америке я уже не первый раз встречаюсь с таким отношением к Нюрнбергу. Как-то меня познакомили с судьей из Лос-Анджелеса. Знакомивший шепнул: «Будущий член Верховного суда». Разговор зашёл о Нюрнбергском процессе.

— Нюрнбергский процесс незаконен, — сказал судья.

— Как так? — спросил я, ожидая продолжения-шутки.

Но будущий член Верховного суда и не думал шутить.

— Незаконен. Нет таких международных законов, которые были бы нарушены фашистами.

— Они нарушили договоры и развязали мировую войну.

— Нет международного закона, который запрещал бы нарушать договоры и развязывать войну.

— Фашисты погубили десятки миллионов людей. Только в моей стране погибло двадцать миллионов человек.

— Нет такого закона, в котором сказано, что Германия не могла уничтожить в вашей стране двадцать миллионов человек.

— Они проводили геноцид.

— Покажете мне закон, в котором сказано, что фашисты не имели права убить шесть миллионов евреев.

Я не называю его имени не потому, что боюсь приобрести врага в лице возможного члена Верховного суда США. Просто я пишу эти слова в Бостоне, в зале суда, а визитная карточка моего знакомого — в Нью-Йорке.

Примечание. Доктор Спок был приговорён к пяти годам тюремного заключения.

Окружного судью 9-го округа Калифорнии зовут Стэнли Варнс.

День поминовения

В среду вечером но Риверсайд-Драйв ходили полицейские в чёрных клеенчатых плащах и привязывали бечевками к фонарным столбам розовые картонные объявления: «Стоянки нет. Четверговый парад».

Парад в честь Дня поминовения. За два с лишним года в США я наблюдаю его уже в третий раз.

Вначале мультипликационной походкой движутся большие дяди в мохнатых нейлоновых (бывших медвежьих) шапках и выдувают на волынках пронзительную мелодию. За ними — девицы в коротких желтых юбчонках, в высоченных гусарских киверах, вдоль и поперёк обшитых блестящей мишурой. Они ритмично подбрасывают вверх длинные ноги и тамбурмажорские палки. Блестящие жезлы выписывают в воздухе замысловатые

фигуры и гоняют по стенам домов стремительных солнечных зайчиков.

Потом старательные молодцы в ярко-синих цирковых костюмах с блестками, выпучив глаза и раздув красные щеки, извлекают из труб, тромбонов, корнет-а-пистонов, валторн, басов лихие фокс-марши (в том числе веселенький фокс-марш на мотив адажио из балета «Лебединое озеро»).

Затем снова девицы, снова нейлонно-медвежьи шапки, моряки, полицейские, солдаты, валторны, жезлы, барабаны…

День поминовения американцы установили столетие назад, «дабы украшать цветами или еще чем-нибудь могилы товарищей, которые погибли, защищая свою родину во время последнего мятежа, и чьи тела сейчас лежат почти в каждом церковном дворе». «Военные оркестры, — гласил указ об установлении Дня поминовения, — в этот день играют похоронную мелодию „Прошедшие дни“».

Всё это я вспоминаю, глядя на «четверговый» парад.

Я давно уже не удивляюсь веселеньким мотивчикам в День поминовения. Привык и к тому, что тощий риверсайдовский парад собирает на своём пути очень немногих зрителей. Могу предсказать, что перед концом шествия над Гудзоном покажется серебряная игла самолета и вышьет по туго натянутому полотнищу неба белую пушистую рекламу «Пепси-кола».

— Вы слышали, Мэри, предсказывают шестьсот пятьдесят убитых в этот уик-энд.

Это говорит женщина, стоящая впереди меня (три жирных пуделька на трёх походках с бубенчиками), своей соседке (один пуделёк в красной попоне, с ошейником, украшенным фальшивыми, я надеюсь, бриллиантами). Женщины говорят мяукающими голосами.

— В самом деле? Как интересно! А сколько было в прошлом году?

— Пятьсот сорок два. Я помню точно, потому что Майкл тогда выиграл на этом пятьдесят долларов у Юджина.

— О! Разве это не обворожительно?

— Да, Юджин предсказал только пятьсот. А Майкл пятьсот пятьдесят и оказался ближе.

— Он так умён, твой Майкл! Он подарил тебе что-нибудь тогда?

— На пятьдесят баков? Что за подарок!

— Да, да, верно. А теперь он заключил пари? Разве не очаровательно будет, если он снова выиграет?

— Юджин держит в секрете такие вещи — чтобы не сглазить. Крошка, не грызи поводок (это — пуделёчку).

— Мы, пожалуй, никуда не поедем на этот уик-энд.

— Почему?

— Столько пьяных! Вдруг мы попадём в число этих шестисот пятидесяти.

— Ах, бедняжка (это — снова пуделечку), ну потерпи ещё немножко. Кончат же они наконец свой идиотский парад!

Пуделечки — все четверо — легонько повизгивают. Они с нетерпением ждут окончания парада поминовения, чтобы вместе с хозяйками перебежать улицу, к деревьям, и облегчить там свои пуделиные страдания.

Повторяю — я привык к такому «поминовению». И даже пуделиный разговор меня не удивляет. Каким ещё может быть официальный парад поминовения в Нью-Йорке 30 мая 1968 года?

* * *

Десятки тысяч человек на огромной поляне Центрального парка в Нью-Йорке стоят, тесно прижавшись друг к дружке. Впереди несколько тысяч людей сидят на земле. Земля сыроватая. День пасмурный — утром прошёл дождь, — но тёплый, и дома-скалы, о которые разбиваются зелёные волны Центрального парка, окутаны вязким синеватым воздухом. Земля застлана газетами или одеялами. В нескольких десятках метров от переднего ряда сидящих людей — трибуна с микрофонами и помост. Оттуда говорят ораторы. Оттуда доносятся звуки гитары и голос Пита Сигера.

Это митинг ньюйоркцев против войны во Вьетнаме. Это тоже День поминовения.

Неожиданно в разгар митинга громкоговорители, подвешенные к стреле большого ярко-красного подъёмного крана, перестают работать. Голоса с трибуны еле слышны, да и то только тем, кто впереди.

Среди сидящих поднимается тощая, длинная старуха в больших жёлтых очках на носу, одетая в старенькое трикотажное платье. Она вытягивает длинную жилистую шею в сторону трибуны и прикладывает ладонь к уху. Так ей лучше видно и слышно. Сзади шепчут: «Сядте, мэм!» Она продолжает стоять. «Сядьте, мэм!» — вразнобой кричат сразу человек сто. Безрезультатно. «Сядьте, мэм!» — дружно скандируют человек триста. Старуха оборачивается и Спокойно заявляет, что закона насчет того, чтобы обязательно сидеть, нет. А если им плохо видно, то пусть сами поднимаются на ноги. «Сядьте, мэм!» — весело кричат уже все сидящие. К старухе подходит один

распорядитель с нарукавной повязкой — пытается уговорить. Безуспешно. Второй распорядитель. Третий. Никакого впечатления. Она складывает руки шэд впалой грудью и не двигается с места. Более того, она обвиняет распорядителей в том, что они мешают ей слушать песню Пита Сигера. Ей предлагают выйти из толпы и встать около загородки поближе к трибуне. Но она неподвижно стоит со скрещенными руками, как некий усохший монумент независимости.

Поведение отчаянной старухи начинает нравиться толпе. Раздаются весёлые аплодисменты и смех. Старуха замечает дружеское расположение к себе. Оборачивается к аплодирующим, торжествующе улыбается тонкими губами и поднимает над головой два пальца — буква «V» — знак Виктории — победы. Толпа восторженно орёт, смеётся, аплодирует и свистит. Самостоятельность старухи оценена положительно. Тут неподалёку встаёт сухонький старикан и мягко говорит: «Пойдёмте, мэм, оттуда действительно будет лучше видно и слышно», — он показывает в сторону загородки. Старуха несколько секунд смотрит на него подозрительно сквозь жёлтые стекла очков. Потом неожиданно кивает и с независимым видом начинает пробираться к загородке, высоко поднимая над головами сидящих сухие тонкие ноги, обутые, как ни странно, в баскетбольные кеды. Толпа поёт «Мы преодолеем» и шлёт уходящей старухе воздушные поцелуи.

Возле загородки я слышу, как старикан вежливо справляется: «Как вы думаете, мэм, не саботаж ли это? Может, быть, кто-нибудь нарочно перерезал провода?» «Конечно, саботаж», — решительно соглашается старуха и вдруг запальчиво кричит пронзительным, со скрипом голосом: «Эй, эй, Эл-Би-Джей! (то есть Линдон Б. Джонсон). Сколько сегодня убил ты детей?» И будто кто-то испугался этого неожиданного крика: громкоговорители вдруг заработали.

Толпа — в восторге.

В 1966. году в Центральном парке Манхэттена тоже собирались люди на митинг против войны во Вьетнаме.

Что же изменилось в людях за два года?

Ну, во-первых, их стало гораздо больше. Два года назад полиция насчитала 22 тысячи участников антивоенной демонстрации на Пятой авеню. В этом году корреспонденты «Нью-Йорк таймс», снабженные специальными счетчиками, «оценили» демонстрацию в 87 тысяч человек. О точности этой цифры можно спорить. Сами участники считают, что их было от 100 до 150 тысяч. Однако, если даже согласиться с бесспорным минимумом — 87 тысяч, то и это в 4 раза больше, чем в 1966

году.

Но дело не только в количестве.

Мне кажется, того веселого эпизода, о котором я рассказал, не могло быть два года назад. Тогда в настроении этих людей преобладал мотив жертвенности. Теперь к ним пришло ощущение силы. Нет, это вовсе не из-за того, что выступать против войны стало менее опасно. Нет, пятилетнее заключение, к которому приговорён доктор Спок, тюрьма и каторга Дэйвиду Митчеллу, Денису Мора и многим другим борцам против позора Америки свидетельствуют об обратном.

Ощущение силы пришло не потому, что власти стали «мягче». Оно появилось потому, что достигнуто, пожалуй, главное — в значительной мере разбужена и становится материальной силой совесть Америки.

Помню, два года назад я шел по Пятой авеню, останавливался через каждые несколько десятков шагов и обращался к людям, стоявшим за полицейскими перилами, отделявшими демонстрантов от зрителей, с вопросом — что они, зрители, думают о войне во Вьетнаме, о демонстрации. Меня тогда поразило, что многие вовсе не могли ответить на этот вопрос. Просто потому, что он их тогда не волновал. Они не считали нужным определить в нем свою позицию. Им было безразлично.

Я и на этот раз прошёл вдоль полицейских перил. На этот раз зрителей было меньше. Может быть, из-за того, что больше стало участников. Я опросил около 70 человек. Только 7 из них сказали, что они поддерживают войну во Вьетнаме. Но это не главное. Главное, что я не встретил ни одного человека, которому война во Вьетнаме была бы безразлична.

А ведь в 1966 году участников демонстрации, по их словам, страшили больше всего не сторонники войны, а равнодушные.

Конечно, совесть Америки разбужена и расшевелена прежде всего патриотами Вьетнама, их мужеством, их поразительной стойкостью. Что греха таить, не думаю я, что совесть американца заговорила бы столь громко, как сейчас, если бы Пентагон смог добиться во Вьетнаме блицпобеды. Но те, кто стоял молчаливо и одиноко два года назад на Таймс-сквер с плакатами «Прекратите позорную войну!», оказывается, сделали удивительно много.

Глава шестая
ИЮНЬ

Плюс один

Телевизионный ящик бросает меня из конца в конец американского континента, преодолевая трехчасовую разницу во времени и расстояние в пять тысяч миль со скоростью нажатия кнопки. Круглосуточное метание в машине времени началось после телефонного звонка из Лос-Анджелеса, утром 5 июня.

— Стреляли в Кеннеди! Только что стреляли в Кеннеди! Чёрт знает что такое! Подумай! Как это могло случиться! Снова!..

Звонил мой друг Дмитрий Темкин, американский композитор.

Лос-Анджелес, отель «Амбассадор». Растерянный репортёр, запутавшийся в шнуре микрофона. Кровь. Тёмные влажные дорожки парка у Белого дома, президент уже знает. В «Городе воскрешения» пока всё спокойно. Нью-Йорк. Комментаторы повторяют текст телеграмм, поправляют наспех повязанные галстуки. Носилки у госпиталя. «Посмотрите еще раз, как это случилось»… Плачущие лица. Утро. Выступает президент Джонсон. Жена Роберта Кеннеди. «Смотрите снова, как это случилось». Жаклин Кеннеди в Нью-Йорке. В Гарлеме тихо. Фотография того, кто стрелял, выпущенная полицией. «Посмотрите ещё раз, как это случилось». Операция окончена. «Посмотрите снова, как это случилось». Никаких улучшений. Прохожие на Таймс-сквере: «Этому невозможно поверить! Как это могло случиться снова?!» Лос-Анджелес, объявление о смерти: «Ему было 42 года». «Посмотрите еще раз, как это случилось…»

Уже давно репортёр распутал шнур от микрофона, уже давно комментаторы на центральных студиях справились с галстуками — профессионализм торжествует, репортажи о покушении и смерти идут без заминки. Сведения, сопоставления, мнения экспертов. На Эй-би-си кто-то крутит в руках череп, показывает пальцем, куда попала пуля.

Вот место, где лежал раненый сенатор в бальной комнате отеля «Амбассадор». Оно отмечено меловым крестиком. Простой, понятный и привычный крестик — как знак «плюс» на школьной доске.

Плюс один.

Я видел точно такой же крестик на балконе мотеля в Мемфисе. Тогда знаком плюс было обозначено место, где лежал

доктор Мартин Лютер Кинг. Телевизионный комментатор водил и к окну, откуда стреляли в Кинга. И через оптический прицел я видел, как некто подходил к поручням балкона и облокачивался на них точно так, как Кинг. И в этот момент лицо человека было пересечено крестом винтовочного телескопа. Плюс ещё один.

А до этого я смотрел на площадь Далласа из окна здания бумажного склада, через тонкий плюс оптического прицела. И кто-то там внизу имитировал президента Кеннеди в движущейся машине. А какая-то женщина сидела рядом, изображая Жаклин Кеннеди.

Ещё благодаря телевидению я целился с башни университета в Остине во все сорок девять мест на университетской площади, где студентом по имени Чарльз Уитмэн были убиты или ранены люди.

И каждый раз, рассказывая об очередном убийстве, репортеры телевидения выходили на улицы, останавливали прохожих и просили прокомментировать событие, ответить на вопрос: «Как это могло случиться?»

— Этому невозможно поверить! — слышал я ответы прохожих и по поводу убийства в Далласе, и по поводу расстрела в Остине, и в связи с выстрелом в Мемфисе. И вот теперь, после Лос-Анджелеса, слышу то же: «Этому невозможно поверить!» Фраза стала уже привычным стереотипом. И давно не выражает своего буквального смысла, хотя и произносится искренне, часто сквозь слезы. Верят прохожие. Сразу верят. Привыкли к убийствам.

Они не только верят, что выстрел был, но даже знают, что последует за выстрелом. Знают, что президент выступит с заявлением. Знают, что будет объявлен день молебствий, знают, что Уолтер Кронкайт, корреспондент Си-би-эс, за сутки приготовит отличного качества 60-минутный телеочерк о жизни убитого. Знают, что первые несколько часов после трагедии телевизионные компании будут стесняться прерывать свой передачи коммерческими рекламами и развеселыми шоу, но потом на экран снова по-хозяйски ворвется реклама таблеток от несварения желудка, средства от пота, эластичных дамских панталон и — пошло!.. Знают они также, что несколько дней после убийства телекомментаторы будут вести передачи на тему «Чем вызваны акты насилия».

И этот же вопрос — об актах насилия — будут обсуждать сенаторы, президент, архиепископы, журналисты и телекомментаторы. Некоторые будут стараться доказать, что все хорошо, всё в порядке. Американское общество здорово, как никогда, а случайная трагедия, как бы тяжела она ни была, не может доказать обратное.

Архиепископ Кук будет служить мессу в соборе святого Патрика и призывать к искоренению ненависти в сердцах людей. В том самом соборе, где покойный кардинал Спеллман призывал к насилию, благословлял американских солдат на убийства и зверства во Вьетнаме.

Президент назначит высокую комиссию по изучению «причин насилий». А через несколько минут после, известия о создании такой комиссии радио передаст сообщение правительства о том, что за неделю во Вьетнаме американцы убили более трёх тысяч коммунистов.

«Нас многие называют больным обществом. Особенно часто нас называют так за границей. Там нам особенно трудно доказывать обратное», — говорит корреспондент телевидения. С камерой он идет по Таймс-скверу и останавливает прохожих: «Считаете ли вы наше общество больным?»

«Да, мы живём в больной стране. Что делать — не знаю. У меня нет решения».

«Надо менять всю жизнь. Нужен хороший президент. Но вы видите — хороших людей убивают».

«Мы живём ненавистью, у меня нет никакого уважения к моей стране».

«Мы низменное общество. У нас нет моральных ценностей».

«Дело не в том, что убили Кеннеди. Я голосовал за Джонсона. Он обещал прекратить войну во Вьетнаме. Через три месяца после выборов он сделал то, что предлагает Голдуотер. И теперь судит доктора Спока — а ведь он требует того, что обещал когда-то Джонсон. В нас убивают веру. Это похуже. Что делать? То, что делает доктор Спок».

Я привёл ответы только одного характера. Но таких было много — не меньше половины.

Две недели назад сенатор Кеннеди, беседуя с французским журналистом, сказал: «На меня рано или поздно будет совершено покушение. Не по политическим соображениям. Просто — такова обстановка».

Он говорил как-то и о том, что убийство бывает не только мгновенным — когда достаточно нажать курок, Убийство бывает затяжным и малозаметным. Убийство нищетой, голодом, трущобами, темнотой неграмотности, равнодушием, наконец…

Для его собственной гибели оказалось достаточно нажатия курка.

Многие гибнут медленнее и мучительнее.

После убийства Джона Кеннеди некоторые в США говорили: «Такое возможно только в Далласе». После гибели Мартина Лютера Кинга раздавались голоса: «Такое — только на Юге».

После Лос-Анджелеса я уже не слышал слов: «Такое — только в Калифорнии».

* * *

У этого убийства не было начала и нет конца, хотя все отхронометрировано точно. Известно, что пули вошли в голову и плечо сенатора Кеннеди в 0 часов 15 минут (время Тихоокеанского побережья США) 5 июня 1968 года, скончался он, не приходя в сознание, в 4.00 6 июня, гроб с телом был опущен на землю Арлингтонского кладбища в Вашингтоне в 22 часа, 30 минут (время Восточного побережья) 8 июня. Еще через 15 минут ближайшие друзья покойного сенатора растянули над гробом и сложили флаг Соединенных Штатов. Космонавт Гленн отдал флаг Эдварду Кеннеди, а тот передал его Этель — вдове Роберта Кеннеди.

Все отхронометрировано. Но у этого убийства нет временных рамок. И хронику его можно начинать и вести произвольно. Ведь не хронология определяет порядок событий. Иногда причина заявляет о себе значительно позже следствия.

Во всяком случае, вначале я ставлю не драматический момент быстрых, почти пулемётных выстрелов из револьвера в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе, а гораздо менее насыщенный событиями день 8 июня 1968 года в Нью-Йорке.

12.00–12.20. Караван длинных, распластанных черных машин движется по Пятой авеню. Благодаря сильному телевику я вижу их сплющенными, сдвинутыми мне навстречу. Солнце, отражаясь в тщательнейше отполированной поверхности, бьёт в глаза, как луч из гиперболоида. Мотоциклисты в белых пластиковых шлемах неестественно удлиненны, будто печальный караван сопровождают баскетболисты — «глобтроттеры». Плотная толпа стоит вдоль Пятой авеню, густо забив тротуары от полицейских перил до великолепных витрин «Сакса», «Брест энд компани», «Корвета». Молчат. Многие плачут.

Я пытаюсь объяснить себе эти слёзы. Наверное, горе Америки значительно глубже, оно не замыкается на личности Роберта Кеннеди. Сегодняшние слезы — трагическая разрядка чудовищного, неестественного напряжения, в котором живет страна. Убийство Кеннеди — повод для слез, которые скопились давно.

12.15. Прерваны телевизионные передачи. Диктор сообщает,

что в лондонском аэропорту арестован Джеймс Эрл Рэй, обвиняющийся в убийстве доктора Мартина Лютера Кинга 4 апреля 1968 года.

11.15 *(лондонское время)*. Агенты Скотланд-Ярда в зале ожидания лондонского аэропорта подошли к человеку в лёгком дождевом плаще и спортивном костюме. Он не пытался сопротивляться аресту. Только что он прилетел из Лиссабона и ждал посадки на самолёт в Брюссель. При нём нашли два паспорта на имя Района Джорджа Снейда и заряженный пистолет. Рамон Снейд, он же Эрик Голт, он же Джеймс Рэй, не сказал ни слова. Как отмечают агенты Скотланд-Ярда, он не пытался сделать свое лицо неузнаваемым.

9.45 *(время Нью-Йорка)*. 2500 человек приглашены в собор святого Патрика — самый популярный католический собор в США — на траурную мессу, которую будет вести архиепископ Нью-Йорка Кук, преемник покойного кардинала Спеллмана. 2500 человек один за другим поднимаются по плоским ступеням собора. 2500 человек — все из справочника «Who's who in America» — «Кто есть кто в Америке». Квинтэссенция справочника. Вытяжка из квинтэссенции.

Тысячи столпившихся вокруг собора, напротив него с любопытством смотрят на людей, о которых говорят в Америке: «Они ведут дело». Ещё их называют — «celebrities» — «известности». Ещё — vip — very important people — «очень важные люди». И даже — vvip — «очень, очень важные люди». По ступеням поднимаются власть, миллионы, слава.

На них не смотрят только полиция и секретные агенты. Полиции и секретным агентам полагается смотреть за другими людьми. Поэтому они стоят спиной к ступеням, лицом к толпе.

— Губернатор Рокфеллер, — слышу я комментирующий голос корреспондента Эн-би-си, — его лицо скорбно и серьёзно… Сенатор Барри Голдуотер, его лицо скорбно и серьёзно… Сенатор Джэвитс. Его лицо тоже серьёзно и скорбно…

Нет, это не ирония телекомментатора. Так оно и есть. Большинство лиц скорбно и серьёзно. Я бы добавил еще, что это в основном сильные лица. Лица бойцов. Они одеты одинаково просто — темные костюмы. Их подруги позволяют себе траурную изысканность. И каждая быстро и зорко оглядывает соседку — как одета? не старомоден ли траур? не надевалось ли это же платье на похоронах Джона Кеннеди? Вот было бы мило! Нет, всё в ногу с моднейшими течениями в траурных моделях. Мини-траур.

— Вы видите Ричарда Никсона и его жену Патрицию… —

говорит телекомментатор. Но о выражении лица Ричарда Никсона комментатор ничего не говорит. Потому что Никсон, поднимаясь по ступеням собора… улыбается. Нет, я далёк от мысли, что он не может скрыть радости от потери возможного конкурента на тернистом пути к президентскому креслу. Вероятнее всего, просто сработал непроизвольно рефлеке человека, привыкшего обязательно улыбаться толпе. Кандидат должен всегда улыбаться. А Никсон всю свою жизнь был кандидатом куда-нибудь.

Проходят вице-президент Хэмфри с супругой. Президент и леди Бэрд.

10.00. Собор внутри ещё более огромен и величествен, чем кажется снаружи. Две с половиной тысячи человек занимают места на длинных и тяжелых — какие бывают только в церквах, на вокзалах и в ночлежках — скамьях. Прежде чем сесть, Джонсоны опускаются коленями на подушечку. Несколько мгновений молятся, опустив головы. Хэмфри поджал губы. Голдберг вытирает лоб платком. Раек сидит неподвижно. Умные, решительные; чуть навыкате глаза. Архиепископ Теренс Кук в тиаре держит руки на уровне лица, как хирург перед операцией.

Спокоен и неколебим воздух наверху под сводами. Его перерезают лишь лёгкие нити — лучи солнца, проникающие через витражи. И такие же нити, кажется мне, связывают, переплетают, разделяют, друг от друга тех, кто сидит на церковных скамьях. Внизу, правда, этих нитей не видно. Внизу свет от телеюпитеров. На свету нити неразличимы.

Полтора года назад я видел окровавленное тельце ребенка на паперти этого собора.

29/12 66. Ребенок был ненастоящий. Просто папье-машевая кукла, самодеятельно выклеенная и раскрашенная. Белое тельце и красные пятна. Хорошие люди — актеры нью-йоркского кукольного театра — положили куклу на паперть собора. Положили с одной немного наивной целью — пусть прихожане увидят, что делают их братья, сыновья и мужья во Вьетнаме. Они положили куклу на паперть собора святого Патрика потому, что именно из этого собора кардинал Спеллман благословлял убийство во Вьетнаме. Как реагировала церковь? Очень просто. Обратилась к полиции. Полиция арестовала куклу. Сейчас мне трудно верить этому собору, скорби этих людей. Трудно хотя бы из-за той куклы.

8/6, 68–4.30. Собор откроется для публики в пять утра. Вдова

Роберта Кеннеди пришла сюда в это раннее время, чтобы хоть несколько минут побыть наедине с ним. С того момента, как врач сказал, что он мертв, она ни разу не была с ним наедине. Но и сейчас ей сказали, что ее будут снимать. Ее хотят снять одну у гроба, одну в соборе. Она не хотела, но друзья сказали — это надо, надо.

И включены юпитеры. Тени мечутся под ногами. Кто-то громким шепотом отдает команду — куда светить. Зрители все равно поймут, что она не одна. Кто-то подумает — ради рекламы…

Я смотрю на её растерянное лицо. Я видел её всегда только улыбающейся. Она была женой кандидата. А жена кандидата тоже должна постоянно улыбаться, особенно прессе.

Он обладал всем, что требовало от него положение кандидата в президенты. Он хорошо говорил, обаятельно улыбался, весело шутил, если нужно было — перебегал улицу, чтобы пожать руку старику, вышедшему приветствовать его. У него было имя старшего брата, неограниченные средства и блестящие советники Джона Кеннеди. Он был отцом десятерых детей, и, говорят, хорошим отцом. Во всяком случае, успевал уделять внимание всем десятерым. Они ждали одиннадцатого…

Он был молод — 42 года — и нравился большой части молодежи. Он был против войны во Вьетнаме, против политики Джонсона там. Он обещал, если станет президентом, принять программу помощи бедным, начать решение расовой проблемы.

И всё же многие честные и вдумчивые люди в Америке задавали себе вопрос: кто он?

Его звали легко и просто — Бобби. Но не только потому, что это — Америка. И не просто потому, что молод. Это еще и потому, что «Бобби» было удобно и для друзей и для врагов. И для тех, кто его любил, и для тех, кто его презирал. Бобби — это дружески. Но это и презрительно.

А среди тех, кто его презирал, было много и по-настоящему честных американцев. Ему не прощали активную службу в комиссии Джо Маккарти. Он был в свое время одним из самых реакционных министров юстиции. Противники войны во Вьетнаме никогда не забывали, что Роберт Кеннеди был одним из патронов «зеленых беретов».

О мёртвых — либо ничего, либо хорошо. Но Роберт Кеннеди был сложным и противоречивым человеком, жившим в обесчеловечивающем обществе, которое повинно в трагедии, разыгравшейся ночью с четвёртого на пятое июня 1968 года в отеле «Амбассадор».

8/6 68–12.45. Заканчивается месса. Я вижу ребят — сыновей и дочерей Роберта Кеннеди. Они проходят мимо гроба, и каждый дотрагивается рукой до холодного дерева махагони. А трёхлетний играет с флагом — он ещё совсем ничего не понимает. Я вижу подросшего Джона Джона Кеннеди — сына покойного президента, который на своём маленьком веку хоронит уже второго близкого ему человека. И подростка Каролину. И их мать — Жаклин Кеннеди. Она, почти не изменилась с того трагического ноября 1963 года. И вуаль на её лице вдруг заставляет очень остро вспомнить тот тяжелый месяц.

А вокруг сидит квинтэссенция из справочника «Кто есть кто в Америке». Но я бы не сказал, что это сидят хозяева Америки. Сидит только, если хотите, «исполнительная власть». Но под хозяевами я понимаю не хозяев Уолл-стрита. Я имею в виду сами принципы этого общества — стихийные и взлелеянные, — которые воспитывают этих людей. Именно эти принципы, эта высшая власть скручивают их, неумолимо подчиняют своим законам, возносят и, если нужно, уничтожают физически.

Может быть, я несправедлив к этому залу? Ведь там есть искренние друзья семьи Кеннеди, и их горе неподдельно. Да, это так. Может быть, и среди самых расчётливых людей, «ведущих дело», есть такие, что забыли на минуту обо всем, поражённые человеческим горем? Да, может быть, на мгновение. Может быть, там есть люди, которые, слушая слова архиепископа о ненависти в человеческих сердцах, думали об Америке. Что происходит с ней? Кеннеди. Кинг. Снова Кеннеди. Не много ли? Не сходит ли Америка с ума? Кто следующий? Может быть, Джон Джон Кеннеди? А ведь это только большие имена. А сколько за это время было убийств: убийств расистских, шовинистических, убийств бессмысленных — от озлобления к миру, к людям, к обществу. Разве убийство расистами-полицейскими одиннадцатилетнего негритянского мальчика Эрика Дина в Бруклине — не такое же и даже не более трагическое преступление, чем это? Просто в убийстве Кеннеди сконцентрировалось по многим причинам все отчаяние больной страны…

* * *

Разве нет людей, рассуждающих так, в этом соборе? Наверняка есть. И всё же, мне кажется, я не грешу против истины.

Там, на улице, потные, плачущие люди, со своей наивной верой в «доброго сенатора», куда как человечнее, а значит, и

сильнее этой «квинтэссенции» Америки.

* * *

Так случилось, что на два коротких дня я попал в Новый Орлеан. Естественно, захотелось встретиться с окружным прокурором Джимом Гаррисоном, узнать, видит ли он связь между тремя преступлениями. И если, да, то какую.

К сожалению, его не оказалось в городе. Уехал по делам. Бессмысленно было спрашивать отлично тренированную секретаршу — миссис Шулер, куда и надолго ли. Но всё-таки мне повезло. От своего друга в Новом Орлеане я узнал, что незадолго до моего приезда Джим Гаррисон дал интервью журналисту из маленькой лос-анджелесской газеты «Фри пресс». Мне удалось раздобыть текст этого интервью. Оказалось, что журналист задал окружному прокурору многие из тех вопросов, которые собирался задать и я. Я привожу несколько выдержек из этой, как мне кажется, чрезвычайно интересной беседы и в самом начале хочу добавить, что интервью это, насколько мне известно, не было напечатано ни одной крупной американской газетой. Читатель сам поймет почему, познакомившись с ответами Гаррисона на вопросы журналиста из «Фри пресс».

Журналист. Какие параллели, если, они имеются, вы видите между убийствами Джона Кеннеди, Мартина. Лютера Кинга и Роберта Кеннеди?

Д. Гаррисон. Нет никакой «таинственности» в том, что происходит. Я думаю, большинство людей в стране чувствуют это, хотя ловкая служба новостей делает вид, будто «таинственность» — самое лучшее из слов и больше не о чём беспокоиться.

Мы живём в разгар контрреволюции, которая началась в США 22 ноября 1963 года… С осени 1962 года Джон Кеннеди практически возглавил революцию против холодной войны. Контрреволюция 22 ноября 1963 года убрала Кеннеди при помощи операции, организованной Центральным разведывательным управлением. Эта контрреволюция продолжается — вот и всё.

Они уничтожают одного за другим каждого руководителя, который выступает против системы военной власти в США, или любого достаточно красноречивого человека, который стоит между ними и планами войны в Азии. Убиты Джон Кеннеди, Мартин Лютер Кинг, Роберт Кеннеди… В основе — всегда

одинаковая техника… На сцене — обязательно «убийца-одиночка». Различия небольшие — они в деталях.

Журналист. Убийца-одиночка с левыми связями?..

Д. Гаррисон. В кавычках, конечно. В действительности, если вы вглядитесь в «убийцу-одиночку» поближе, то обнаружите его прямые связи с ЦРУ. Так было в случае с Освальдом. Или распознаете в нем профессионального убийцу. Так было в случае с Мартином Лютером Кингом, несмотря на то что до сих пор не ясно — стрелял ли сам Джеймс Рэй. Похоже, что он был использован как подсадная утка. Но это не имеет значения. Это — деталь.

Журналист. А что насчёт Сирхана Сирхана? Если у него были связи с ЦРУ, они, как видно, были очень тщательно скрыты, или, как там выражаются, «изолированы». Вы знаете что-нибудь о Сирхане?

Д. Гаррисон. Я не хочу углубляться в это, потому что окружной прокурор и власти Лос-Анджелеса могут решить, будто я вмешиваюсь в их дело. Я скажу в общих словах. ЦРУ имеет возможность действовать под разными «крышами». Отличительная деталь этого случая состоит, кажется, вот в чем: убийца не сознает, что был использован ЦРУ. Он, возможно, определенно считает, что состоит членом какой-нибудь другой организации. Назовём её, например, «Иорданская молодёжь в действии». Я даже не знаю, существует ли вообще такая организация. Это только пример. Но Центральное разведывательное управление имеет более 500 «крыш». Им совсем нетрудно найти мотивы для любого поступка отдельного человека.

Нет никакого сомнения, что на каждой дороге, по которой должен был пройти Роберт Кеннеди в случае своей победы в Калифорнии (на предварительных выборах, которые состоялись там 4 июня 1968 года. — ***Г. Б.***), стоял наготове убийца. Он был членом какой-нибудь, организации и вовсе не обязательно сознавал, что являлся инструментом Центрального разведывательного управления. США.

Когда Роберт Кеннеди победил в Калифорнии, это означало, что он довольно уверенно ступил на путь к президентскому креслу.

Если бы Роберт Кеннеди потерпел поражение в Калифорнии, он жил бы сейчас. Но, победив, он был обречён на смерть. Он выиграл — и у него осталось мало шансов выжить…

Джона Кеннеди убили потому, что он начинал видоизменять военную машину, заканчивал холодную войну, он сказал однажды, что «разобьет ЦРУ на десять тысяч маленьких кусков».

Они не желали быть разбитыми. Военная машина как живой организм: она не терпит никого, кто встает на её пути…

Журналист. Правда ли, что Роберт Кеннеди знал о том, что произошло, и собирался, став президентом, начать преследование людей, ответственных за убийство брата? Можете ли вы сказать нам что-нибудь по этому поводу?

Д. Гаррисон. У меня было несколько друзей, близких к нему. В результате их визитов сюда, в Новый Орлеан, мне стало ясно: он понимал, что произошло, но, очевидно, принял решение ничего не предпринимать по этому поводу, пока не займет пост, который позволит ему что-то сделать. Он сделал бы что-нибудь, если бы мог. Но они убили его…

Есть некоторые признаки того, что, возможно, ЦРУ вовлекло Роберта Кеннеди в свое время в одну из своих операций, чтобы «заморозить» его, не допустить его активности сразу после 22 ноября 1963 года… ЦРУ пыталось найти пути для убийства Фиделя Кастро. Вполне возможно, что по крайней мере в одну из этих операций им удалось вовлечь Роберта Кеннеди… Повторяю, свидетельств безупречных нет, потому что люди, которые могут иметь доказательства, работают в правительстве Соединённых Штатов…

ЦРУ настолько всесильно теперь, что оно в значительной степени автономно. ЦРУ — глобальная сила. Оно настолько могущественно как тайный участник военно-промышленных операций, что в некотором смысле оно имеет больше власти, чём все остальное в Соединенных Штатах Америки…

Глаза седьмая
ИЮЛЬ

Вниз по Миссисипи

21 октября 1961 года в маленьком сонном иллинойском городке Шилох, где, слава богу, автомобильные гудки не заглушили ещё окончательно петушиных криков, случилось необыкновенное. Около часу дня в самом центре города, неподалеку от нового здания городского муниципалитета, остановились три десятка легковых автомашин и грузовичков-пикапов. Из них вышло около сорока решительного вида дотоле неизвестных в городе джентльменов, которые направились к зданию муниципалитета в его подвальное помещение. Там в хорошо освещённой комнате, в специальных деревянных стойках, в хорошем казарменном порядке они нашли ручные гранаты, пистолеты, винтовки М-1, автоматы М-4, автоматические винтовки Браунинга и пулемет этой же фирмы, 20-миллиметровое противотанковое ружье, 60-миллиметровую мортиру и 40 боекомплектов к ней.

Джентльмены не стали мешкать, сняли с себя цивильную одежду, натянули маскировочные бриджи и куртки, надели тяжелые армейские башмаки, зелёные стальные шлемы-каски, покрытые веревочными сетками, разобрали оружие и — к немалому удивлению горожан, — снова появились на улице.

Там они построились в четыре шеренги по десять человек и, пройдя по главной улице, удалились за пределы города к лесу. Руководил вооруженными людьми полный низенький человек лет под сорок, энергичный и шустрый, несмотря на свою полноту. Он отдавал команды, следил за порядком, отгонял любопытных ребятишек. Ребятишки увязались было за солдатами в лес, но низенький сказал, чтобы они оставались в городе.

Вскоре со стороны леса послышалась ружейная стрельба. Потом донеслось так-так-таканье пулемётов, а затем удивленные жители доселе безмятежно спокойного городка услышали взрывы гранат и уханье мортиры. Это было настолько удивительно, что кто-то позвонил в полицию.

Когда группа в сорок-человек под командованием энергичного коротыша вернулась к вечеру в город, там, на центральной площади, возле непременной старинной пушки с ядрами другого калибра, их ждали полицейские и два репортера из Сан-Луиса. Репортеры принялись щелкать камерами, а

полиция потребовала объяснений, что за военные действия ведутся в самом центре Соединённых Штатов Америки.

Ответ держал низенький. Он сказал, что зовут его Роберт Боливар Депю, что сам он из городка Норборн, штат Миссури, где владеет ветеринарной аптекой. Но кроме того, он генеральный координатор общенациональной организации, которая носит наименование «минитмены».

— Что ещё за организация? — спросил удивлённый полицейский чин.

Низенький отвечал спокойно, мягко: «минитмены» — организация хороших американских граждан, которые устали от коммунистов и готовятся дать им вооружённый отпор.

— Где? — спросил озадаченный полицейский.

— У порога своих домов! — ответил Депю.

— В Иллинойсе?!

— Да, в Иллинойсе, — твердо и спокойно подтвердил Депю. — Как только коммунисты захватят Иллинойс, мы начнём партизанскую войну против них. Сегодня мы проводили тренировку.

Полицейский покрутил головой, потёр дубинкой затылок.

— Это ваше первое занятие?

— Нет, мы проводили секретные маневры в Сан-Антонио, в Омахе, в Филадельфии, в Канзас-Сити, Ньюарке и ещё в нескольких местах. Сегодня наши первые открытые маневры. Настало время, чтобы страна знала о нашем существовании.

— А вот я вас арестую за эти самые маневры! — раздражённо сказал полицейский. — Где это видано, чтобы каждый сам по себе создавал вооружённые силы?!

И тогда низенький руководитель странных вооружённых сил спросил тихо, но так, что все услышали:

— Вы коммунист?

Вопрос прозвучал скорее как заявление. Полицейский опешил.

— Н-нет… — И, разозлившись на себя за свою растерянность, сам бросил тот же камень: — А вы?

Партизанский командир выждал немного, поднял коротенькую руку над головой и произнёс дрожащим голосом:

— Перед всемогущим богом торжественно клянусь — я не коммунист.

После этого последовала пауза, никто не знал, что дальше делать и говорить. Уж очень торжественно прозвучала клятва маленького человечка, который произвел в маленьком городе странные маленькие маневры.

Полицейский покашлял.

— И много вас таких?

— В нашей организации сейчас двадцать пять тысяч человек, — ответил Депю вежливо и достойно.

* * *

Два репортёра из Сан-Луиса не пожалели тогда о затраченном времени. Их сообщения о маневрах людей, которые собираются вести партизанскую борьбу против коммунистов в самом центре Соединённых Штатов, на реке Миссисипи, в том ее месте, где штат Иллинойс граничит со штатом Миссури, напечатали почти все газеты Америки. Напечатали как курьёз, как забавную мелочь (никто, конечно, не поверил в существование 25-тысячной вооружённой организации).

Пожалуй, первым человеком, который серьёзно взглянул на странное событие в маленьком городке Шилохе, был президент Джон Кеннеди. Через месяц после маневров в Иллинойсе он упомянул об опасности создания в стране «частных банд, которые усиливают скорее шизофрению, чем бдительность».

Через несколько дней в Белый дом пришло письмо на официальном бланке «Организации минитменов». В нём было сказано, что минитмены преследуют лишь одну цель — «сохранение и защиту принципов конституционной республики». Подписано письмо было так: «Депю, генеральный координатор».

* * *

Весной 1963 года в прекрасном штате Калифорния проводились маневры. Настоящие военные маневры, не частной, а государственной армии Соединённых Штатов. Кодовое название маневров — «Удар по пустыне». В «ударе» принимали участие сухопутные войска, дислоцированные в штагах Калифорния и Аризона, авиация и морская пехота.

Как-то утром солдаты морской пехоты одной из частей, принимавших участие в маневрах, поднявшись по сигналу с коек, нашли у себя на брюках и куртках записки, отпечатанные типографским способом. В каждой было сказано следующее: «Будь это настоящая война, ты бы уже не проснулся».

Удивленные солдаты обнаружили также, что больше половины винтовок и автоматов исчезло из казармы. Принялись искать. Безрезультатно. Стало ясно, что ночью кто-то проник в расположение лагеря, положил на одежду каждого солдата

записку и похитил часть оружия и боеприпасов.

Во время проведения калифорнийских маневров «Удар по пустыне» вообще происходили какие-то непонятные вещи.

Оказалось, например, что в районе учений, кроме частей и подразделений, участвовавших в маневрах согласно приказу командования, каким-то образом в течение целого дня действовала никому не известная небольшая, но мобильная группа людей, одетых в форму офицеров связи американской армии. Ими командовал человек в форме полковника. Полковник отдавал приказания не только своим офицерам, но и тем, кого встречал на пути. Действуя от имени военного командования, полковник менял частям задания, маршруты следования. Везде, где появлялся этот человек, маневры были сорваны, планы спутаны.

Специальная военная полиция была брошена на поиски таинственного полковника и его группы. Но песок Калифорнийской пустыни не очень долго сохраняет следы автомашин. Поиск ничего не дал.

Среди солдат пополз слушок, что здесь не обошлось без коммунистов, которые, возможно, вторглись в США со стороны Мексики.

Надо сказать, что слух «о вторжении коммунистов со стороны Мексики», то усиливаясь, то ослабевая, несколько лет до этого циркулировал в прекрасном штате Калифорния. Ночное происшествие в роте морской пехоты, наверное, придало бы этому слуху особую достоверность, если бы не случай, который произошел на следующий день.

А на следующий день неизвестно куда исчезло несколько солдат морской пехоты.

Их искали и не могли найти. Решено было считать солдат дезертирами. Но неожиданно на другое утро они вернулись и рассказали странную историю. Какие-то солдаты в. такой же, как у них, форме насильно посадили их в «джип», завязали глаза и отвезли куда-то. Когда глаза развязали, солдаты обнаружили себя в палатке. С ними беседовал некий человек в форме полковника американской армии, который объяснил им, что очень скоро настанет день, когда войска коммунистов вторгнутся в Соединённые Штаты и тогда настоящим патриотам Америки придется вести с ними партизанскую войну, чтобы выжить. Полковник сказал, что сам он — командир одного из будущих партизанских подразделений и что американцы не могут полагаться на армию потому, что в её руководстве много коммунистов. Ещё полковник сказал — и это солдаты произносили шёпотом, — что самый главный коммунист в

армии — Макнамара, министр обороны США.

То немаловажное обстоятельство, что солдаты, пленившие морских пехотинцев, не были похожи на мексиканцев или кубинцев, весьма активно высказывались против коммунистов и приказали похищенным по возвращении в часть рассказывать всем о мощной партизанской армии, которая организуется в стране для отпора коммунистам, несколько успокоило командование.

Вот почему, а также по причине чрезвычайной чувствительности командования к возможности стать посмешищем на всю страну, трем странным историям, случившимся в дни маневров «Удар по пустыне», не была дана огласка. И узнали о них значительно позже, когда некоторые из деятелей минитменов, в том числе и тот, кто мастерски изображал полковника американской армии, попали под суд (правда, по совсем другим причинам).

Если верить самому Депю, его странная организация возникла из шутки, почти случайно. Как-то в 1960 году он и девять его приятелей поехали охотиться на уток. Это было на озёрах, поросших камышом, где-то в штате Миссури. Охотники сооружали шалаш. И один из них сказал: «Ну вот, если русские нападут на нас, мы уйдём сюда. Шалаш есть, партизанский отряд тоже. Место тихое — для базы лучше не найдёшь».

Оказалось, что среди охотников был один, который служил раньше в Специальных войсках, то есть носил «зелёный берет».

— А что, — рассудительно произнёс он, — надо быть готовым ко всему. Хотите, я стану обучать вас партизанской борьбе. Вреда это не принесет. Во всяком случае, мы будем знать, как защищаться.

Этот охотничий рассказ я прочел в книжке, которая называется «Краткая история минитменов». Ее первое издание появилось уже в 1961 году.

Довольно объемистая брошюра «„Минитмены“ — подлинная линия американской обороны против коммунизма», тоже выпущена в 1961 году.

То, что «Краткая история» появилась подозрительно быстро после утиной охоты и за несколько месяцев минитмены успели выпустить уйму пропагандистской литературы, доказывает, что охотничий рассказ о случайности возникновения минитменовской организации — сказка.

«Наша страна в опасности. Возможно, что через несколько лет, даже месяцев наша страна будет

завоевана и порабощена коммунистами»

(из брошюры «К будущим минитменам», издание 1961 г.).

«Цель минитменов — готовиться к ДНЮ, когда американцам придется снова драться на улицах за свою жизнь и свободу. Мы чувствует и можем доказать, что этот ДЕНЬ приближается»

(из «Краткой истории минитменов», издание 1961 г.).

«Вступай в минитмены, организацию американцев, охраняющих национальную и индивидуальную свободу. Отдай себя и свою винтовку освобождению Америки. За дополнительной информацией обращаться по адресу: „Минитмены, город Норборн, штат Миссури“».

(объявление, помещенное в газете «Канзас-Сити стар»).

Судите сами, разве можно остаться равнодушным к такому объявлению? Я, во всяком случае, не остался. Я решил получить дополнительную информацию. Именно для этого я и составил маршрут своей предполагавшейся корреспондентской поездки именно так, чтобы заехать в город Норборн, штат Миссури.

Мой американский друг Джо Норт предупреждал:

— Будь осторожен. Ты для них — с рогами и копытами, кампаньеро.

Джо любит иногда вставлять испанские слова в разговор. Это у него со времён гражданской войны в Испании. Ещё он любит ходить в маленький — 6 столиков — кубинский ресторанчик на углу 19-й улицы и 8-й авеню. Там мы часто сиживаем за тарелкой риса с бобами, разговариваем о том о сём.

— Если будешь с ними встречаться, ставь кого-нибудь в известность, куда и на сколько времени идешь. Редакцию местной газеты, например. Или полицию. Будь осторожен. Для них пуля — не проблема.

После риса с бобами мы обычно пьем кофе по-кубински. Сладкий, жгучий, крепкий, из маленькой толстостенной чашечки,

сдувая пузырчатую пену. Это одно из не очень многих мест в Нью-Йорке, где можно выпить настоящий кофе. В обычных кафе — да простят мне американцы такое — варят кофе из вчерашних окурков.

— Я с удовольствием поехал бы с тобой, — говорит Джо. — Только это невозможно. Трудно с газетой. Трудно. Мы люди двадцатого века, а техника — из двадцать первого. Наборщики переучиваются заново. Да и мы тоже.

В те дни «Уоркер» — газета Коммунистической партии США — превращалась из еженедельной в ежедневную «Дейли уорлд». И Джо налаживал там воскресное приложение. Куда уж было от него ждать поездки в такое горячее время.

А было бы славно: вместе с нами в машине — Джо. Америку знает вдоль и поперек. А товарищ — лучше не пожелаешь.

Приподняв лохматые брови, выпятив вперед губы, как для поцелуя, Джо подносит ко рту чашечку кофе. Глотнув, снова наставляет:

— Только не увлекайся. Они чувствуют за собой силу и могут позволить себе всякое. Видишь ли, я абсолютно уверен, что в стране существует некий высший совет наиболее реакционных и влиятельных людей. Время от времени они собираются и принимают решения по самым главным вопросам. В том числе — с кем разделаться. Так был убит Джон Кеннеди. Так были убиты Мартин Лютер Кинг и Роберт Кеннеди. Но это события исключительные. А каждый день, каждую минуту они делают вещи значительно страшнее…

Он вытер лицо большим платком в клетку.

— Кто знает твой маршрут?

— Наше консульство.

— И всё?

— Нет, ещё государственный департамент.

Джо покачал головой.

— Подробно?

— Абсолютно. Куда, когда, по каким дорогам, где ночёвка.

Джо ещё раз покачал головой.

— Что они делают с этой информацией?

— Это уж я не знаю.

— Наверное, сообщают местной полиции и ФБР, — высказал он предположение.

— Может быть.

Больше он ничего не сказал.

Счёта от официанта всё не было. Джо посмотрел на часы, ему надо было возвращаться в редакцию. Встал и, хлопнув себя по животу («Завтра начинаю худеть»), двинулся к выходу. Плотный

квадратный, с взлохмаченной черно-седой головой, он сразу загородил весь проход между столиками. Я пошёл за ним. На полпути нас перехватил примчавшийся откуда-то официант.

— Странное дело, — говорит Джо по-испански, будто бы обращаясь ко мне, — как ни занят официант, у него всегда найдётся для тебя время, если он видит, что ты уходишь, не расплатившись.

— Си, си, сеньор! — подтверждает официант.

Я провожаю Джо до дома номер 205 по 19-й улице, где помещается «Дейли уорлд». Там мы прощаемся.

— Эх, с удовольствием поехал бы с тобой, — говорит Джо.

* * *

Длинный тощий служащий Американской автомобильной ассоциации — ААА, который выдает мне книжечки с описанием составленного мною маршрута (в чудесных книжечках есть всё: расстояние, описание городов, советы насчет отелей, где следует-останавливаться, насчет ресторанов, где следует питаться, и даже цены), узнав, что я советский корреспондент, спрашивает:

— Я, конечно, не хочу вмешиваться в политику, но скажите, почему вы выбрали именно этот маршрут? Что вас здесь интересует?

— Абсолютно всё.

— Всё, хм, — он, конечно, покачал бы головой, если бы шея его не была укутана в какой-то сложной конструкции пластиковый футляр, похожий на вторую ступень ракеты-носителя. — Ну зачем вам, например, Лос-Анджелес?

— Кино, например.

— Ха! Кино — это фантазия. Правда?

Пришлось согласиться.

— Ну вот, — и он удовлетворенно кивнул бы головой, если бы не ракета. — А вам нужны настоящие впечатления, правда? Так вот вам мой совет, хотя не подумайте, конечно, что вмешиваюсь в политику. Не езжайте в большие города. Вы приедете в большой город, спросите, как пройти туда-то, а вас пошлют к чёрту, и вы будете думать, что вся Америка такая. Правда? А езжайте-ка вы в маленькие городочки, — и он при этих словах закатил кверху глаза и, наверное, поднял бы и голову кверху, если бы не известное уже читателю обстоятельство. — Там Америка. Если вы там спросите, как пройти туда-то, к вам подойдут и начнут объяснять подробно и приветливо, даже если сзади за вами образуется хвост в тридцать машин. Мало того,

каждый водитель из этих тридцати машин тоже подойдёт и тоже будет объяснять. И ещё полицейский подойдёт — и тоже примется объяснять. И пока они не удостоверятся, что вы, правильно все поняли про дорогу, они не разойдутся…

Ясно было, что человек-ракетоноситель родился и провел свои лучшие годы в тихом, приветливом и уютном городке, где всю индустрию представляла собой одна мельница, где любимая «мом» пекла такой яблочный пирог, какого с тех пор уже не едал мой собеседник, проведший волею судеб всю остальную жизнь в шумном и неприветливом Нью-Йорке.

Ну что же, тем более надо было ехать в Норборн.

* * *

Организация минитменов развивалась как-то незаметно. Но отсутствие внимания к ней высоких правительственных учреждений, которым по роду деятельности следовало бы заниматься преступниками, она использовала довольно успешно. В январе 1963 года минитмены выпустили первый номер своей газеты, которая с многозначительной угрозой присвоила себе наименование «В цель».

Вот он лежит передо мной, этот номер, отпечатанный на отличной бумаге. На первой странице четко сформулирована программа: «Задача „В цель“ не информировать читателя. Наша задача — разоблачать коммунистических предателей, которые даже теперь продают нашу страну врагам. Для этого „В цель“ будет называть этих предателей по имени, будет публиковать их адреса, номера их телефонов… Мы, конечно, отдаём себе отчет, что подвергаем себя, наших жен и детей крайней опасности. Но мы делаем это в расчете на то, что другие консерваторы эффективно используют тщательно проверенную информацию нашей газеты в продолжающейся борьбе против коммунизма… Мы полны решимости создать для истории список предателей, которые поставили нашу великую страну на колени…»

Первый такой список появился в номере «В цель» от 15 марта 1963 года. Я. хочу привести здесь почти всю заметку, напечатанную в связи с этим списком. Она даст читателю представление о тоне минитменовской пропаганды:

«Господа коммунисты! Вы видите старика на углу, где вы обычно покупаете свою газету. Может быть, под пальто у него бесшумный пистолет. К вам зашел агент по страхованию имущества, в боковом кармане его пиджака не одна, а две вечные ручки, — может быть, это пистолет, заряженный газом

цианистого калия. А как насчет вашего молочника? Мышьяк действует медленно, но верно. А ваш автомобильный механик? Может быть, он проводит ночи, изучая технику удушения выхлопными газами.

Эти патриоты не позволят вам отнять у них свободу. Они прекрасно владеют бесшумным ножом, веревкой вешателя, снайперской винтовкой, из которой они попадают в воробья на расстоянии 200 ярдов. Только руководители сдерживают их.

Берегитесь, предатели!

27 февраля 1963 года несколько членов палаты представителей выступили против существования Комитета по расследованию антиамериканской деятельности. 20 конгрессменов проголосовали против существования комитета.

Вот эти иуды, которые, кажется, не только готовы продать свою страну за 30 сребреников, но и готовы сделать это публично».

И дальше в черной траурной рамке, под заголовком «В память о…» были опубликованы фамилии, адреса и номера телефонов двадцати конгрессменов. Конечно, никто из них не имел никакого отношения к коммунистической партии. Но угроза звучала реально и недвусмысленно. Реальность ее подтверждалась вот ещё какого рода рассуждением:

«Из всех главных функций нашего подполья самая главная — разведка или знание. Давайте разберем один пример. Предположим, вы взяли телефонную книгу, открыли ее на любой странице и не глядя ткнули пальцем в одно из имен. Затем прочли впервые в жизни это имя и сказали себе: „Вот человек, которого я должен убить в этом месяце“.

Разберём ситуацию. Некий человек, избранный случайно, отмечен печатью смерти. Он может быть самым сильным, богатым и влиятельным в городе, где вы живете. Но ни одно из этих качеств ни в малейшей степени не поможет ему. Он будет беззащитен. Почему? Потому что в вашем распоряжении имеется нечто, чего нет у него, — знание противника или разведка. Вы знаете его, а он не имеет понятия о вас. Пока это условие существует, у него нет возможности принять необходимые, меры защиты от вас.

В точности такая же ситуация существует между нами и нашими коммунистическо-социалистическими врагами. Наш успех будет обратно пропорционален их знаниям о нас…» (из брошюры «Учебная программа минитменов»).

Но ни этот выпуск газеты, ни брошюра, ни сама организация минитменов не вызвали чьего-либо пристального внимания.

Через 8 месяцев после появления цитированного только что

выпуска газеты «В цель» был убит президент США Джон Кеннеди. Только через два месяца после убийства Джона Кеннеди один из двадцати конгрессменов, перечисленных газетой «В цель», Генри Гонзалес из Сан-Антонио, публично вспомнил о минитменах. «В свете последних событий я стал значительно более чувствителен к материалам ненависти, которые столь широко распространяются в нашей стране», — сказал он в интервью газете «Хьюстон пост». Он же обратился к тогдашнему министру юстиции США — Роберту Кеннеди, брату покойного президента, с официальной просьбой заняться расследованием возможной связи минитменов с убийством президента Кеннеди.

Депю; пребывавший тогда в городке Норборн, сразу ответил публично: «В связи с возможными действиями министра юстиции я могу сказать одно: если бы. Роберт Кеннеди в прошлом так же интересовался левыми американцами, как он интересовался правыми проамериканцами, его брат остался бы живым».

В то же самое время с критикой минитменов выступил генеральный прокурор Калифорнии Стэнли Маек:

«Минитмены охвачены паранойей страха перед коммунизмом, неверием в американские институты, стремлением владеть всеми видами оружия — от пистолетов до автоматов… Существует пугающее сходство между психическим складом членов этих групп и того человека, который обвинен в убийстве президента Кеннеди… Мы не можем далее позволять фанатикам в нашем штате создавать частные армии и угрожать безопасности жителей Калифорнии и всей Америки».

Организатор минитменов по Калдфорнии Рой Хьютон (тот самый, который во время маневров «Удар по пустыне» успешно изображал полковника американской армии) немедленно ответил на выпад генерального прокурора: «Эта попытка привлечь к ответственности патриотов Америки, которые верны идеям своих отцов, основавших эту, страну, — типична для грязной тактики, которая столь дорога прокурору Маску и его коммунистическим сторонникам…»

* * *

Конгрессмен Гонзалес получил ответ на свои запросы очень быстро — через неделю. Министр юстиции США Роберт Кеннеди писал в письме к конгрессмену, что не существует доказательств того, что минитмены нарушали какие бы то ни было федеральные законы, но что министерство юстиции будет продолжать заниматься этим вопросом. И от комиссии Уоррена пришёл ответ.

Секретарь комиссии Ли Ренкин обещал, что комиссия проведет расследование и изучит вопрос о возможной связи организации минитменов с убийством президента Кеннеди.

Но обещания министерства юстиции и комиссии Уоррена в дальнейшем не были выполнены.

Только через три года после выстрела в Далласе окружной прокурор Нового Орлеана подтвердил опасения Гонзалеса и Маска, сказав вполне определенно, что некоторые минитмены так или иначе замешаны в заговоре против президента Кеннеди.

Но это случится значительно позже, а в то тревожное для Америки время, на переломе 1963 и 1964 годов, фашист из Норборна был даже доволен шумихой, поднятой вокруг его организации. Судя по наглости, с которой держались он и его ближайшие соратники, вожди минитменов были уверены, что их не дадут в обиду.

Через четыре месяца после убийства Джона Кеннеди газета «В цель» опубликовала следующие весьма полезные советы для семей членов организации:

«Все патриоты Америки, которые были активны в антикоммунистическом движении, сейчас стоят перед лицом чрезвычайной опасности. Еели ты хочешь купить винтовку, покупай ее теперь.

Наступает время, когда почти каждая винтовка любого калибра будет стоить столько, сколько стоит золото того же веса. И всё же твоя жизнь будет зависеть от неё. Почему же не купить её сейчас?

Мы особенно рекомендуем следующие виды оружия: для взрослых мужчин боевые винтовки — 30–06 Гаранд, 7.62 НАТО Ф.Н, 30–06 Спрингфилд или Энфилд, спортивные ружья крупного калибра по желанию, 12-зарядная двустволка, полуавтоматические винтовки.

Для взрослых женщин: Винчестер, модель 100 калибра 0.308, Ремингтон, модель 742 калибра 30–06 или 39.

Для детей старшего школьного возраста — спортивные винтовки 6 мм, 0.243, 0.270, 0.222 калибра.

Для детей младшего школьного возраста: полуавтоматическая винтовка калибра 0.22».

* * *

После разговора с Джо прошло лишь два дня, а от ресторанчика на 8-й авеню меня отделяло уже больше полутора тысяч километров. И вокруг была совсем другая Америка —

спокойная, неторопливая, однообразная, основательная.

Вдоль дороги сплошь тянулись поля картошки. Изредка мелькнет дом с садиком, ударит в глаз солнечный заяц, оттолкнувшись от фольговой блестящей тарелки, вместо пугала висящей на палке (в таких тарелках продают свежезамороженные обеды), — и всё. И опять спокойствие. Машина раздвигает густой медовый запах свежести.

Дорога пустынна. Нью-Йоркская радиостанция, непрерывно приобщавшая нас к захватывающим событиям на гудзонском пирсе (обнаружено контрабандных наркотиков на 20 миллионов долларов), в Центральном парке Нью-Йорка (неизвестный выпустил пять, пуль из пистолета на детской площадке — двое детей убито, один ребенок ранен) и к налаживающимся взаимоотношениям между Ватиканом и покойным Галилеем (Ватикан официально объявил о посмертной реабилитации ученого, признав наконец, что «все-таки она вертится»), затихла еще девятьсот пятьдесят миль тому назад.

Дорогу перебежал заяц. Уши розово просвечивали на закатном солнце. Это окончательно убедило нас с женой, что мы, слава богу, вырвались из бешеной напряжённости американского Востока и достигли благодатных краев — кондовой, ядреной, кряжистой, незамутненной, относительно незаасфальтированной Америки.

Мы приближались к западной границе штата Иллинойс и, соответственно, к восточной границе штата Миссури (Иллиной и Мизури — говорят американцы).

Через реку Иллинойс мы переправлялись не по двухэтажному мосту, где на каждом уровне движутся машины шеренгами по восемь — к таким мы привыкли в Нью-Йорке, — а на ветхозаветном милом и неторопливом пароме. Строгий краснолицый паромщик с зеленой сигарой во рту загонял машины с берега на паром знаками. На нем была солдатская зеленая фуражка, похожая немного на головной убор французского ажана. Она несколько не соответствовала серой рубахе, застиранным синим штанам, сандалиям, красным подтяжкам, тишине вокруг и склонившимся над рекой ивам. От фуражки до сигары паромщик напоминал скорее офицера-регулировщика на переправе. От сигары до сандалий — отца семейства, вышедшего после дневных трудов на бережок речки Иллинойс потрепаться о том о сём с соседями.

Однако паромщик не проронил ни слова. Он изъяснялся только руками, отрывистыми, энергичными жестами. По-военному. Или как баскетбольный судья. Машины — их было четыре, — мягко приседая, въехали на паром, заполнив всю

металлическую палубу. Суденышко крякнуло и с тихим вздохом погрузилось в воду вершка на два — будто из него выпустили воздух.

Был там ещё один строгий и молчаливый дядька. Тоже с сигарой во рту. Он сидел на маленьком металлическом буксирчике, который в глухом абордаже был соединен с паромом. Капитанская рубка буксира была обита потрёпанной фанерой. Чёрной краской на ней были выведены какие-то цифры и одно заборное слово, тщательно соскобленное. Зашумел мотор, и буксир потащил нас к западному берегу реки Иллинойс.

Мы вылезли из машины пофотографировать и поговорить с пассажирами парома. Но никто не последовал нашему, примеру. Всё оставались на местах и сосредоточенно глядели вперед, будто перед ними была дорога, по которой они неслись со скоростью, за которую полицейский, намусолив химический карандаш, выпишет им штраф на 25 долларов. Дядька на буксире был недосягаем для разговора. Полувоенный же паромщик, который командовал нашим въездом на судно, перешел с кормы на нос и стоял там, сосредоточенно глядя на противоположный берег и держа в руках конец тяжелой каторжной цепи. О том, что он живой человек, а не памятник миссисипскому плотоводу времен Тома Сойера и Гекльберри Финна, можно было догадаться лишь по сигаре, которая время от времени перемещалась из одного угла его рта к другому.

На дорожном атласе США «хайвеи» изображаются толстой зелёной, жёлтой или красной линией. Наша дорога № 108 была тонюсенькой голубой и замысловато извилистой. После реки Иллинойс, согласно маршрутному плану, благословленному самим господом госдепом, она переходила в такую же капиллярную дорогу № 96. По ней нам ехать до великой Миссисипи и вдоль нее, вниз по левому берегу до нового парома, который перетащит нас на правый берег.

Процедура составления маршрута для автомобильного путешествия довольно сложна. Она начинается с того, что вы раскрываете у себя на столе карту, изданную госдепом США специально для советских журналистов. Карта окрашена в два цвета: пятна белые (их больше) и пятна красные — их меньше. Впрочем, цветам верить не надо, потому что для советских корреспондентов именно территория, заштрихованная, красным, является «белым пятном»: по этим районам они не имеют права передвигаться вообще — ни пешим ходом, ни автомобилем, ни гужевым транспортом.

Двигаться можно только по белым районам. Вот и приходится вычерчивать свой маршрут так, чтобы не ступить ненароком в

красный лишай. Но и по белым районам можно перемещаться, только поставив об этом в известность государственный департамент за два полных рабочих дня до начала поездки. Все повороты, все дороги — и самые жирные, и самые тощие, все места ночевок необходимо согласовать (и были своевременно согласованы мной) через работника нашего консульства в Вашингтоне с государственным департаментом Соединённых Штатов Америки.

Дорога № 96 шла вдоль самого берега Миссисипи, которая по-английски пишется через 4 «с» и 2 «п». Слева — гора, сплошь закрытая мощной зеленью, справа — развесистые деревья и за густой листвой — река. Наполненная, сильная и пустынная. Ни плота, ни парохода. Помню, еще много лет назад я очень удивился, когда прочитал у Ильфа и Петрова, что Миссисипи пустынна. Я не мог представить эту реку, о которой столько читал в детстве, пустынной. Здесь должны были ходить пароходы, сновать лодки, величаво двигаться нескончаемые плоты. И вот я уже третий раз в жизни сам подъезжаю к Миссисипи и каждый раз не могу избавиться от чувства удивления, видя ее пустынной.

Я остановил машину. Хотелось подойти к самой воде. Но между дорогой и рекой берег оказался топким, из него торчали серые трухлявые коряги, похожие на старческие руки.

Приближался вечер. Солнце с противоположной, правой стороны реки вскользь било лучами по воде и, пробивая листву прибрежных деревьев, ставило на зелени горы, поднимавшейся слева от нас, бесчисленное множество золотых клиновидных печатей.

Мы миновали десяток дощатых домиков, возле которых, как на завалинке, сидели местные фермеры или рыбаки — уж не знаю, все в когда-то голубых комбинезонах, застиранных до белизны, в клетчатых рубахах с распахнутым воротом. Сидели на легких алюминиевых стульях с сиденьями из нейлоновых полос крест-накрест, как у сапожников, выставив вперед к дороге ноги и дымящиеся трубки. Ноги и трубки торчали параллельно. Каждый сидел возле своего домика в одиночку, отдыхая после работы.

На ветвях деревьев хлопотливо готовились к ночёвке не виданные нами красные птицы. Машина медленно двигалась по утверждённому далеким госдепом маршруту — по маленькой, покрытой тем не менее превосходным асфальтом дороге № 96.

Домики были невзрачными. Из небрежно или давно побеленных серых ссохшихся досок. Окна забраны мелкими пропыленными металлическими сетками — от комаров. Те домики, что справа от нас, между дорогой и рекой, стояли на сваях, как на курьих ножках, по щиколотку вымазанных мазутом.

Въедливый и педантичный дорожный атлас. Маккэнли имел для этого десятка домиков звучное название Гамбург.

До Бечтауна, где атлас обещал нам паром, оставалось ещё миль двадцать. Мы медленно ехали, наслаждаясь уединённостью, тишиной, спокойствием, запахами реки и леса.

От молчаливого Гамбурга нас отделяло не больше пяти миль, когда с противоположной стороны холма, на который мы медленно взбирались, неожиданно выскочила навстречу длинная легковая машина с открытым верхом. Увидев нас, водитель её круто свернул вправо, на обочину, хотя на дороге оставалось достаточно места, чтобы разминуться, и остановился. Через секунду я увидел направленное в нас дуло винтовки. В нас целился парень в белой рубашке. Он стоял в машине во весь рост.

В сонном, размытом спокойствии дороги № 96 резко очерченная дырочка винтовочного дула была настолько неожиданной и странной, что мы с женой не смогли отреагировать на неё сразу должным образом.

— Кажется, нас снимают для телевидения, — сказала жена, несколько лет проработавшая на Шаболовке в Москве.

Мы всё так же медленно приближались к машине. Парень вёл винтовочную мушку за нами, не отрывая её от уровня нашего ветрового стекла.

В машине было ещё человека четыре — все молодые, лет по двадцать пять, с загорелыми лицами, в белых рубахах.

Машины сближалиеь. От винтовочного дула нас уже отделяли только четыре шага. А я всё никак не мог принять всерьёз это дуло. Всё ждал, когда компания расхохочется, и потому не спешил нажать на акселератор. Но вместо лиц смеющихся я увидел красные, напряжённые лица и глаза, которые, наверное, были не добрее, чем чёрный зрачок винтовки.

Выстрела, однако, не было.

Я нажал на педаль акселератора. «Форд» понесся по узкой дороге. Солнечные треугольные печати слева слились в сплошную золотую клинопись. Справа солнце выбивало сквозь деревья бешеную световую, морзянку.

В боковое зеркало я видел, что парень с винтовкой все продолжает «вести» нас под прицелом. Остальные что-то кричали ему, размахивая руками. Водитель быстро развернул машину и поехал за нами.

Это было похоже на классические голливудские гонки. Нас даже немного заносило на поворотах, как полагается, в таких случаях.

Но вот у подножия холма асфальт вдруг кончился. Его сменил гравий и красный песок. За нами поднялась пылевая

завеса. Мы потеряли белую машину из виду. По днищу дробно били мелкие камешки. Из-под колёс взлетали и садились на ветки деревьев тяжелые красные птицы.

Проехав миль пять, мы увидели узкий, прорытый в глинистом холме поворот налево, в сторону от реки.

Новая дорога была совсем узкая, похожая на траншею — не разъехаться двум машинам. Мы решили свернуть туда, чтобы запутать неожиданных преследователей. Потом, с той же целью, еще несколько раз сворачивали то влево, то вправо, на глинистые дороги. Я уже потерял представление, как проехать к Бечтауну, к заветному парому. Спросить было не у кого — за всё время гонок и плутания мы не встретили ни одного человека. В атласе дороги, по которым мы крутились, обозначены не были.

Наконец на склоне холма показалась ферма. Это был такой же дом, какие мы видели недавно в Гамбурге. Неподалёку дощатый сарай.

Я остановил машину. Подошел к двери. В доме раздавались голоса. Постучал. Никто не ответил. Постучал ещё раз — тот же результат. Крикнул: «Есть здесь кто-нибудь?» И снова никто не отозвался. А в доме, я явственно слышал, продолжали разговаривать. Я подошел к окну, откуда разговор доносился громче. Постучал по пыльной сетке. Никакого впечатления. Постучал по раме кулаком. Ничего. А разговор всё продолжался.

Я прислушался.

— Ты был у Нэнси! — донеслись из окна слова, сказанные женским голосом.

— Клянусь, это не так, — решительно ответил мужчина.

— Подлец! — сказала женщина не менее решительно.

— Прошу тебя, не прыгай! — сказал мужчина с ноткой отчаяния.

— Теперь мне всё равно! — произнесла женщина громким шёпотом.

— Не пры-ыгай!! — завопил мужчина. Всплеск воды. Затем все стихло. В комнате не дышали. «Куда она могла пригнуть и откуда?» — подумал я. Прошла ещё секунда тишины. Неожиданно за окном послышалась музыка. И энергичный мужской голос (другой по тембру) произнес: «Рулоны нашей туалетной бумаги на 50 футов длиннее рулона любой другой фирмы. Наша бумага двойная. Она украшена цветочками и издает запах, который вы можете встретить в парижских салонах красоты…»

Я заглянул сквозь решетку окна. Посреди комнаты светился экран телевизора. Молодой человек в нем улыбался и демонстрировал рулон туалетной бумаги, действительно покрытой цветочками.

Но зрителей у телевизора не было. И, насколько я мог видеть, в комнате вообще никого не было. Не было, надо понимать, никого во всём доме. Не было никого вокруг. Только ходила возле сарая курица, приволакивая ногу. Где-то рядом текла пустынная река Миссисипи. Где-то неподалёку ехали в белой машине с открытым, верхом странные молодые люди с напряжёнными лицами. Где-то сидели на нейлоновых стульчиках одинокие фермеры, выставив к дороге ноги и трубки. А здесь в абсолютном одиночестве элегантный молодой человек рекламировал туалетную бумагу, украшенную цветочками и издающую замечательный запах.

Через час, не встретив ни одной души, в потёмках каким-то, чудом мы всё-таки добрались до Бечтауна. Он был как две капли воды похож на Гамбург — тот же десяток домиков. С той только разницей, что уже не было фермеров на складных нейлоновых стульчиках. Кое-где в окошках домов горел свет. Но на дороге — ни одного человека. Несколько раз мы проехали туда и обратно вдоль городка. Но так и не увидели никакого парома. Пришлось стучаться в чей-то дом, где светилось окошко.

За дверью скоро послышались шаркающие шаги, потом женский голос произнёс неприветливо:

— Что нужно?

Но это был настоящий, человеческий, не телевизионный голос. Я спросил о пароме. За дверью долго молчали, потом подозрительно поинтересовались:

— А вы откуда? И кто такие?

Я решил, что сообщение о нашем московском происхождении вряд ли сделает женщину разговорчивее, и просто назвался путешественником, которому нужно перебраться на другую сторону Миссисипи.

— Вэкэйшн? — спросила женщина требовательно, всё ещё не открывая двери.

— Да, да, вэкэйшн, отпуск, — поспешно согласились мы.

За дверью подумали мгновение и заключили с ещё большей неприязнью:

— На вэкэйшн здесь не ездят. Эти места не для вэкэйшн.

Наверное, женщина была абсолютно права. Я сказал, что мы сбились с пути и разыскиваем паром в Бечтауне.

— Парома нет уже три года, — отрезали за дверью. (Вот тебе на! А как же замечательный, превосходный, преподробный дорожный атлас Маккэнли?) — Да, да, уже три или четыре года. Странно, что вы не знаете.

Женщина за дверью, очевидно, накапливала всё больше оснований для своей подозрительности.

— А где же паром?!

— В Гамбурге.

Ехать обратно в Гамбург ночью, по той же дороге, по которой мы улепётывали от молодчиков с винтовкой, — эта перспектива была не самой радостной. Но ведь от госдепа не оберёшься неприятностей, если не переправимся сегодня через Миссисипи.

— Только он сейчас не работает. Он ходит только до шести вечера, — добавили за дверью строго.

Это меняло дело. Это было обстоятельство, которое я не мог предусмотреть при составлении маршрута. Теперь мы, наверное, имеем право переночевать где-нибудь в отеле.

— Где здесь отель, скажите, пожалуйста, — как можно вежливее обратился я к закрытой двери.

— Чего захотели — отель! — по голосу, было слышно, что там возмутились. — Я говорю вам, что места не для вэкэйшн.

— Неужели негде переночевать?

— В Брюсселе. Миль двадцать вниз по реке. Там, кажется, есть отель. «Уитмонд». Ну всё.

И мы услышали удаляющееся шарканье, так и не увидев нашей собеседницы.

Делать было нечего. Брюссель так Брюссель.

И машина покатила в тоннеле из деревьев на юг вдоль великой реки, которую уже давно не было видно в темноте, но которая чувствовалась здесь во всём, даже ночью.

* * *

Довольно странная история происходила с этой странной организацией под названием «минитмены».

На глазах у полиции минитмены проводили военные маневры в самом центре Соединённых Штатов.

На глазах у военных они крали оружие, брали в плен солдат регулярной армии, надевали полковничьи погоны и отдавали приказы военным подразделениям.

На глазах ФБР они опубликовали списки людей, которых собираются прикончить, призывали к убийству президента Кеннеди, печатали подробнейшие инструкции — как убить человека, как скрыться от ФБР, как изготовить отравляющие вещества.

На глазах ЦРУ они поддерживали теснейшие связи с кубинскими контрреволюционными эмигрантами.

Представьте себе на секунду, что всю эту деятельность кто-нибудь приписал американским коммунистам.

О, какие шумные процессы развернулись бы по стране! Какие сногсшибательные доклады публиковали бы ФБР и ЦРУ. Какую тревогу подняли бы военные.

Ну, а минитменам все сходило с рук.

Судя по тому, что появлялось в печати о минитменах и о мерах, предпринятых против их экстремистских действий, трудно не укрепиться в убеждении, что кто-то весьма могущественный покровительствовал им. Могущественный не только в. финансовом смысле (об этом ещё пойдет речь), но и в административном. Их патрон должен был обладать незаурядным куском государственной власти.

После убийства Джона Кеннеди в министерство юстиции продолжали поступать запросы от простых граждан и от сенаторов по поводу действий минитменов.

В августе 1964 года министерство юстиции США опубликовало официальный ответ:

«Министерство юстиции наблюдало за действиями минитменов в течение нескольких лет. Однако правительство не обнаружило с их стороны действий, которые следовало бы пресечь или за которые следовало бы привлечь кого-либо к ответственности. Мы не располагаем данными о том, что сии действия выходят за рамки осуществления прав на свободу слова, печати и собраний, гарантированных первой поправкой к Конституции, или нарушают какие-нибудь федеральные законы.

В настоящее время нет также необходимой информации, которая оправдала бы включение этой организации в список № 1045 министра юстиции, относящийся к Федеральной программе безопасности и называемый иногда „списком подрывных организаций“.

В соответствии с нашими законами, в частности параграфом 18 статьи 960 свода законов США, такие действия, как сбор оружия, проведение сборов для обучения людей военной тактике на территории Соединенных Штатов, могут считаться нарушением закона только в том случае, если эти действия направлены на подготовку военной экспедиции или мероприятий против иностранной державы, предпринятых с наших берегов. (Вспомним, однако, вторжение на Кубу в 1961 году, когда организаторы „мероприятия против иностранной державы“ не понесли никакого наказания, кроме наказания, полученного от кубинских патриотов. — ***Г. Б.***) В данном же случае цель группы состоит в военном обучении индивидуумов для самозащиты в случае вражеского вторжения.

Мы продолжаем пристально следить за действиями этой группы».

Таков был ответ министерства юстиции (в то время его главой был уже не Роберт Кеннеди).

Надо полагать, однако, что министерство юстиции приходило к своим выводам о деятельности минитменов на основе информации, которой снабжала его мощнейшая и дорогостоящая организация под названием Федеральное бюро расследований, возглавляемая властолюбивым стариком по имени Эдгар Гувер.

Фразы «мы следили за действиями этой организации в течение нескольких лет» и «мы продолжаем следить пристально за действиями этой организации», конечно, прямо относятся к слежке, которую должно было вести ФБР.

Пожалуй, впервые о минитменах Эдгар Гувер сказал публично 19 мая 1965 года. Он посвятил им около 600 слов в речи на совещании в одном из подкомитетов, палаты представителей конгресса.

Вот что сказал тогда Гувер: «Мы долгое время интересуемся этой организацией минитменов, и наше расследование продолжается. Мы смогли проникнуть в организацию, и наши информаторы держат нас постоянно в курсе всей ев деятельности…» И дальше следовало то заключение, к которому пришло ФБР в результате изучения организации минитменов. Это заключение было удивительно спокойным.

«Депю — единственный известный лидер этой организации и один из ее немногих членов, — сказал Гувер. — Он её единственный официальный представитель и оратор. Во многое, что он говорит, действительно трудно поверить… Он утверждает, что в ней состоит „более 25 тысяч человек“, однако нет существенных свидетельств, которые опровергали бы мнение о том, что минитмены представляют собой бумажную организацию, число членов которой достаточно лишь для того, чтобы время от времени провоцировать газетные заголовки».

Поражает здесь не только подчёркнуто успокоительный тон первого официального сообщения о минитменах со стороны ФБР. Поражает ещё и другое весьма пикантное обстоятельство.

Дело в том, что почти за год до выступления Гувера, в газете «Вашингтон пост» от 18 ноября 1964 года, была опубликована статья о минитменах, написанная журналистом из Канзас-Сити Д. Гарри Джонсом. Этот журналист, пользовавшийся доверием Депю, много времени проведший в штаб-квартире, минитменов, часто писал о них. Оказалось, что сообщение Гувера… слово в слово переписано из статьи Джонса

Людям, знающим принцип учреждения, которое возглавляет Эдгар Гувер, вряд ли придет в голову возмущаться плагиатом, совершенным им или чиновником, который готовил ему

выступление. Возмущаться американцам следовало лишь тем, что, как стало ясно, ФБР либо не имело собственной информации относительно минитменов, либо скрывало эту информацию от правительства.

Во всяком случае, журналист Д. Гарри Джонс, которого обворовал сам генеральный директор ФБР, рассказывал позже: «Я должен признать, что чувствовал себя более польщенным, чем оскорбленным таким плагиатом. Но после того как удовольствие прошло, один, вопрос поразил меня: знает ли действительно правительство что-нибудь о минитменах? У меня сейчас много причин сомневаться в том, что оно тогда знало что-нибудь…»

Скрывал ли Гувер действительное положение вещей от правительства Соединённых Штатов и от общественности? Или действительно ничего не знал о минитменах, кроме того, что было опубликовано в газете «Вашингтон пост», — я не берусь судить. У меня нет данных, которые мне позволили бы прямо утверждать одно и отвергать другое. Но опыт деятельности этой могущественной организации больше говорит за первое предположение, чем за второе. Журналист поспешил рассказать Депю о странном плагиате. Можно лишь догадываться о реакции минитменовских руководителей. Не лишено смысла предположение, что Депю воспринял это как успокоительный сигнал: дескать, действуйте, мы вам не мешаем. В дальнейшем Гувер не единожды публично упоминал о минитменах. И каждый раз делал это в таком тоне, чтобы дать понять: внимание к минитменам проявлять не следует, эта организация не представляет никакой опасности.

22 сентября 1966 года Гувер публично заявил, что у минитменов не более 500 членов… 16 февраля 1967 года он подтвердил ту же цифру… В феврале 1968 года сказал, что в минитменах состоит меньше 500 человек. И, наконец, ФБР заявило, что вожди минитменов могут рассчитывать только на… 50 человек.

Но жизнь показала другое.

* * *

Организация минитменов, осуществляя права на «свободу слова, печати и собраний», скоростными темпами готовила своих людей «к боям».

Для этого минитмены создали несколько «школ партизанской войны». Обычно школа располагалась на большой уединенной ферме где-нибудь среди пастбищ. Там не Нью-Йорк. Там скачи,

скачи, хоть целый день скачи — не увидишь ничего, кроме полей. Тишь. Глушь. Нутряная Америка, о которой и говорил мне в своё время перед началом поездки чиновник из ААА с закутанным горлом.

Мне хотелось бы передать здесь слова слушателя одной из этих школ. И даже привести записи из его блокнота — так сказать, конспекты лекций.

Вначале несколько выдержек из брошюры — учебника, который раздавали участникам «семинара по партизанской войне». Такой семинар состоялся 28 и 29 сентября 1963 года неподалёку от Темкекулы, штат Калифорния. Брошюрка попала в руки генерального прокурора штата мистера Линча. Вот почему я имею возможность её здесь цитировать. «Газ метан, или нервный газ, можно получить, если маленькие кусочки тефлонового пластика вложить в сигарету. Результаты всегда смертельны и почти всегда немедленны.

Полная формула изготовления нитроглицерина приводится на стр. 2. Осторожно!!! Не допускать неопытных!!!»

Это пример того, как обучают. А вот пример того, как обучаются. В 1965 году недельные сборы группы минитменов проводились неподалёку от Канзас-Сити. Занятия вели сам Депю и его ближайшие помощники. Одну из тетрадей с конспектами «лекций» случайно нашел полицейский из Канзас-Сити. Записи сделаны карандашом. Каждая фраза в книжке начинается с новой строки.

«Первоначальная задача партизанских действий — психологический, эффект… Мы должны победить в психологической войне… Мы должны сломить дух врага… Крепить дух минитменов… Несколько типов угроз… Левому радиожурналисту была послана посылка — коробка со скорпионом внутри… Изучи, как открывать любые замки, — это не трудно… Заходи в штаб-квартиры „мирников“, запомни все, что увидишь в комнате, а потом в угрожающем анонимном письме к ним опиши их комнату — они будут знать, что за ними следят… Угрозы почтой — очень действенны… Возьми кристаллы йодина (дальше идет рецепт взрывчатого вещества). Это очень опасно. Само детонирующее средство. Положи под дверь и уйди… Если лидер группы в Ныо-Джерси считает необходимым связаться с лидером в Калифорнии, он должен делать это через национальное руководство… Человеку, которому вы доверяете сегодня, вы, может быть, не будете доверять завтра…»

Затем следует подряд несколько страниц, где на каждой строчке стоят лишь два слова: слева «красный», справа — ругательство. Затем слева — ругательство, а напротив него —

«красный». Видимо, это была лекция по воспитанию ненависти…

Подготовить врага психологически к поражению — это целая система мер, разработанная руководителями минитменов и передаваемая рядовым членам во время тайных военных сборов в разных концах страны. Эта система предусматривала, например, и такие мероприятия. Если у «объекта обработки» есть во дворе плавательный бассейн, то в бассейн следует незаметно влить две канистры бензина и поместить небольшой взрыватель. Взрыв и вспышка пламени на поверхности бассейна, как указывается в инструкции, «должны произойти в тот момент, когда „объект“ уже вошёл в воду или собирается войти. Если взрыв произойдёт в отсутствие „объекта“, то этим будет достигнут лишь психологический эффект».

На семинаре внушали: весьма успешно можно действовать на психику «интеллигентов левого направления» телефонными звонками поздно ночью, часа так в два или три. Человек спросонья берет трубку и слышит голос: «Мы всё про тебя знаем, интеллигентская сволочь. Мы расстреляем тебя одним из первых, как только настанет ДЕНЬ». И так подряд несколько ночей. Если тот, кому звонят, знает голос, то инструкция советует сделать по-другому: позвонил и молчи. Дыши в трубку. Чтобы тот спросонья терялся в догадках. Чтобы слышал только тяжелое дыхание, «чтобы у него возникло ощущение, будто кто-то стоит над ним с ножом или пистолетом, кто-то постоянно следит за ним, знает о каждом движении, дышит в затылок…».

Не так давно минитмены ночью разбросали на улицах городах Рузвельт на. Лонг-Айленде, где живёт 60 процентов белых и 40 процентов негров, листовки такого содержания: «Убивайте БЕЛЫХ ДЬЯВОЛОВ… Мы убьём белого человека. Мы получим удовольствие от белой женщины. Мы размозжим черепа белых младенцев о стволы ближайших деревьев. Готовьтесь. Ваша гибель близка. Скоро начнется… Чёрная власть».

На другой день жители белых кварталов принялись создавать отряды самообороны.

Такая провокационная литература у минитменов называется «вспомогательной».

* * *

Отель в Брасселсе (Брюсселе) рекламировался так: «„Уитмонд хотэл“ — современные удобства, семейные обеды, вкусные сэндвичи». Под словами «вкусные сэндвичи» стоял широкоплечий высокий человек и щурил глаза на наши фары. Он был одет вполне по-городскому, при галстуке бабочкой. Разглядев машину и нас как следует, он молча повернулся и вошёл в дверь отеля.

Когда мы проследовали через несколько минут за ним с вещами, он стоял около деревянной лестницы, которая вела на второй этаж. На вопрос, нельзя ли переночевать, последовал жест рукой вверх вдоль лестницы.

Лестница скрипела совсем по-домашнему. И все в этой двухэтажной деревянной гостинице было домашнее. Вышитые салфетки на старинном комоде. Обои в цветочках. Ситцевые занавески. На полу не было нейлонового от стены к стене ковра, а лежал вытертый половичок. Нейлоновый же покоился длинным трупом, завернутым в холстину. Водопроводный кран, прежде чем подать в умывальник струю воды, зафыркал, как кот, увидевший собаку, потом плюнул жёлтой огнетушительной пеной, а после этого торжественно запел. Пел он, естественно, трубным голосом и страстно дрожал. Регулируя воду краном, можно было с успехом сыграть на водопроводных трубах несложный ноктюрн.

Всё здесь было очень домашнее и мирное.

Умывшись и наигравшись на водопроводных трубах успокоительных мелодий, мы спустились вниз. Вестибюль отеля был разделен на три части, В одной — маленькой — стояла небольшая конторка, за которой жена хозяина (им оказался тот высокий молчаливый человек) записала нас в книгу постояльцев. Вторая часть являла собой небольшой универмаг, в котором продавалось все, начиная от небольшого трактора и кончая леденцами. За прилавком хозяйничала жена владельца отеля. И, наконец, третья часть была баром. Функции бармена выполняла опять жена отельщика.

Сам хозяин сидел с тремя посетителями бара за столиком, накрытым красно-белой клетчатой скатертью, и о. чем-то вполголоса беседовал.

Вдоль стены на полках стояли бутылки, подсвеченное сзади. А над ними висели во множестве охотничьи ружья, боевые винтовки. И их было никак не меньше, чем бутылок. Вычищенные и смазанные стволы сыто лоснились. В ложи и приклады можно было смотреться, как в зеркало. Боевого снаряжения было так

много, что казалось, владелец мирного отеля с вышитыми салфеточками на ручках кресел и музыкальным водопроводом собирается сегодня ночью совершить с сотней приятелей набег на соседнее иностранное государство — потоптать посевы и увести в полон женщин.

В ожидании набега винтовки висели на крючьях, покоились на кронштейнах, стояли в козлах, перекрещивались буквой Х, расходились буквой Ж и лепестками гигантской ромашки. Я сейчас уж не могу точно описать всю замысловатость ружейного орнамента. Помню только, что одно солидное боевое изделие было укреплено на двух подковах, которые, надо полагать, не сулили счастья мишени.

У винтовок был вовсе не коллекционный вид. Ни одного старинного, заржавленного, театрального. Все ухожены и все достаточно современны.

Наверное, мы с особым вниманием в тот вечер рассматривали винтовки, потому что толстая и говорливая жена хозяина спросила участливо:

— Любите оружие?

— Да как вам сказать, — замялся я. После сегодняшнего как-то неловко было говорить на эту тему.

— А мой муж любит, — и подала нам по запотевшей бутылочке «севен-ап».

Муж — высокий, крупный дядя в белых штанах, белой рубашке с засученными рукавами, при галстуке бабочкой — проводил трёх своих приятелей и подошёл к нам.

— Вы, значит, из Нью-Йорка, — сказал он утвердительно. — Ну и как вам наши места?

Последнюю фразу он тоже произнес вполне утвердительно. Будто заранее знал ответ.

Я рассказал ему вкратце о случае на дороге. Он слушал безо всякого удивления. Стоял, прислонившись к стойке, окружённый винто-бутылочным ореолом. И винтовки и бутылки были очень удобные, ухватистые.

Хозяйка несколько раз охала и всплёскивала руками. Но не произнесла ни слова, только бросала выжидательные взгляды на мужа — что тот скажет. Когда я кончил, муж немного помолчал, потом спросил:

— А винтовка была зачехлена?

— Нет.

— Это — нарушение закона. Нельзя ездить в машине с незачехлённой винтовкой. У нас такой закон в штате. Вы не заявили в полицию?

— Нет.

— Зря. Не так много у нас здесь белых машин с открытым верхом, могут быстро найти.

Сказал и замолчал. А хозяйка, будто получив разрешение, запричитала:

— Ну вы подумайте! Вы только подумайте! Что творится! Хороши шуточки! Делают что хотят. — Она при этом проворно вытирала стаканы. — Я по той дороге уже несколько лет не езжу. Убьют — никто даже и трупа не найдёт… Вы знаете, мы раньше никогда дверь не закрывали на ночь. А теперь закрываем. И постояльцам советуем комнату — на щеколду. Вы свой номер тоже на ночь на щеколду прикройте…

— Кто же здесь этим занимается? — спросил я.

Хозяйка сделала большие глаза и сказала, понизив голос:

— ***Странные*** люди.

— Странные?

— Да, да, ***странные*** люди появились здесь, — повторила хозяйка. — Вот уже несколько лет. С винтовками ходят. В военных кепочках. В чёрных очках.

— Минитмены? — спросил я.

— Кто?

— Минитмены.

— Не знаем, — строго вмешался хозяин. — Про таких не слышали.

И хозяйка замолкла.

— Вы бы позвонили шерифу, — предложил хозяин. — Он, правда, в другом графстве, но это недалеко.

Рядом стоял телефон. Однако хозяин показал мне другой — автомат, куда надо было бросить денежку. Автомат находился рядом со стойкой, в той части вестибюля, которая служила универмагом. На стойке стоял плакатик, извещающий, что цена на гвозди снижена на 1 цент. За мирным гвоздевым плакатиком лежал на стойке невидимый покупателю тяжелый кольт. Хозяин поймал мой взгляд, но не прореагировал. Мол, а что ж такого: ну лежит себе восьмизарядный кольт и лежит… Будто стойка, где продают гвозди, и есть самое подходящее место для него.

Я позвонил. Шерифа на месте не оказалось. Но приветливый женский голосок выразил готовность записать мою историю и доложить шерифу. Я рассказал как можно короче.

— Жена в госпитале? — деловито осведомился голосок, когда я замолчал. Я вначале, опешил, потом понял и объяснил, что выстрела не было, в нас только целились.

В трубке протянули с удивлением:

— Ах, только целились?! — и затем зарегистрировали: — Ага, вы-стре-лов не было…

Потом была пауза и вопрос моей собеседницы:

— Ну и что же?

— Да ничего! — Мне уже начинало надоедать глупейшее моё положение. — Просто я считал, что, может быть, шерифу будет интересно узнать, как встречают в Иллинойсе иностранного журналиста. Может быть, шериф разъяснит мне — везде ли нас будут так встречать. И, кроме того, мне сказали, что незачехлённая винтовка в машине — это нарушение закона.

— Ах да, незачехленная винтовка, — молвил голосок равнодушно. — Это верно. Я доложу шерифу, как только он придёт. Или позвоню ему домой. А он позвонит вам. Или даже приедет. Если найдёт нужным. Он, конечно, этого так не оставит…

Когда я вернулся в бар, хозяин все так же стоял в светящемся бутылочном ореоле, хозяйка, сложив руки на стойке, рассматривала мою жену. А за стойкой на высоком стульчике сидел небритый пожилой дядька в синем застиранном и слинялом комбинезоне, в клетчатой рубашке с расстегнутым воротником и в клетчатой кепочке с кнопкой. Дядька был небрит, щетинист, на шее, на том месте, где у хозяина отеля помещался галстук-бабочка, у него виднелся навечно загорелый, продубленный солнцем и ветром треугольник. Шея сзади была выложена морщинами, будто еловыми веточками. Только веточки были не зелёные, а чёрные. Дядька в комбинезоне пил пиво из только что откупоренной для него банки «Шлиц».

— Я, вообще-то говоря, в Россию собирался раза два, — сказал хозяин. — Один раз совсем было собрался на две недели с делегацией фермеров. Но тут пришло время платить налоги. И я остался. У меня здесь были с этим делом осложнения.

Дядька в комбинезоне закивал головой, мол, действительно, сложности у мистера Уитмонда были. Только как-то он несерьезно закивал. И хозяин даже посмотрел на гостя осуждающе.

— А в другой раз уж и не помню, что меня задержало. Знаете, с Россией трудно. То в газетах говорят: Россия ничего, русских можно любить. Во время войны, например. Потом говорят — нет, вы должны ненавидеть русских. Никогда не разберёшь, когда что. Только начинаешь вас любить, глядь, а уже говорят — пора ненавидеть. Только рассердишься, — а уже пришло время опять с симпатией.

Я засмеялся, но хозяин был абсолютно серьезен.

Комбинезон, слушал с интересом и всё кивал головой.

— Ха, — сказал он вдруг и глянул на отельщика хитро, — у него тут с русскими старые шашни.

Хозяин посмотрел на меня серьёзно и пояснил:

— Это он про моего племянника, сына моего брата. Сейчас его здесь нет, уже лет шесть, как уехал. Странный был человек. В бога не верил. Никому не верил. Только в себя верил. И представьте, начал вдруг изучать русский язык. Уж не знаю, почему в голову стукнуло ему. Возможно, из упрямства. Никто, мол, не изучает (у нас тут вообще иностранные языки не в почёте), а я вот возьму и научусь. Купил себе русскую машинку. Я не знал об этом. И вот однажды у себя на ферме нахожу листки бумаги с русскими буквами. Ну я сразу решил — шпионское дело. И — в полицию, к тому самому шерифу, которому вы звонили. Тот говорит: нет сомнения, русский шпион. Откуда ещё тут, на Миссисипи, взяться русским буквам! Сообщили в ФБР, Приезжали из Сан-Луиса. Всё перерыли, всех переполошили. Было как раз время, когда нам надо было вас очень ненавидеть. Ну а оказалось, что это мой племянник. Мне неприятно. А ему — хоть бы что.

— Мистер Уитмонд у нас вне подозрений, — сказал щетинистый и долго смеялся своими голубыми глазками из-под клетчатой кепочки.

Хозяин, по всему видно, был человеком серьезным. — Да, жалко, что не поехал, — повторил хозяин, — налоги надо было платить.

— У мистера Уитмонда большие налоги, — опять встрял владелец комбинезона с помочами.

Мистер Уитмонд с достоинством объяснил, что дела его действительно идут не худо…

Здесь поблизости два парома — один через Миссисипи, а другой — через Иллинойс. Поэтому проезжего народа много. Кроме того, Минни отлично готовит, немецкие блюда. Здесь, в этих окрестностях, живут в основном выходцы из Германии. По-немецки, правда, уже мало кто говорит, но немецкую кухню любят.

Насчёт языка мистер Уитмонд объяснил, что в своё время был закон, запрещавший говорить на каком бы то ни было языке, кроме английского. Во время войны немцев считали плохими американцами. И те, кто знал немецкий, постарались его забыть поскорее. Но всё-таки немцев здесь много. А Минни своё дело знает. И два парома рядом — это не шутка, поэтому ресторан при отеле процветает. Сюда приезжают из Сак-Луиса на уик-энд.

Вообще-то у него есть земля. Но он её не обрабатывает, а сдает в аренду. И за то, что, не обрабатывает, получает от правительства деньги. Потому что, как, конечно, мне известно, в Америке перепроизводство хлеба и приходится сдерживать фермеров.

— Ну и потом, сами знаете, что такое фермерская работа, — продолжал пояснять хозяин, почему-то назидательно глядя на клетчатую кепочку своего гостя. — Фермерскую работу надо любить. Надо любить работать по двадцать часов в сутки и по ночам любить вставать и идти проверять коров. Надо любить фермерскую работу. И быть скромным. Потому что если, ты собираешься быть фермером и каждый вечер при этом пьешь, то разоришься наверняка.

Владелец клетчатой кепочки дул уже третью банку, закусывая только солёными орешками, которые были насыпаны горкой в розетке. И молчал.

— Но вообще-то говоря, — смилостивился хозяин, — на восьмидесяти акрах, не проживешь. Поэтому фермеры, чтобы прожить, мало того что по двадцать часов в сутки работают, так ещё ездят в Сан-Луис подрабатывать по вечерам. Двадцать лет назад бушель пшеницы стоил два доллара, а сейчас один доллар. А цены на товары в три раза выше, чем двадцать лет назад… Так что сами понимаете. Каждый конечно, надеется, мол, ничего, я выдержу, а сосед разорится. И когда он разорится, мои дела пойдут в гору и, может быть, я даже прикуплю кусок его земли. Но надежды обычно не сбываются, и разоряются оба. И кто-то третий покупает землю обоих. И они работают на этого третьего…

Хозяин говорил все это спокойно и громко — как, видимо, говорил всегда, о чем бы ни зашла речь. И смотрел при этом на клетчатую кепочку выразительно.

— Да ну, ерунда всё это, — вдруг ответил громко человек в кепочке. — Ерунда — деньги, деньги. Да у меня, если хотите знать, денег куры не клюют! Только некуда их тратить здесь. Ну на что их потратишь? Ну три банки пива выпьешь — вот и всё… У меня денег куры не клюют. Принципиально!

Он немного помолчал, потом без особой связи перешёл от кур к коровам:

— Я своих коров наизусть знаю. Наизусть. Вот этими руками, — он отставил свою банку и поднял перед собой обе руки, — вот этими руками от каждой по пять галлонов в день. Потому что наизусть!

Он ещё помолчал. И потёр лоб рукой. Видимо, вспомнив что-то, крикнул:

— А на хозяина, плевал я! Я у него с двадцать девятого года. Раньше он мне говорил — ну-ка иди, бой, работай, поторапливайся. Я поторапливался. А теперь я ему говорю — иди ты знаешь куда?! Потому что я его тоже наизусть!

Ему, видимо, очень понравилась мысль о том, что он познал

своих коров и хозяина, проник во все их тайные помыслы, замыслы и желания, видит их насквозь. Поэтому он произносил слово «наизусть» особенно старательно и громко.

— Завтра в пять утра — вот этими руками — пять галлонов. Понятно! А деньги! Что деньги. Девать их просто некуда.

Хозяин отеля стоял возле своих бутылок и слушал внимательно, серьезно, иногда покачивая головой. Не прерывал.

Небрежным жестом человек в кепочке бросил на крепкую, толстую, навечно сделанную стойку бара две смятые долларовые бумажки. Хозяйка поднесла их к кассе. Нажатие кнопки, щелчок, чавканье, из кассы выехала разделенная на гнезда доска с зажимами для бумажных денег, похожая на талер наборщика. Снова щелчок, чавканье, талер скрывается в металлическом нутре кассы, и на стол аккуратно ложатся три четвертака сдачи. Человек в кепочке сгребает ладонью два четвертака, а третий, изобразив губами некое пренебрежение, оставляет лежать на стойке.

Приподняв клетчатую кепочку и обнаружив редкие седые волосики на буром, отполированном, как стойка бара, черепе, он удаляется.

Хозяин внимательно смотрит ему вслед. Покачивает крупной головой. Потом, вертикально опускает указательный палец на оставшийся после ухода гостя четвертак и с медленной задумчивостью движет его к кассе. Там четвертак перехватывает жена. Щёлк-чавк — выехал агрегат из днища. Четвертак достойно лег в полагающееся ему гнездо.

— Вот как раз то, о чем я вам говорил, — сказал хозяин назидательно. — У него была когда-то своя земля. Разорился. И теперь на этой же земле работает, но на другого. Несерьёзный человек. — Хозяин сморщил нос и помотал головой. — Ему этот четвертак кровью достается. А видите, как он его пренебрежительно… Вы, конечно, поняли, в чем тут дело, когда он говорил, будто у него денег куры не клюют… Гордыня.

— И каждый день к нам ходит, — подхватила хозяйка, вытирая тряпкой ту часть стойки, за которой сидел несерьёзный человек. — Свои три банки выдувает. Хочет показать, что ему всё нипочем.

— В фермеры вообще-то идут люди самостоятельные, — сказал хозяин. — Фермер не хочет ни от кого зависеть. Ни от кого получать зарплату. Он сам себе устанавливает рабочий день. И даже субсидий от банка не хочет получать. Но разве сейчас можно без субсидий? Нельзя. Без субсидий — быстренько разоришься. Правда, с субсидиями тоже разоришься, если у тебя меньше восьмидесяти акров.

— А сколько у вас земли? — спросил я.

— Триста пятьдесят акров, — сказал хозяин с достоинством. — Это не очень много, но и не мало. Здесь, во всяком случае, у меня самый крупный надел.

— Значит, ваш доход — земля и отель?

— В основном, — сказал хозяин.

— А ещё что? — поинтересовался я и вынул записную книжку.

— Ещё у меня магазин. Самый большой в городе.

— Я записал.

— Ещё я директор правления местного банка.

— Я снова записал.

— И директор почты.

— Я записал и это.

Ну уж тогда всё пишите, — сказал хозяин серьёзно.

— Что же ещё?

— Владелец местной газеты. И представитель города в правительстве штата.

— Значит, вы — вся законодательная и исполнительная власть в городе?

Я думал, что сказал это в шутку. И мне стало немного не по себе, когда хозяин ответил спокойно и с достоинством:

— В общем, да.

— А полиция? — спросил я. — Есть у вас полиция?

— Полиции нет.

— Кто же поддерживает порядок?

— Порядок у нас устанавливается сам собой, — сказал хозяин отеля снова без улыбки. — Так сказать, стихийно.

Я думал, он сейчас глянет на лоснящиеся винтовки. Но он не глянул. Он зевнул и спросил, во сколько надо нас будить…

Мы уехали из отеля «Уитмонд» на другое утро. Шериф не звонил. Никто от него не приезжал. Порядок устанавливался стихийно…

Тут как раз и написать бы такую фразу: «Вспомнились мне слова Фолкнера…» — и дальше цитату на страницу.

Но нет, я тогда не вспомнил слова Фолкнера. Память принесла лишь ощущение, испытанное при чтении его «Деревушки». Только после возвращения из поездки вдоль Миссисипи я нашёл ту страницу.

Извините меня за длинную цитату. Однако я рискую привести её, так сказать, в интересах дела:

«Их потомки (речь идет о потомках первых американских поселенцев на Миссисипи. — ***Г. Б.***) также сажали хлопок в долине и сеяли кукурузу по скатам холмов и на тех же холмах, в

укромных пещерах, гнали из кукурузы виски и пили его, а излишки продавали. Федеральные чиновники приезжали сюда, но уже не возвращались. Кое-что из вещей пропавшего — войлочную шляпу, сюртук черного сукна, пару городских ботинок, а то и пистолет — иногда видели потом на ребенке, на старике или женщине. Окружные чиновники и вовсе не тревожили этих людей, разве только по необходимости в те годы, когда предстояли выборы. У них были свои церкви и школы, они роднились друг, с другом, изменяли друг другу, и убивали друг друга, и сами себе были судьями и палачами. Они были протестантами, демократами и плодились, как кролики. Во всей округе не было ни одного негра-землевладельца, а чужие негры боялись и близко подойти к Французовой балке, когда стемнеет.

Билл Уорнер, нынешний хозяин усадьбы Старого Француза, был самым важным человеком в этих краях. Он имел больше всех земли, был школьным инспектором в одном округе, мировым судьей в другом и уполномоченным по выборам в обоих, а стало быть, от него исходили если не законы, то, по крайней мере, советы и внушения для его земляков. Судья Бенбоу из Джефферсона однажды сказал про него так: человек он с виду мягкий, но никто лучше его не умеет пустить мулу кровь или собрать больше голосов на выборах. Он владел почти всеми лучшими землями и держал закладные почти на все земли, которыми еще не владел. В самой деревне ему принадлежала лавка, хлопкоочистительная машина, мельница с крупорушкой, и считалось, мягко говоря, опрометчивостью, если кто по соседству делал покупки, или очищал хлопок, или молол зерно, или ковал лошадей и мулов где-нибудь в другом месте…»

Эти слова были написаны довольно давно. А время, к которому они относятся, и вовсе очень давнее, отдалённое от нынешнего не одним десятком лет…

* * *

В моем досье под надписью «Минитмеяы» хранится вырезка из газеты «Уорлд джорнэл трибюн»: «ООН находится в списке организации, которые минитмены подвергнут бомбардировке». Это заголовок. В заметке же говорилось вот что: «ООН значится одной из первых в списке организаций, которые будут подвергнуты бомбардировке правыми экстремистскими организациями. Это выяснилось в результате 10-месячного расследования, которое вели некоторые заинтересованные лица. Эти лица считают, что взрыв бомбы в ООН будет генеральной

репетицией для более крупных террористических действий».

Приблизительно в то же время в одной из канзасских газет был напечатан отчет о процессе над неким уголовником, который оказался членом организации минитменов. Подсудимый среди прочего рассказал на суде и о том, что среди минитменов обсуждался план — не запустить ли цианид в вентиляционные системы здания ООН.

Среди делегатов ООН возникла тогда тревога. Однако У Тана посетили полицейский комиссар Нью-Йорка Говард Лири и главный инспектор полиции Стэфорд Гарелик, которые заверили Генерального секретаря ООН в том, что «нет никаких оснований считать, будто ООН числится у правых организаций одной из первых в списке объектов для взрыва, бомб». И насчет вентиляционной системы тоже заверили.

Время доказало, что полицейские чины были правы.

Цианид не проник в вентиляционную систему.

Никому не удалось взорвать бомбу в здании ООН. В этом смысле всё обстояло спокойно. Случилось другое: ООН обстреляли из миномета.

Да, да, из самого простого, банального миномета, который был по всем правилам минометной стрельбы установлен напротив здания, на восточном берегу Ист-Ривер. Мина, правда, не долетела. Наверное, в минитменовских школах учебная стрельба из минометов не была поставлена на должный уровень. Случился недолет. Конечно, в полевых условиях за ним последовал бы перелёт, так называемая вилка, а затем точное попадание в «стеклянный небоскреб на Ист-Ривер», как любят выражаться газетчики. Но согласитесь, что в условиях Нью-Йорка сего 29 тысячами полицейских, сотнями полицейских машин, снабженных радиопередатчиками, десятками полицейских катеров, ещё дважды стрелять было бы рискованно. Вместо этого минометчики скрылись.

Я потом встречал многих работников ООН. И каждый с карандашом в руках убедительно доказывал, что, не дай минитмены маху, мина угодила бы как раз в комнату, где работал мой собеседник. Каждому было лестно считать себя целью минитменов.

Но так или иначе, а бомбардировка ООН была осуществлена.

Нет худа без добра. Может быть, неожиданный взрыв мины возле здания ООН заставил окружного прокурора Нью-Йорка Луиса Д. Лефковица начать по собственной инициативе самостоятельное расследование деятельности минитменов в штате Нью-Йорк. После 10 месяцев работы прокуратура подготовила доклад.

Вот его основные положения.

Минитмены представляют собой угрозу миру и безопасности в штате Нью-Йорк и в других штатах.

Минитмены существуют в 33 нью-йоркских графствах и по крайней мере в 14 штатах.

Представляя собой общенациональную организацию, минитмены продолжают рекрутировать все новых и новых членов. Члены организации минитменов в штате Нью-Йорк включают полицейских, солдат и офицеров национальной гвардии, личный состав армии, докторов, учителей, служащих государственных учреждений.

Минитмены активно готовятся к «частной войне». Они готовятся сражаться с «предательством», в котором, по их мнению, участвуют президент США, вице-президент, члены Верховного суда, губернатор Нью-Йорка, сенаторы от Нью-Йорка и мэр города Нью-Йорк.

Как стало известно, члены организации минитменов обсуждали возможность покушения на вице-президента Хюберта Хэмфри, на главного судью Уоррена, на губернатора Рокфеллера и всех других лиц, «сочувствующих коммунизму».

Доклад окружной прокуратуры был секретным. И может быть, никогда не стал бы достоянием публики, если бы в то же время, то есть в октябре 1967 года, в штате Нью-Йорк не раскрыли склад оружия, принадлежавший минитменам.

Чтобы быть как можно более документальным в своем повествовании, я приведу сообщение об этом, сделанное агентством Ассошиэйтед Пресс.

«Нью-Йорк (АП). — Вчера перед рассветом полиция арестовала 20 человек, захватила тонны бомб, пистолеты, ракеты, патроны и тем самым сорвала террористический заговор минитменов… Окружной прокурор Куинза Нэт Х. Хентель сообщил, что несколько хорошо вооруженных групп заговорщиков, одетых охотниками, должны были уничтожить три объекта в штатах Нью-Йорк, Коннектикут и Нью-Джерси. План должен был быть приведен в исполнение вчера, на пятый день после начала охотничьего сезона.

Хентель не определил местонахождение объектов, но сказал, что минитмены назвали эти объекты „созданием коммунистов, левых либералов“».

Интересен состав арестованной полицией банды из 20 человек. Ее главарь — художник-пейзажист. Кроме него — два водителя грузовика (29 и 30 лет), механик — 29 лет, таксист из Бруклина — 24 года, 29-летний молочник (держал взрывчатые вещества в своем холодильнике), младший брат молочника (мать

братьев сказала: «Я думала, что они члены общества Джона Бэрча, но я никогда не думала, что они экстремисты, что они минитмены»). Был в этой банде также сорокалетний агент по рекламе, над домом которого всегда висит флаг южных повстанцев, времен Гражданской войны. Только в доме рекламщика обнаружили 10 пулеметов, 15 винтовок, три гаубицы, базуку, 12 пар полевых радиостанций «уоки-токи», танковую радиостанцию, противотанковую пушку, 10 тысяч комплектов боевого снаряжения и большое количество взрывчатки.

Отец рекламщика сказал о своём сыне: «Он хороший парень. Всегда интересовался политикой и желал хорошего правительства гораздо больше, чем я. Я всегда был слишком занят. Зарабатывал на жизнь. Он очень много читает. И пишет письма редакторам. Некоторые письма опубликованы. Очень интересовался гражданской обороной. Когда Роки (*Н. Рокфеллер — губернатор штата Нью-Йорк. — **Г. Б.***) сказал — стройте бомбоубежище, сын построил одно. Он помешан на оружии. Дома — целая выставка. Но это не боевой арсенал, как пишут газеты. Он член Национальной стрелковой ассоциации и стреляет по тарелочкам. Он очень нежный человек и редко выходит из себя. Несколько лет назад ему прислали какие-то материалы от минитменов. В последнее время он был очень занят. Поступил в колледж, потому что: хочет быть учителем. Его жена тоже преподаёт. У них пять детишек, в том числе тройняшки. Все до трёх лет…»

Один из соседей рекламщика рассказывал журналистам, что видел когда-то «нежного человека» на лугу, где паслись коровы. Он стрелял из пушки консервными банками, а на краю луга стоял его приятель и корректировал огонь по «уоки-токи». Сосед сказал также, что коровы, кажется, не пострадали.

Были ещё среди 20 арестованных рабочий-литейщик, самолетный стюард, садовник, конюх, шофёр, пожарник из Нью-Йорка, штукатур, два механика, клерк. Все, кроме одного, в возрасте от 18 до 30 лет.

Несколько дней, как на работу, я приходил в здание, где помещается контора окружного прокурора Куинза. Я разговаривал с разными полицейскими чинами, всегда очень вежливыми, пытался разузнать, что за целевые объекты были у минитменов, на кого хотели они совершить нападение. Полицейские чины поднимали синие плечи и разводили крепкими руками: неизвестно, не приказано говорить и тому подобное.

Я интересовался также, каким образом полиции стало известно о готовящемся выступлении минитменов. Слухи ходили

разные. Но больше всего говорили о некоем студенте, который стал минитменом, поссорился там со своими приятелями и, желая отомстить им за что-то, сообщил о готовящейся акции.

Я много раз наблюдал, как нью-йоркская полиция водит преступников на суд, с суда и т. д. Но ни разу до этого не видел, чтобы подсудимые били журналистов. А здесь видел. Видел, как один из минитменов, изловчившись, ударил ногой корреспондента, который хотел сфотографировать его лицо покрупнее. И что самое удивительное — полицейские, которые сопровождали подсудимого, только усмехнулись. Никто и пальцем не пошевелил, чтобы утихомирить человека в наручниках.

Когда окончательно подсчитали, все вооружение, которое удалось захватить на базе минитменов, список получился весьма внушительным. Он превосходил в несколько раз то количество, которое было приведено в сообщении Ассошиэйтед Пресс. Вот вкратце то, что там было захвачено: 125 винтовок (простых и автоматических), 10 трубчатых бомб, 5 мортир, 12 станковых пулеметов (30 мм), 25 ручных Пулеметов, одна базука, три гранатомета, 6 ручных гранат, 50 снарядов калибра 80 мм для мортир, 1 миллион единиц боеприпасов разного вида, химические вещества для приготовления взрывателей, 30 полевых «уоки-токи», несколько радиопередатчиков для глушения радиоволн, на которых работает полиция, 50 маскировочных костюмов с соответствующей обувью, 220 ножей различного вида.

«Нью-Йорк таймс» написала тогда, что захваченного вооружения достаточно, чтобы полностью разрушить несколько кварталов большого города и уничтожить их население.

Кроме оружия, было найдено огромное количество правоэкстремистской литературы. «Белая книга» общества Джона Бэрча, «Голубая книга» общества Джона Бэрча, подшивки месячных бюллетеней общества Джона Бэрча. Письма Роберта Уэлча, президента общества, к его членам. Были там также наклейки для автомобильных бамперов с надписью: «Поддерживайте вашу местную полицию». И ко всему прочему — несколько экземпляров книги под названием «Мастера обмана». Автор книги — глава ФБР Эдгар Гувер.

Постепенно стали просачиваться и достигли журналистских блокнотов сведения о целевых объектах минитменов.

Объект № 1 — предвыборная штаб-квартира коммуниста Герберта Аптекера, который в ноябре 1967 года должен был баллотироваться в конгресс.

Объект № 2 — летняя лесная музыкальная школа, организованная нью-йоркским учителем музыки и его женой для

200 детей. В школе занимались белые и чёрные дети.

Объект- № 3 — небольшой лагерь в Нью-Джерси, который арендовали деятели движения против войны. Там иногда находили убежище участники антивоенных демонстраций, которые приезжали в Нью-Йорк издалека и не имели крова в этом большом городе.

И наконец, объект № 4 — лагерь неподалеку от Нью-Йорка, в котором по субботам и воскресеньям собиралась молодежь для занятий. Подсудимые назвали этот лагерь коммунистическим, сказали, что «коммунисты США преподают там свою дьявольскую марксистскую теорию молодым американцам». На вопрос, откуда они знают об этом, подсудимые ответили, что так сказал в одном из своих выступлений Эдгар Гувер, глава ФБР.

Но, кроме оружия, кроме литературы, кроме объектов нападения, обнаружилось еще обстоятельство, которое, казалось, должно было бы заставить власти обратить очень серьезное внимание на минитменов, организовавших частную армию как раз у подножия нью-йоркских небоскребов.

Среди всего прочего на складе в Нью-Джерси нашли свидетельство того, что минитмены обладают куда более мощным оружием, чем многие предполагали раньше. Оказалось, что организация минитменов располагала в нью-йоркской полиции информаторами, которые вовремя сообщали минитменам обо всем, что полиция собиралась предпринять против них.

Вот выдержки из писем, которые полицейские направляли координатору минитменов в соседнем штате Нью-Джерси.

«…На вашем месте я был бы очень осторожен в словах, если он (речь идет об одном весьма высоком чине нью-йоркской полиции. — ***Г. Б.***) будет задавать вам вопросы. У него имеется досье на минитменов в Онейде (штат Нью-Йорк)…»

«…Копы допрашивают наших людей в районе Буффало…»

«…Насчёт того, что вы запрашивали в прошлом письме. Там сейчас есть четыре ручные гранаты… Не самые современные, но они будут в вашем распоряжении, если захотите».

Полицейские снабжали минитменов также имевшейся у полиции информацией о коммунистах, левых, либералах, «мирниках», кроме того — полицейской формой, автомобильными номерами агентов ФБР, всеми видами полицейского и военного снаряжения вплоть до противотанковых пушек, минометов, радиостанций. Ну и, конечно, полицейские минитмены рекрутировали в свою организацию новых полицейских.

Вот какие странные и тревожные обстоятельства выяснились в связи с раскрытием склада нелегального оружия под Нью-

Йорком.

Не менее удивительным было, что ФБР, могущественное ФБР, прямая задача которого — заниматься расследованием преступной деятельности общегосударственного характера, устранилось от расследования. Окружной прокурор Куинза на недоуменный вопрос корреспондентов ответил, что да, ФБР ни разу не прислало своих агентов для того, чтобы принять участие в расследовании дела о складе оружия, и даже не просило предоставить какую бы то ни было информацию о нем.

Месяцем позже, когда Гуверу надо было всё-таки что-то сказать о заговоре под Нью-Йорком, он заявил, что ФБР не принимало участия в расследовании по той причине, что выступление минитменов, намеченное на 30 октября 19.67 года, было просто маневрами «военного типа».

Люди наблюдательные могли прийти к выводу, что ФБР если не покровительствует минитменам, то, во всяком случае, смотрит на их «проказы» сквозь пальцы.

Заговор под Нью-Йорком показал, что у минитменов были свои люди не только в полиции.

Через Национальную стрелковую ассоциацию минитмены были отлично связаны с армией. Часть оружия, которое было найдено под Нью-Йорком, было приобретено у армии через Национальную стрелковую ассоциацию.

Во время суда над 15 минитменами (остальные были отпущены с миром) у здания, где происходил суд, ходили пикетчики с плакатами: «Разве наши ребята во Вьетнаме хотят ареста минитменов?», «Лучше судить коммунистов!» и «Боже, благослови минитменов».

Следователь получал письма с угрозами. Вот цитаты из них:

«…В вашем доме флаг США лежит на полу вместо половой тряпки».

«…Вы прославляете негров, евреев, большевиков и Россию».

«…Почему вы не преследуете коммунистов в Куинзе?»

«…А что, собственно, такого в том, чтобы убить парочку грязных предателей — коммунистов? Минитменам надо выдать ордена за то, что они хотели стереть с лица земли коммунистов…»

«…А тебя мы наградим крестом над могилой».

Уж не знаю — то ли пикетчики подействовали на суд, то ли угрожающие письма, то ли ещё какие-нибудь обстоятельства, но только суд… оправдал минитменов. Следствие пришло к выводу, что их нельзя привлекать к ответственности, так как «нападение на целевые объекты совершено не было и никаких жертв тоже не было».

Один из помощников окружного прокурора, который произвел аресты, дал интервью газетчикам. В нём он рассказал о минитменах нечто кардинально противоположное тому, что обычно рассказывали работники ФБР. В отличие от Эдрага Гувера, люди окружного прокурора считали минитменов серьезной и опасной организацией, которая насчитывает в общенациональном масштабе никак не меньше 10 тысяч человек. Организация эта более дисциплинированна, чем ку-клукс-клан или Американская нацистская партия. «Мы отнеслись к ним вначале, — сказал помощник, — как к чудаковатым людям. Мы были уверены, что у них не может быть оружия. Но затем обнаружили и Оружие и умение им пользоваться. Мы узнали, что среди этих людей есть и банкиры, и адвокаты, и полицейские. Чем больше мы проникали в глубь минитменовских операций, тем разветвлённее и шире находили мы их организацию. Честно говоря, мы даже не представляем теперь, где кончается всё это».

Во время расследования «заговора под Нью-Йорком» журналисты, которые освещали это необычное дело, узнали, что у полиции есть фотографии пикантного бейсбольного матча. Пикантность заключалась в том, что товарищеский матч происходил между минитменами и членами общества Джона Бэрча. Игра, как выяснили журналисты, закончилась со счетом 1: 0 в пользу бэрчистов.

Однако встречи между минитменами и бэрчистами происходили не только на поле стадиона.

Ещё в 1961 году Депю вступил в общество Джона Бэрча. Правда, через несколько лет он оттуда формально вышел. Но только формально, потому что встречи между Депю и Робертом Уэлчем, президентом ОДБ, продолжались и были частыми. Вряд ли кто-либо знает точно, что обсуждалось на этих встречах. Но уж, во всяком случае, не тактика бейсбольной игры.

Одна из встреч двух лидеров состоялась в Далласе в 1962 году. Несколько — в Канзас-Сити. Однажды Депю позвонил из Канзас-Сити в Белмонт (штат Массачусетс), где находится штаб-квартира бэрчистов, и сообщил Роберту Уэлчу, что готов оплатить ему полет от Белмонта до Канзас-Сити и обратно, если тот найдёт несколько часов, чтобы поговорить о важных делах.

Формальное разобщение двух фашистских организаций, как видно, больше нужно бэрчистам, чем минитменам. Поэтому бэрчисты обставили разрыв с Депю официально: секретарь Роберта Уэлча направила Депю чек на 6 долларов — его вступительный взнос в общество, и об этом было напечатано в бюллетене бэрчистов.

Депю объяснял свой разрыв с бэрчистами таким образом:

«Причина не в философских разногласиях (?!). Мы просто не могли договориться о необходимых мерах безопасности. Другими словами, он (Роберт Уэлч) не хотел, чтобы наши люди знали его людей, а мы не хотели, чтобы бэрчисты имели сведения о минитменах…»

В июне 1965 года в печати появились сообщения, что несколько видных членов Американской нацистской партии перешли к минитменам. Депю подтвердил тогда это сообщение, но объяснил его довольно своеобразно: «Они покинули нацистов, потому что это партия ненависти. Я принял их в свою организацию только после того, как они уверили меня, что с их нацистскими взглядами покончено» (впоследствии руководитель этой группы перебежчиков перешел в ку-клукс-клан).

Джордж Линкольн Рокуэлл, бывший фюрер Американской нацистской партии, жаловался как-то журналистам, что Депю переманивает у него людей и даже переманил трёх самых ценных финансовых покровителей — из Флориды, Техаса и Пенсильвании. «Я целиком поддерживаю все, за что стоят минитмены, — говорил фюрер с некоторой обидой. — Люди должны вооружаться и готовиться к самообороне. Но использовать нелегальное оружие — это самоубийство. Я не потерпел бы нелегального оружия. Я ненавижу мысль о том, что молодые люди пойдут в тюрьму из-за этого. Минитмены говорят, что не носят нелегального оружия. Но я не знаю ни одного минитмена, у которого не было бы оружия, приобретенного нелегально…»

Один из руководителей ку-клукс-клана, Главный Дракон Пенсильванского клана — Фрэнкхаузер, активнейший член минитменов, так сравнивал Депю и Рокуэлла: «Конечно, нельзя сказать, что Депю незаменим, что никто не годится на его место. Он один из самых великих лидеров, которых я встречал. Он подавляет морально каждого, кто рядом с ним. Не знаю, как он это делает, но это так… Ну, а Рокуэлл — это в какой-то степени продукт Восточного побережья. Говорит с восточным акцентом. Может, конечно, подать себя и все такое. Но Депю — это глубокий человек от земли. Он — народная легенда. Через сто лет, если мы победим, народ будет слагать о нем песни. Я гарантирую. Он — из глубинной Америки. Его корни в Миссури, на Юге. Если бы я был агентом по рекламе и мне нужно было бы создавать образ Депю — вот он, уже готов…»

Можно назвать несколько десятков других организаций, связанных с минитменами, но, думаю, в этом нет необходимости. Общество Джона Бэрча, и ку-клукс-клан — что может быть более солидной базой для фашизма.

* * *

Так мы и не узнали причину, которая вдохновила четырех пассажиров спортивной машины с откидным верхом на столь воинственное поведение в отношении нас.

Пьяные шутники? Но почему такое напряжение в лицах?

Реакция миссисипских «сердитых молодых людей» на нью-йоркский номер автомашины? Но уж слишком быстро появилась в руках одного из них винтовка. Будто была приготовлена.

Остаётся одно. Пассажиры спортивной машины, вероятно, знали, что по дороге № 96 проедет машина советского корреспондента. Кто-то предупредил их об этом. И молодые люди, живущие в самом центре Америки, неподалеку от маленького городка Шилоха, где, если вы помните, проходили, странные маленькие маневры, и поблизости от городка Норборна, где, если вы не забыли, находится общенациональный штаб минитменов, решили «показать» русским коммунистам, что значит разъезжать по берегу великой Миссисипи.

Откуда люди в военных фуражках могли знать о нашем маршруте? Надо полагать, что американские власти не для пустой формальности просят советских корреспондентов сообщать маршрут поездки за два рабочих дня до ее начала. Можно предположить, что план поездки не кладут в сейф вашингтонского чн-новника госдепа. Видимо, местные отделения ФБР или местная полиция получают сведения о наших поездках. Не может быть сомнения, что в южном Иллинойсе в числе местных полицейских и фэбээров есть, конечно, минитмены.

Так почему же не произвести тренировку «партизанской борьбы» на двух живых русских коммунистах, находившихся в пределах самого центра Америки?

Всё это, конечно, предположения. Но иного объяснения я не нашёл. Исчерпывающий ответ, надо думать, мог бы дать шериф, в контору которого я звонил. Но шериф не проявил никакого интереса к маленькому происшествию.

Рассуждая подобным образом, мы вернулись в городок Гамбург, нашли паром, похожий как две капли воды на тот, что перетаскивал нас через Иллинойс, и благополучно форсировали на нем бурую пустынную Миссисипи.

Паромщик здесь тоже был молчаливым и строгим. И одет он был так же, как тот, на Иллинойсе. Военная фуражка и чёрные очки.

Военных фуражек при цивильной одежде было вообще довольно много в этом районе. Казалось, вся любовь мирных американских граждан к военным фуражкам была

сконцентрирована именно на границе штатов Иллинойс и Миссури.

Кроме парома, на желтой и быстрой воде Миссисипи была видна лишь маленькая металлическая плоскодонная лодка с авиационным пропеллером, бешено носившаяся зигзагами по реке, как водялая муха.

За рекой мы лишились тени деревьев, потому что их почти не было. Перед нами простирались поля. Судя по домам, которые попадались нам вдоль дороги, люди жили здесь значительно лучше, чем на восточном берегу Миссисипи.

Переехав на эту сторону, мы не двинулись сразу на запад к Норборну, а свернули на юг вдоль реки. Небольшой крюк был запланирован нами ещё в Нью-Йорке. И объяснялся тем, что неподалёку, в 60 милях от Брюсселя и Гамбурга, почти на самом берегу Миссисипи, находился городок с неожиданным названием Москоу Миллз — Московские Мельницы. Ну как было не заехать!

Путешествуя по США, невольно обращаешь внимание на то, что въезд в маленькие городки всегда предваряет довольно продолжительная рекламная увертюра. Городки могут быть разные. Но увертюра всегда одинакова.

Первые вступительные аккорды звучат миль за пять до городской черты. «Останавливайтесь в мотеле „Свобода“!» «Прекрасные постели в туристском доме „Мудрая сова“». «Ресторан тетушки Энн славится на весь мир жареным кентуккским цыпленком». Ресторанно-мотельное аллегро завершается барабанной дробью из клубных эмблем: «Ротари клаб», «Клуб львов», «Клуб оптимистов». Ещё три-четыре клуба.

Оптимистическая увертюра заканчивается низкой минорной нотой. Перед самым въездом в город обязательно стоит на двух белых каменных столбах темная доска, на которой написано: «Похоронный дом братьев (имярек). Отличное обслуживание по умеренным ценам. Лучшие похороны в округе».

Нет сомнения, что каждый маленький городок в США считает, что жители других городов должны совершать торжественную процедуру переселения в лучший мир в пределах именно его городской черты, а не в другом месте.

Солидная и аккуратная реклама похоронных услуг заставляет путешественника задуматься о бренности всего земного, а также о том, что пора бы снизить скорость.

Но все это, так сказать, оранжировка. Лейтмотив же увертюры, конечно, магазин «антик», то есть магазин антикварных вещей. «Антик» рекламирует себя пронырливо и настойчиво. «Антик» мечется мелким бесом. Он напоминает вам о своем существовании поминутно или, лучше сказать, помильно и

даже полумильно. «В нашем городе — редкостный магазин антик!» «Обязательно зайдите в наш магазин антик». «Магазин антик ровно через 2 мили справа. Заходите».

Слово «антик», конечно, надо понимать с довольно значительной поправкой на американское представление о нем. Для американца, не очень-то избалованного древностью собственной истории, даже почтовая открытка десятилетней давности — предмет продажи и купли в магазине «антик». Уж не говоря о сравнительно новых тележках, колесах, чуть запылившихся пивных бутылках и поломанной птичьей клетке.

Увлечение старинными и просто старыми, никому не нужными вещами — это, наверное, тоска американцев по истории, по собственному прошлому и, может быть, способ отдохнуть от излишне рационального современного быта.

За милю до городка мелкий рекламный бес начинает высовывать свою мордочку каждую тысячу футов. «Магазин антик — справа». «Снизьте скорость — можете проскочить магазин антик». «Тормозите! Антик перед вами». «Стойте! Антик ждет вас».

И наконец, через сто футов за магазином совсем отчаянный вопль: «Как, вы не зашли в антик? Поворачивайте назад!»

Жители Московских Мельниц, надо полагать, утоляли свою тоску но старине в соседнем городке Троя. Там же они, возможно, ели кентуккского жареного цыплёнка и пользовались по скромным ценам услугами похоронного дома, потому что перед въездом в Московские Мельницы мы не увидели никакой рекламы. Стояли только три плаката. Один призывал в стихах: «Think! Do noi drink!» — что означало: «Думай! Не пей!» (По тому, как часто мы встречали на американском Западе, начиная со штата Миссури, этот стихотворный призыв, можно сделать вывод, что жители тех мест предпочитали в этом лозунге вторую рифму первой.) Второй’ плакат требовал: «Стой за Америку! Уоллеса — в президенты!»

Третий же плакат был деловой, без поэзии и без эмоций. Он просто сообщал, что за загрязнение дороги следует штраф от 150 до 250 долларов.

Не знаю, стояли ли здешние москвичи целиком за Уоллеса, предпочитали ли они мыслительный процесс выпивке, но вот третий плакат, как видно, действовал безотказно. Дороги вокруг Московских Мельниц были стерильно чистыми.

Московские Мельницы оказались совсем маленьким городком (-360 жителей) в 8 десятков аккуратных, чистеньких, небогатых, но ухоженных деревянных домиков. В самом центре городка, на сухом, открытом солнцу холме, располагалось, как повсюду в

Америке, веселенькое и спокойное кладбище с одинаковыми невысокими каменными белыми плитами, по-похожими на спичечные коробки.

Мэр города Московские Мельницы мистер Ллойд Хеппард жил неподалеку от кладбища и в момент нашего знакомства подкрашивал возле своего дома видавший виды пикапчик.

Это был сухощавый человек лет пятидесяти в униформе местного фермера — клетчатая рубашка и линялый голубой комбинезон. Глаза у него были тоже голубые, лицо — бурое.

Он не очень удивился нашему приезду. Оставил кисть в банке с краской и, покряхтывая, поднялся, прижав тыльную сторону ладони к пояснице.

— Мы сами москвичи, — объяснил я. — Как же было не повидать здешних москвичей.

Мэр заулыбался — идея ему понравилась, как видно.

Услышав разговор, на террасу вышла женщина, такая же худощавая, как мэр, и одного с ним возраста. Она была одета в ситцевую кофту, ультракороткие шорты и синие подростковые кеды. Она посмотрела на нас из-под руки, пронзительно, как полководец на запылённой картине в магазине «антик».

— Ну что ж, — сказал хозяин, разводя руками. — Пожалуйста, заходите. — И крикнул жене: — Это москвичи. Из Москвы. Из России.

Домик мэра не отличался от других. Аккуратный и чистенький. На стенах пушкарские фотографии в рамках. На столе в вазе гора пластиковых фруктов. Над диваном висел коврик с изображением покойного Джона Кеннеди и Жаклин, удивительно похожий по манере исполнения на известные нам рыночные коврики с лебедями и замками.

— Так что же вас интересует у нас? — спросила жена мэра, когда мы уселись, и сразу стало понятно, кто мэр в этом городе и кто будет вести разговор. Муж, сидевший рядом с ней под ковриком с четой Кеннеди, кивнул головой, подтверждая, что он присоединяется к вопросу жены.

От миссис Хеппард мы узнали, что мэра в этом городке вообще-то выбирают на два года, но мистеру Хеппарду ещё за год до выборов пришлось сменить какого-то Чайлда, который, чёрт бы его побрал, оказался лентяем и ничего не делал.

Никто в городе не имеет понятия, почему и когда ему дали название Московские Мельницы. Насчет мельниц, конечно, просто. Когда-то здесь, как видно, стояли на речке водяные мельницы. Теперь их, правда, нет. А вот насчет Москвы — неясно.

Городок живёт неплохо. Миссис Хеппард сказала даже, что это самый лучший маленький городок в Соединённых Штатах.

— Мы здесь никогда не ссоримся, — сказала она. — И если кто-нибудь умирает — всегда помогаем хоронить…

Вообще, миссис Хеппард, как сразу можно было заметить, настойчиво гнула в разговоре довольно определенную линию.

— Живём мы здесь хорошо. Лучше с каждым днём, — говорила она. — У всех — телевизоры. У некоторых — цветные. По две машины. У нас, правда, одна машина. Но только потому, что я не умею, водить. А то обязательно купили бы вторую…

Муж при этом покачивал утвердительно головой и очень симпатично улыбался.

Почему же такая разница между жизнью здесь и на том берегу Миссисипи, в Иллинойсе? Пожатие плеч. Оказывается, никто из четы Хеппардов никогда не бывал в Гамбурге и Брюсселе, на том берегу Миссисипи. Более того — никто из них даже не слышал этих названий и не знал, что такие городки существуют в нескольких десятках миль от Московских Мельниц,

И никто из Московских Мельниц там тоже не бывал. Своих дел много. Потому что никто не занимается только фермерством. На фермерстве не проживешь. Люди здесь работают на упаковочной фабрике в Трое. И конечно — это главное — на авиационном заводе в Сан-Луисе. В шумном Сан-Луисе, где, как известно, нарядных много дам, чьи крашеные губы, как тоже давно известно, кто-то целует там…

Нет, сам Хеппард не ездит в Сан-Луис. Хеппард работает на железной дороге. Фермерствовать бросил давным-давно. Ну, а мадам работает на упаковочной фабрике в Трое…

— Мы живём здесь хорошо, очень хорошо — повторяет хозяйка. — Здесь живут хорошие американцы. Настоящие патриоты.

Разговор был прерван каким-то шумом в соседней комнате. Кажется, упало и разбилось что-то стеклянное.

— Джерри, — сказала хозяйка тихо. И повторила вопросительно: — Джерри?

— Да, мама, — отозвался мужской голос из соседней комнаты.

— Открылась дверь, и в комнату въехал на больничном кресле парень лет двадцати, перебирая руками ободья велосипедных колёс. Увидев нас, он резко остановился.

— Простите, — сказал он, — я думал… Я не знал… Я не видел машины.

— Ничего, ничего, — торопливо перебила хозяйка. — Знакомьтесь, это наш старший сын Джерри.

Джерри протянул руку. Рукопожатие оказалось странным — на его руке не хватало двух или трёх пальцев. Обе ноги были в

гипсе, живот и грудь тоже покрывал бандаж из полотняных бинтов, а худое, нервное лицо под чёрными кудрявыми волосами от левого уха к шее носило след сильного ожога.

— Я там разбил чашку, — сказал Джерри матери.

— Жёлтую? — спросила мать.

— Да.

— Я ведь просила не трогать жёлтую.

— Ну, ничего, — примирительно сказал отец. — Ты видел Бетси?

— Она ждёт в машине, — ответил сын.

— Куда вы собрались? — спросила мать уже из другой комнаты. Она, как видно, собирала осколки.

— В Трою.

— Надолго?

— Нет, ей нужно в магазин.

— Езжай.

Джерри попрощался с нами, развернул кресло и выехал из комнаты.

Возникла неловкая пауза, которую нарушила хозяйка. Она развела руками и просто сказала:

— Вьетнам.

— Да, Вьетнам, — подтвердил отец со вздохом.

— Врачи говорят, что нога всё-таки будет двигаться. Не полностью, конечно, но будет… Глаз ему сделали хорошо. Совсем не заметно, что нейлоновый, правда? Он лежал в Сан-Луисе. Четыре месяца. Очень хороший госпиталь.

Все это она говорила, одновременно пытаясь склеить разбитую желтую чашку клеем, который выдавливала из тюбика.

— Он и был-то во Вьетнаме всего десять дней. Попал на мину…

— Да, на мину, — как эхо, отозвался мэр.

— Многие из Московских Мельниц во Вьетнаме? — спросил я.

— Только наш… И вот такое, — сказала мать. — Все нам, конечно, сочувствуют. Здесь у нас хорошие люди… — И, как видно, заподозрив возможный вопрос с моей стороны, поспешила заверить: — Если будет нужно, и другие пойдут. У нас не Нью-Йорк.

— А что Нью-Йорк? — не понял я.

— Ну, там всякие демонстрации против войны. Мы видели по телевизору. У нас этого нет. У нас хорошие американцы. Если нужно — пойдут, правда? — обернулась она к мэру.

— Наверно, — сказал тот. — Наверно, пойдут…

Снова помолчали. И потом мэрша сказала:

— Сейчас ему уже гораздо лучше. Он даже водит машину. Специальные штуки там для рук. И у него есть девушка. Сейчас они поехали в Трою.

Она поставила склеенную чашку на стол и посмотрела на нас пристально:

— Он никого не успел убить. Он сам мне сказал. Я ему верю. Конечно, война, но я благодарю господа, что он никого не успел убить. Иначе я думала бы, что всё это — в наказание… А так — мина и мина. Случайность. Там ведь у них, у красных, тоже есть матери…

— Значит, и вы не за войну?

— Война? — переспросила женщина. — Война… — и добавила решительно: — Ну, это уже не наше дело. Раз война, значит, война. На то мы и выбираем президента.

Тут, естественно, разговор перешел на предстоявшие выборы. Оказалось, что решительная жена мэра еще не решила, за кого голосовать. А мэр сказал твёрдо, хоть и с улыбкой, но твердо:

— Я за Маккарти.

— А что же вы-то? — спросил я его жену.

— Ещё подумаю, — сказала она недовольно и пояснила: — Я, может быть, голосовала бы за Кеннеди. Но, видите, убили.

— Нет, я бы за Кеннеди не голосовал, — не согласился мэр. — Он ехал верхом на славе своего брата.

Она покачала головой, осуждая слова мужа, но сказала мирно:

— Я подумаю, может, тоже буду голосовать за Маккарти.

— Почему?

— Симпатичный, — сказала она, улыбнувшись.

— Но ведь он против, войны во Вьетнаме.

— Ну да, — согласилась она.

— А вы говорите, «раз надо, значит надо» и что здесь не Нью-Йорк.

Она подумала.

— Ну и что же, что не Нью-Йорк. Мы ведь тоже думаем — что, как и зачем.

— Не всё тут ясно, — сказал мэр.

Она махнула рукой:

— Какое там ясно. Даже я не понимаю, что нам там нужно и зачем мы воюем… А уж об остальных и говорить нечего…

Часа полтора сидели мы в доме мэра Московских Мельниц.

Уж после того как обменялись адресами и несколько раз сфотографировались вместе на деревянной террасе и даже выпили по чарке водки — ну какие же, скажите, могут быть на свете москвичи, если не пробовали настоящей «московской»? —

Хеппард вдруг сказал:

— А тут про вас такое рассказывали, что прямо бери винтовку и ложись в окоп. Нет, не про вас лично, вообще про русских и про коммунистов. Говорят, вы будете здесь высаживать десант и нас всех убивать. Что вы — звери. А я смотрю — у вас даже рогов не видно.

Сказал и засмеялся. И жена тоже улыбнулась милостиво.

— Кто же это вам тут такое рассказывает? — спросил я.

— Шантрапа всякая. Минитмены, — сказал хозяин. — Тут у них в Норборне — штаб-квартира с главнокомандующим. Правда, сам он где-то скрывается. Но штаб есть.

— И много у штаба войска? — решил я выведать военную тайну.

— Трудно сказать. Дураков в мире немало.

— Ив Московских Мельницах есть?

— Есть. Кто поумней из них — держит это в секрете, а кто поглупей — видно за милю. Да вы их сами, наверное, встречали. В военных фуражках.

— Зачем же им фуражки?

Мэр усмехнулся.

— Условный знак. Чтобы друг друга не перестрелять в самом начале боевых действий.

Ну вот, все-таки я выведал один военный секрет…

Мы уезжали из городка под названием Москдв-ские. Мельницы.

Жизнь вокруг не казалась такой мрачной, как вчера, хотя военных фуражек на цивильных головах явно прибавилось.

Машина направлялась в Норборн.

Поёт Джонни Кэш. Знаменитейший певец. Разливается голос на всю Миссурийскую степь и, может быть, даже переваливает через канзасские рубежи.

Был я маленьким, когда
Мама мне твердила:
«С пистолетом, слышь, балда,
Не играй, дурила».
С пистолетом не шалил,
С ним всегда всерьёз.
Ну, а Билла я убил
Просто так, без слёз.
Надо ж было посмотреть,
Что такое смерть.

В мелкой панике разбежались дождевые капли на ветровом

стекле. Мчатся в автомашинах ковбои. Сосредоточенные, загорелые лица под трехведерными шляпами. Громоотводики антенн на машинах подрагивают в такт Кэшовой песне.

Время от времени попадается на дороге плакат. Бравый пехотинец указывает пальцем прямо в меня: «Мы нуждаемся в тебе!» Другой плакат сообщает, что во мне нуждается и морская пехота. А на третьем плакате я оказываюсь необходим уже американским военно-воздушным силам.

Говорят, что счастье — это ощущение нужности. Если так, то миссурийские ковбои, мчащиеся по дороге, просто счастливчики.

Какая-то птица ударилась о радиатор нашей машины и разбилась о 235 лошадиных сил цивилизации. Непосредственно вслед за этим, инцидентом мы въехали в Норборн.

Он оказался небольшим городишком, тихим и мирным, совсем не похожим на место, какое должен был избрать воинственный ветеринар для штаб-квартиры партизанского движения против коммунистических вооруженных сил.

Что там говорить, мы, конечно, не ожидали увидеть в Норборне противотанковые надолбы или патрулей на улицах, но и не были готовы встретить глушайшую тишину пустынного городка, будто покинутого населением перед приходом противника. Понятно было, что напряжённая тишина не была вызвана вторжением русских в эти стратегически важные места. Скорее причиной тому была усталость норборнцев после трудового дня (было часов пять или шесть пополудни), но, так или иначе, город производил впечатление вымершего.

Мы не собирались встречаться с главарем минитменов Депю. К тому времени, мы знали, его уже успели арестовать. Нет, нет, не спешите винить в этом ФБР! Из всех мощнейших организаций, которые предназначены в Америке для борьбы с преступным миром, только одна проявила к минитменам вполне профессиональный интерес — налоговая. Она пыталась выяснить, насколько налоговый взнос минитменов отражает их действительное финансовое состояние. Поэтому не агенты ФБР, а налоговые агенты интересовались торговлей оружием, подпольными складами взрывчатки и числом минитменов. И руководитель минитменов был взят не за обстрел, ООН, а за неуплату налога плюс участие в ограблении банка. Знали мы также, что вскоре после ареста Депю благополучно бежал из тюрьмы и, как говорили, скрывался в Канаде.

Но арест Депю даже без его побега не означал конца фашистского движения минитменов. Продолжает выходить их бюллетень. Время от времени где-то проводятся частные маневры, а глубоко штатские паромщики из Миссисипи не собираются, как

видно, снимать военные фуражки, чтобы «в случае чего не перестрелять своих».

Мы знали адрес штаба минитменов и скоро нашли дом ветеринара. Дом как дом, ничем не примечательный, если только не считать плотно занавешенных окон, решеток на окнах первого этажа и, может быть, более массивной, чем в других домах, входной двери.

Мы проехали несколько раз мимо бывшей резиденции Депю, но ничего особенного не заметили. Только один раз дёрнулись занавески в окне второго этажа. В нас никто не стрелял и, по всей вероятности, никто не целился.

На долгий звонок в доме ветеринара никто не отозвался. На энергичный стук — тоже. У Депю, по нашим сведениям, оставались в городе жена и двое взрослых сыновей. Но то ли их не было в тот момент дома, то ли они не захотели откликаться.

В состоянии некоторого разочарования — что же, вот так и уезжать из Норборна несолоно хлебавши? — мы подъехали к бензозаправочной станции.

Ещё для милого моему сердцу мистера Адамса из «Одноэтажной Америки» газолиновая станция была первейшим местом сбора информации. Он и Бекки обычно получали там все необходимые сведения — и о дороге, и о погоде; и о жизни вообще.

Во время путешествий по Америке я убедился, что с бензоколонкой в этом смысле могут сравниться лишь два места: небольшое придорожное кафе и парикмахерская. Но согласитесь, что возможности посещения кафе и парикмахерских все-таки весьма ограничены. Так что газолиновая станция со времен «Одноэтажной Америки» остается вне конкуренции.

На этот раз мне даже не пришлось завязывать разговор. Он завязался сам. Заправщик в синем форменном комбинезоне покосился на нью-йоркский номер нашей машины, затем, протирая лобовое стекло, — на фотоаппаратуру на переднем сиденье и спросил с некоторым, как мне показалось, вызовом:

— Значит, из Нью-Йорка?

— Да.

— Журналист?

— Журналист.

Он открыл капот машины и, обмотав руку тряпкой, начал осторожно откручивать пробку радиатора. Сморщив лицо и отвернув его от возможного горячего радиаторного гейзера, спросил:

— Ну, и как там у вас в Нью-Йорке?

— Да все так как-то, — ответствовал я в стиле, классиков и

тут же решил, что пора перехватывать инициативу. — А у вас как?

— А что ж у нас. Мы люди маленькие. Живем тихо, незаметно. Не то что вы там в Нью-Йорке — бурлите.

В его словах слышалась явная ирония, если не в наш адрес, то, во всяком случае, в адрес Нью-Йорка.

— Ну, положим, вы здесь, в Норборне, тоже не главные тихони на земле. Кое-что и мы о вас слышали.

Он отвинтил крышечки на аккумуляторе и проверил уровень электролита. И сейчас, поднеся к гл-азам металлический прут, смотрел на него внимательно, как провизор на мензурку, определяя, сколько в картере масла. И так, глядя на прут, тихо, без нажима сказал:

— Придёт день — и не такое услышите.

Разговор определённо начинал мне нравиться.

— Какой же это день вы имеете в виду?

Вместо ответа он показал глазами на металлический прут:

— Не хватает четверти галона масла. Какое вам залить?

Я сказал. Служитель сходил в домик за консервной банкой масла, всадил в неё металлический носик и сунул его в воронку. Только выполнив все эти служебные функции, вернулся к интересовавшей меня теме разговора:

— Да уж такой день, который нужен.

Я спросил напрямик.

— Тот ДЕНЬ, о котором говорил Депю?

— А хотя бы и так, — ответил газолинщик и добавил тихо и торжественно, будто произносил речь на похоронах: — НАШ ДЕНЬ.

— Когда же он придёт?

— Когда придут коммунисты.

— А скоро, по-вашему, это случится?

— Они уже идут, — сказал газолинщик мрачно.

Честно говоря, я подумал, что владелец газолиновой станции намекает на нас. Но из последующих объяснений понял, что наш собеседник говорил о другом.

— Коммунисты не обязательно будут высаживать здесь десант, — пояснил газолинщик, глядя на меня свысока, как на несмышлёныша. — Они действуют изнутри, через предателей. Коммунисты не посмеют совершить вторжение в Соединённые Штаты, если только им не будет послано специальное приглашение от их людей внутри страны.

Он стоял передо мной, сложив руки на груди и перекатывая башмаком камешек. На другой стороне улицы из окна магазина е портрета смотрел на нас Джордж Уоллес, кандидат в президенты США.

— Когда это станет ясно? — спросил я.

Мой собеседник сильно потер темя ладонью. И посмотрел на меня колюче:

— Ну вот, например, когда правительство решит отдать все наши вооружённые силы в распоряжение ООН.

— А. что, есть симптомы? — поинтересовался я.

— А вы что же думаете, мы не разбираемся в политике? — ответил он вопросом на вопрос. — Вы что ж думаете, только вы в Нью-Йорке всё понимаете? Ничего, мы тоже кое в чём разбираемся. Маленькие городки — это великая сила. Мы будем точно знать, когда настанет время.

— Но почему именно ООН вы считаете главной опасностью?

— Потому что ООН — это коммунисты. У Тан — коммунист, это совершенно точно известно. Знаете наш лозунг — Соединённые Штаты — да! Объединённые, Нации — нет!

— Ну хорошо. Предположим. Но ведь у вас есть правительство. У вас есть министр обороны. И есть президент

Газолинщик помолчал. Что-то обдумывал. Может быть, решал — ответить мне или промолчать. Но, как видно, решил ответить.

— У нас нет президента, — сказал он с мрачным вызовом. — Делами Белого дома правит русский посол.

— Кто?!!

— Русский посол, — повторил он убеждённо. — Не знаю, уж какая там у него фамилия.

— Ну а министр обороны?

— То же самое А Макнамара был просто членом коммунистической партии.

— Но что вас заставляет думать так?

— Да уж кое-что заставляет.

— Моим читателям будет интересно узнать факты.

— Скажите своим читателям, что факты есть. Просто ещё не пришло время их выкладывать.

— Почему же?

— Уж есть причины.

Он говорил так уверенно, что не будь я немного знаком с взаимоотношениями Белого дома и советского посольства, то, честное слово, подумал бы: а и вправду, не знает ли газолинщик что-то такое эдакое…

Он выписал мне счет за обслуживание и протянул, считая, видимо, разговор законченным. Но мне никак, понятно, не хотелось отставать от него. Уж очень это было интересно — говорить с минитменом, знающим толк в политике.

— Ну и что же вы собираетесь здесь, в Норборне, делать с

ООН? — спросил я.

— Сделаем всё, что нужно, — сказал он уверенно, с подчеркнутой сухостью. — Сами увидите.

— Вооружённое выступление?

— Это уж как получится. Может быть, и так.

— Кто же даст сигнал?

Он посмотрел на меня с сожалением: ну что тебе, нью-йоркский щелкопёр, понять здесь! Ни черта ты здесь не разберёшься. Эти слова я прочёл на тёмных стёклах его очков, они прошли там непрерывней строчкой, как световые новости на Таймс-сквере в Нью-Йорке. Но ответил он терпеливо:

— Никто не может сказать ничего определённого. Вот представьте себе — вы ненавидите соседа. Всё в нём ненавидите — его самого, его жену, его детей, даже его лошадь ненавидите. Разве вы скажете себе: «Ну всё, в четверг я его прикончу»? Нет. Это копится в вас, пока не переполнит до краёв. Тогда вы либо уезжаете к чертям в другое место, либо берёте в руки нож. И тут уж вас ничто не остановит…

— Каких же соседей вы ненавидите?

Но он не услышал или не захотел услышать моего вопроса.

— Так и народ, — продолжал он. — Никто не может принять за него решение — в четверг или в пятницу выходить на улицу с оружием. Никто: ни я, ни наша организация, ни Депю. Надо ждать. Это решит сам народ. Когда терпение его переполнится. Когда он устанет от коммунистов до белой ненависти. И тогда люди снимут со стен винтовки. И выйдут на улицы. Вот тогда и настанет НАШ ДЕНЬ.

— И что же дальше?

Он отсчитал мне сдачи. К колонке подъезжала другая машина. Газолинщик двинулся к ней.

— Постойте, последний вопрос, — остановил я его. — Вы член организации минитменов?

— Это неважно — ответил он.

— А вы не боитесь, что я напишу обо всём этом?

Он засмеялся и махнул рукой.

— Пишите, пишите! Пусть у вас в Нью-Йорке знают об этом.

Конечно, я задал пустой вопрос. В Нью-Йорке кому надо давно знают об этом. И в Вашингтоне знают, и в Лос-Анджелесе, и в Сан-Франциско, и вдоль всей реки Миссисипи сверху донизу.

Мы выехали из сонного Норборна и двинулись дальше на юг.

Обед в загородном клубе

— Вы любите гаспачо? У нас очень хорошо готовят гаспачо. А

в такую жару лучше всего есть гаспачо. Значит, гаспачо, — он глянул на метрдотеля, метр — на виночерпия, виночерпий — на официанта. Тот моргнул. — А затем я рекомендовал бы вам, ну, скажем, стейк на рёбрышках. Нигде вам не подадут такой стейк на ребрышках, как здесь.

Мы снова согласились. Произошёл обмен многозначительными взглядами, и официант снова моргнул.

Наш хозяин говорил очень ровно и с достоинством. Не тихо, но и не громко, а именно так, как надо говорить в малом зале загородного клуба.

— Если же вы хотите что-нибудь из морской, пищи, то советую вам хвосты лобстера. Их, правда, привозят из Нью-Йорка, но, поверьте, здесь они свежее, чем там.

И он улыбнулся своей шутке. Пламя трёх свечей в серебряном подсвечнике слегка колебнулось, прозрачная капелька скатилась с лепестка гвоздики на пиджак. Метр поклонился и отошел. За ним, сделав два шага задним ходом, отошел официант. Виночерпий остался уточнять насчет коктейлей и вина к мясу.

В зале, кроме нас, были ещё три или четыре небольшие компании. Столики стояли на значительном расстоянии друг от друга. Люди, сидевшие за ними, разговаривали не слишком тихо и не слишком громко.

Одна стена зала была целиком стеклянная, немного припотевшая от разницы температур: на улице — душный, жаркий предгрозовой вечер, внутри — прохладно и легко. За стеклом, вровень с полом зала, начинался освещенный низкими лампами классический английский газон, опушенный кустами, и посредине, будто врытый в землю, огромный кусок бирюзы — светящаяся вода плавательного бассейна. На качающейся доске для прыжков, свесив ноги к воде, сидели двое юношей и девушка. Тени от них уходили наверх, в небо.

— Что вы будете пить перед едой? — спросил виночерпий и склонил голову в красной бархатной шапочке.

* * *

…Машина американской обязательности — опасная штука. Иногда рискованно нажимать пусковую кнопку.

— Среди моих знакомых нет ни одного техасского миллионера, — сказал я как-то своему американскому приятелю в Нью-Йорке ещё перед поездкой в Техас. Сказал в шутку, вовсе не собираясь нажимать кнопку. Но машина завертелась. Колесики принялись цепляться друг за друга. Мой приятель сказал своему,

тот — своему, и вскоре я узнал, что глава одной весьма известной техасской фамилии (миллионное дело: нефтепромышленность и скот) с супругой будут рады принять у себя дома советского журналиста с супругой, если мы не откажем в любезности заранее сообщить, когда намереваемся быть в их городе.

Мы сообщили.

Глава фамилии оказался седоволосым человеком лет шестидесяти, высоким, плечистым, худым, рукастым и краснолицым — таким должен быть тренер по боксу. Он заехал за нами в отель, как было условлено.

Внутри новенького «мерседеса» («Немцы делают лучшие автомобили в мире») вкусно пахло кожей («Этот запах напоминает мне запах седла»). Панель управления напоминала пульт космического корабля.

— Это — для холодного воздуха, это — для тёплого, — хозяин поочередно нажимал рычажки, — это для аромата. Хотите — будет пахнуть духами «Шанель» номер пять. А можно — розами. Бар, — и он открыл крохотный шкафчик с двумя бутылками и четырьмя стаканчиками. — В багажнике — холодильник.

Дома, знакомя с женой, сказал:

— Потомок одной из трёхсот фамилий, основателей нашего города, рез подделки, — и засмеялся.

Усадив нас в удобные кресла, хозяин коротко, но интересно рассказал об истории города, который в начале века был завалящим ковбойским поселением с индюшками и петухами на улицах. Но потом открылось, что вокруг поселения — нефть. И сейчас это один из крупнейших и богатейших городов Техаса, а Техас, между прочим, богатейший штат Америки. И люди здесь, кстати сказать, самые богатые в стране

Когда мы распили некую толику водки, принесенной нами, и хозяйка громко выразила свои восторги по поводу действительно милой деревянной фигурки медведя, хозяин встал и сказал решительно:

— Идёмте, я покажу вам дом.

Все четверо, мы поднялись с кресел.

— У меня не очень большая картинная галерея, но все же кое-что могу вам показать.

Его жена щёлкнула выключателем, и на стене осветилась картина в старенькой раме. Женщина в длинном белом платье с пояском фиолетового бархата, поставив ногу на стул, поправляет чулок.

— Тулуз-Лотрек, — сказал хозяин, и в голосе его мне послышалась обида. — Подлинник, конечно. Вы, безусловно,

знаете, что Анри Тулуз-Лотрек был замечательным французским художником последней четверти прошлого века. Он родился 24 ноября 1864 года, а умер 9 сентября 1901 года. Главная тема его творчества — парижская богема. Эта картина весьма характерна для его несколько иронического отношения к действительности и манеры письма, которая сложилась не без влияния другого великого французского художника прошлого века — Дега.

Он произнёс всё это чётко и твёрдо, ни разу не помедлив.

— Наверное, вас заинтересует, почему весьма дорогая картина помещена в такой старенькой раме? — задал он вопрос, причем задал так, что было ясно — вопрос интересует и самого хозяина. — Потому что пышная рама не соответствовала бы характеру произведения. Однако поверьте, — сказал он с улыбкой, — эта тоже стоит недешёво. Мне купили её у антиквара в Париже.

Его жена снова щелкнула выключателем, и на другой стене осветилась другая картина.

— А это Моне, Клод Моне.

И тоже сообщил даты жизни и смерти, рассказал об основных периодах творчества и смешной анекдот из жизни художника.

Жена щелкала выключателями раз двадцать. И лампы, скрытые в потолке, отлично освещали действительно замечательные картины. И каждый раз хозяин рассказывал нам немного о художнике, обязательно заканчивая рассказ забавной историей.

В библиотеке он вдруг сказал:

— А теперь взгляните на пол.

Мы взглянули. Под ногами лежал старенький ковёр. Хозяин, не глядя, протянул руку к полке и снял оттуда толстую, большого формата, отлично изданную книгу: «Коллекционные тюркские ковры».

— Вот! — он открыл нужную страницу, заложенную кожаным язычком. — Сравните.

Мы сравнили. Ковёр, репродукция с которого была напечатана в книге, лежал на полу, под нашими ногами.

Хозяин поставил на полку книгу с таким видом, с каким фокусник отдаёт помощнику пустой сосуд, из которого только что чудом был извлечён голубь.

— Четыре старинных коллекционных тюркских ковра из тех двухсот, что числятся в этой книге, лежат в разных комнатах моего дома.

Фраза прозвучала торжественно. Но я снова уловил в ней нотку обиды.

— В моей библиотеке — четыре тысячи томов.

Книг в комнате действительно было много. Они стояли чётким военным строем на полках.

Он подошёл к письменному столу и взял с него обширную записную книжку в кожаном переплёте.

— А теперь я вам открою маленький секрет, — сказал он, улыбаясь. — Мы с женой собираемся в Советский Союз.

Он проследил, какое впечатление произвели его слова.

— Я хочу посмотреть в Средней Азии ваши ковры. Это во-первых. Во-вторых, у некоторых моих приятелей появились коллекции икон. Я тоже хочу завести себе такую. Ну и, конечно, надо побывать в Баку, на ваших знаменитых морских нефтяных промыслах. Я уже начал готовиться, — и он протянул мне записную книжку. — Всё, что нужно: о вашей нефтепромышленности, о скотоводстве, об иконах, о Средней Азии, — он листал страницы, — даже о литературе.

На одной из страниц действительно было выведено наверху резким, решительным почерком: «Литература». И дальше шли имена писателей.

— У меня отличная, память, — сказал хозяин. — Хотите проверить? Назовите любую фамилию.

«Лео Толстой», — прочёл я в последней трети списка.

— Великий писатель. Автор романов «Война и мир» — про войну России с Наполеоном, «Анна Каренина» — про женщину, которая бросилась под поезд от несчастной любви, «Воскресение» — о проститутке. Произведения Толстого пользуются успехом во всем мире.

Он отчеканил слово в слово, как было написано на странице.

— Точно?

— Да, память у вас действительно поразительная, — сказал я.

— И ведь что интересно, — вдруг заговорила его жена. — У людей она обычно с годами слабеет, а у него, по-моему, наоборот, усиливается. — И она да же, пожала плечами: — Разве это не удивительно?

— Это от свежего воздуха, — сказал хозяин скромно. — Я стараюсь как можно больше времени проводить на свежем воздухе.

И он снова повёл нас по дому. На этот раз экскурсия посвящалась быту.

— Да, я бываю на свежем воздухе довольно много… Это спальня… У меня есть ранчо, неподалёку отсюда… Здесь ванная комната, есть ещё две на первом этаже, я покажу… Иногда я езжу на ранчо. И тогда встаю в половине пятого утра, до рассвета… Это гардеробная. Я здесь и вино держу. Только французское — другого не признаю… На ранчо у меня три ковбоя. Двое белых и

один мексиканец. Каждый год, в рождество, я дарю им по паре сапог. Это гардеробная жены… Странный человек, между прочим, этот мексиканец. Совершенно не умеет думать о будущем. Каждую осень, представляете, его половина приносит ему ребенка. Я люблю ранчо. Люблю сам отбирать скот для покупки… А вот ещё одна ванная комната. Между прочим, мрамор — итальянский. А это биде я привёз из Евроггы. Недавно показывал приятелям, открутил кран, не рассчитал — всех окатил…

Наконец мы вернулись в комнату, откуда начинали осмотр.

— У меня есть повар-француз. Но я его сегодня отпустил. Решил, что вам интереснее будет пообедать с нами в нашем загородном клубе…

* * *

…Холодный гаспачо действительно оказался отменным. Стейк — тоже ничего. К нему хозяин заказал шабли. Виночерпий с серебряным ковшиком, который висел на животе на манер боцманской дудки, показав нам этикетку, обернул бутылку в салфетку, ввинтил штопор и, глядя, не на бутылку, а на нашего хозяина, чуть присел, поднатужился и выдернул пробку со звонким хлопушечным взрывчиком. Затем он плеснул из бутылки себе в ковшик, а ковшик поднёс ко рту. Несколько мгновений он переливал вино от щеки к щеке, затем медленно проглотил. И так же медленно, совершая спазматическое движение от воротничка рубашки к подбородку и обратно к воротничку, двигался кадык на виночерпиевой шее.

Разговор за столом прекратился. Все смотрели на артистический акт разливки вина. Мы — с интересом. Хозяин — строго, требовательно и уверенно, как учитель на первого ученика, держащего экзамен в присутствии комиссии. Молчание было таким глубоким, что ясно прозвучал страстный глотательный стон, изданный виночерпиевым горлом.

Вслед за тем виночерпий изобразил на лице высшую степень блаженства, для чего закрыл глаза и покачал головой в красной бархатной шапочке.

Зайдя с правой стороны от хозяина, он налил толику вина в его бокал. Тот поднял бокал до уровня глаз. Прищурившись, посмотрел сквозь вино на пламя свечи, отпил глоток, подумал и значительно кивнул головой.

И только тогда виночерпий принялся разливать вино остальным.

— Если вы заметили, мы стараемся поддерживать в нашем

клубе атмосферу старой Англии, — сказал хозяин, и в голосе его опять прозвучала непонятная мне обида. — Мебель, которую вы здесь видите, куплена для нас на европейских аукционах антиквариата. Мы выписываем для нашего погреба лучшие марки европейских вин. Вся процедура разливки вина восстановлена по книгам и кинофильмам. За этим следит специальный мастер церемоний, которому мы платим немалые деньги. Он, кстати говоря, отпрыск какой-то европейской королевской фамилии. Вон он, — хозяин, не глядя, протянул руку и указал пальцем на человека, которого я принял за метрдотеля.

«Королевич» склонил голову в нашу сторону и улыбнулся.

Наш хозяин говорил много. Точнее, он просто не умолкал. Но это была не болтовня говорливого человека. Это была непрерывная значительная речь, произносимая для небольшой аудитории без напряжения голосовых связок.

Иногда слово пыталась вставить его жена. В таких случаях он, не прерывая речи, поворачивал голову в ее сторону, но смотрел куда-то выше её головы. И питомица одной из трехсот знатных фамилий слегка втягивала голову в плечи. Он привык, чтобы его слушали. Иногда, правда, во время случайной паузы, он вдруг обращался к ней, не глядя:

— Ты, кажется, что-то хотела сказать?

— Да, да… нет, нет, — почему-то смущалась она. — Ты уже это сказал.

И он продолжал спокойно говорить. Он несколько горячился, только когда разговор касался политики:

— Нам нужен порядок! Поэтому страна идёт вправо. Я не бэрчист, я против шараханья. Но нам нужен порядок. Скажу вам откровенно, если бы, не дай бог, в этих выборах участвовал и победил Бобби Кеннеди, я бы навсегда уехал из Соединённых Штатов. Переселился бы в Швейцарию, в Цюрих. Жил бы там и слушал симфоническую музыку.

— Это было бы ужасно! — воскликнула его жена.

Я не понял, относилось ли её воклицание к мысли о том, что покойный Кеннеди мог остаться в живых и победить на выборах, или к перспективе слушать симфоническую музыку в Цюрихе.

— А.что! — продолжал хозяин. — Я очень люблю симфоническую музыку. И все мои друзья — тоже. В нашем городе — один из лучших симфонических оркестров страны. Конечно, он существует на наши пожертвования. Мы приглашаем самых известных европейских гастролеров. За деньгами не стоим.

Компании, которые разделяли наше общество в зале, уже покинули его. Было около десяти часов вечера. Опустела и доска для прыжков над бассейном. Свет над водой погас, и бассейн

казался уже не куском бирюзы, а черным ониксом в земле. Пусто было в зале. Только у противоположной стены, возле тяжелых драпри, закрывавших, по-видимому, вход в кухню, стояли по стойке «смирно» три фигуры: мастер церемоний, виночерпии и официант. Все трое смотрели в нашу сторону.

— Мы хотим только одного: чтобы Техас оставили в покое, — сказал хозяин, снова возвращаясь от музыки к политике. — Чтобы не вмешивались в нашу жизнь. Мы знаем, как добывать нефть. Мы знаем, как разводить коров. Мы, как видите, неплохо разбираемся в искусстве. А уж политику как-нибудь осилим. Во всяком случае, порядок будет у нас всегда. И если нам не будут мешать демагоги, вроде Кеннеди и Маккарти, никаких негритянских волнений у нас не будет.

От трёх фигур отделился негр-официант, подошёл к столу и быстро убрал тарелки.

— Кофе? — спросил он.

Подошёл виночерпий, выписанный из Европы, спросил с французским акцентом:

— Коньяк? Ликер?

Приблизился метр, он же мастер церемоний, он же королевский отпрыск. Спросил, будто ответил:

— Десерт…

Был выбран только кофе.

— В нашем клубе триста членов — самые уважаемые и, конечно, самые состоятельные люди города, — сказал хозяин сердито. — Мы хотим, чтобы нас не трогали.

Принесли кофе. Отхлебнув глоток, хозяин вдруг оживился:

— Я расскажу вам одну историю. В Вашингтоне собирались принять, один законопроект. Детали вам неважны, но смысл был таков: Вашингтон будет учить Техас, как жить. Мы узнали об этом, собрались в клубе. Что делать? И вот решили — поедем в Вашингтон. Собралось нас шестьдесят пять человек. Надели ковбойские сапоги, шляпы, приедали на аэродром, зафрахтовали самолет и через три часа — в Вашингтоне. Пришли в конгресс и так всей кучей в шестьдесят пять человек принялись ходить от одного конгрессмена к другому. Те спрашивают: «Что нужно для вас сделать, ребята?» Мы твердим одно: «Оставьте нас в покое. Провалите законопроект».

Хозяин, улыбаясь, вытер губы салфеткой. Воспоминание доставляло ему удовольствие.

— И что вы думаете? Добились своего. Нам обещали, что провалят законопроект. Мы сели в самолёт — и через три часа уже пили виски в клубе. Законопроект, конечно, не прошёл.

Он засмеялся, довольный.

— Нет, всё-таки демократия — это замечательная вещь. В конце концов у нас, если захочешь, можно добиться всего, — сказал он с некоторым назиданием в мой адрес

— Я был в Вашингтоне, — ответил я, — когда там около памятника Линкольну в фанерном городке жили бедняки — представители разных штатов. Вы знаете, конечно?

Он кивнул.

— Их было, по-моему, несколько тысяч. Они тоже ходили по министрам, по конгрессменам. Но ничего не добились. Их даже не приняли.

Он захохотал. Искренне, от души. Он решил, что я просто остроумно пошутил.

Мастер церемоний, виночерпий и официант, все стоявшие у входа в кухню, слегка заулыбались, услышав смех патрона. Они все время держали натянутой невидимую ниточку, которая связывала их с нашим столиком.

Обед был закончен. Королевский церемониймейстер, шепча слова благодарности, проводил нас из зала и у выхода раскланялся. Виночерпий и официант кланялись на расстоянии.

В вестибюле хозяин, взяв меня за руку, потащил в туалет.

Прошу прощения у читателей за эту деликатную подробность, но она имеет непосредственное отношение к дальнейшему повествованию.

Мужской туалет загородного клуба трехсот самых уважаемых семей города делился на две огромные комнаты, вернее даже — залы. Одна зала, так сказать, функциональная, была отделана мрамором (итальянским, конечно). На стенах — зеркала в позолоченных рамах. Потолок лепной — как в Сандуновских банях. И в четырёх углах зачем-то стояли четыре мраморных бюста второразрядных древнеримских мыслителей (подлинники, конечно).

Во «вспомогательной» зале пол был покрыт отличным тюркским (я уже считал себя специалистом этого дела) ковром, по углам расположились мощные бронзовые тетки, державшие в руках абажуры. Там и сям стояло штук двадцать больших, в стиле банкирской мебели начала века, кресел. У каждого кресла — маленький столик с газетами, журналами и телефоном. Посреди комнаты, был сооружён довольно большой фонтан, в котором плавали апатичные рыбки. Одну стену целиком занимало зеркало в позолоченной раме. И на длинной полке возле него стояли открытые баночки с кремами, пудрами, флаконы со средством от пота и прочие штуки, которые увидишь разве лишь в театральной гримировальной. Уж не королевский ли отпрыск развернул здесь свои таланты?

Мой миллионер вдруг хохотнул. Я взглянул на него, ожидая объяснений.

— Вспомнил одну историю, которая произошла здесь, вот в этой самой комнате. — Он с удовольствием закурил сигару от газового светильника. — Сидели мы как-то здесь — несколько человек, курили, разговаривали. Вдруг кто-то упомянул, что в Нью-Йорк приехала на гастроли некая европейская знаменитость, сопрано. «Заполучить ее к нам!» — закричали мы. Я ведь говорил вам, как мы тут любим музыку. Но оказалось, что певицу уже просили об этом, а она — ни за что. Заявила, что после концертов надо сразу возвращаться в Европу. Не скажу, что мы обиделись, но что-то такое каждого из нас, я думаю, зело. И тогда встает один из наших — отличный, между прочим, парень, — и говорит: «Я все устрою, приятели». Просит включить все телефоны на параллельный номер. Мы нажимаем кнопки. Он вертит диск и через минуту разговаривает с менеджером певицы. А ещё через минуту — с ней самой. Мы сидим, курим сигары, слушаем. Он говорит ей, что десять ценителей искусства из Техаса желают послушать её пение. Она отказывается, не может, мол, приехать, занята, и собирается класть трубку. Тогда он объясняет, что мы будем слушать её пение по телефону. Пусть она прямо сейчас и споёт нам арию Кармен. И называет круглую сумму. А сам смотрит на нас — пойдём ли на расходы. Мы киваем: валяй, мол. Она вначале опешила. Даже по телефону было слышно, как тяжело задышала. А потом кричит: «Это оскорбление!» И слова похлеще.

А он спокойно удваивает сумму.

Она снова в крик.

Он снова прибавляет.

И вот она перестала кричать. Помолчала. И потом говорит: «Хорошо, я согласна».

И запела. За-пела!

А мы сидим здесь, простите, в туалете, и, что говорить, торжествуем. Европейская знаменитость поет нам, техасским парням, арию Кармен по телефону. Утерли нос Нью-Йорку!

Деньги мы ей, конечно, перевели в тот же день.

* * *

Снова мы едем в «мерседесе» по городу. На заднем сиденье лежит не замеченная мной раньше сорокаведерная ковбойская шляпа.

Около отеля он вдруг кладет мне руку на плечо.

— О нас рассказывают сказки, — говорит с горечью. — Называют нуворишами. Поганенькие интеллигенты пишут, что мы, мол, знаем только деньги и не имеем понятия о духовных ценностях. Ведь вы читали о нас такое, правда?

Я понял наконец, почему я слышал иногда обиду в его голосе.

— Ну вот, видите. А ведь мы совсем не такие. Потому мне и захотелось принять вас, показать вам нашу жизнь, наши интересы. Сознайтесь, вы не думали встретить здесь такого человека, ведь правда?

Не дожидаясь моих слов, он кивнул головой удовлетворенно, не сомневаясь в ответе.

— А таких, как я, в нашем клубе довольно много, поверьте.

Я верю.

Пустынники

«Остановись! Купи землю! Тебе не нужно быть богатым, чтобы купить эту землю! Через десяток лет ты будешь жалеть, что не купил!»

Земля действительно была неважнецкая. Одно слово — пустыня. Настоящая, без шуток. Серая зёмля до горизонта. Голубое небо без облачка. И — солнце. Тяжёлое, бьющее жаром и злобой. Оно бьёт не только сверху, но и с боков, снизу — рикошетом от блестящих жестяных банок и бутылочных осколков, которые тянутся вдоль обеих сторон дороги, как драгоценное украшение или как две контрольно-следовые полосы — это уж как вам больше нравится. А само шоссе — белое, нескончаемое, как дорога в вечность.

Еду, высунув в окно машины руку, как собака язык. Левая щека горит — солнце надавало пощечин. С рукой — совсем плохо. Пришлось обвязать полотенцем. Конец полотенца бьёт по металлическому зелёному боку машины, развевается, как белый флаг капитуляции.

Не я один капитулирую перед солнцем. В окна высовывают даже ноги. Грязные пятки, протянутые к солнцу, — это уже последняя степень отчаяния.

Хорошо тем, кто с кондиционером. Сидят, застёгнутые на все пуговицы, в прохладе, за холодными покойницкими стеклами. Катят по пустыне в собственных автосклепах, торжественные, как привидения.

Впрочем, в этот час машин на дороге мало. Пустыню надо пересекать либо утром, либо вечером. Дёрнула же меня нелёгкая, вопреки всем инструкциям, оказаться здесь в час дня!

Ещё утром ехал я по Аризоне. Вдоль сороковой дороги,

предназначенной мне свыше, самим господом госдепом. Вокруг буйствовали краски. Вдоль Аризониных горизонтов — синие холмы. Поближе — холмы сиреневые… А у самой дороги несли сторожевую службу причудливой формы красные камни, выветренные, как лица индейцев. Жухлая, жёлтая травка. Лошади без седоков, без пастухов, без ограждений. Разноцветные облака, отражавшие краски земли. То была так называемая Окрашенная пустыня. Почти что благодать земная.

Кончилась Окрашенная пустыня, и замелькали вдоль дороги нескончаемые городки, проткнутые ею, как шпагой. У каждого городка было своё название, хотя трудно было сказать, где заканчивается, например, Тракстон и начинается Крозьер, где заканчивается Крозьер и начинается Вэлэнтайн. Над всеми маленькими названиями господствовало одно — большое. Оно произносилось автомобильным радио прозой и в рифму с самыми приятными словами, оно выпевалось, оно высвечивалось, вымигивалось и даже электрическим путем вытанцовывалось на маленьких и больших рекламных щитах. Это слово было «Лас-Вегас». Он был тут, этот город развлечений, красивейших женщин, вращающихся рулеток, бешеных денег, знаменитейшего отеля «Пустыня», город крупнейших афер, фешенебельных кабаре, неожиданных банкротств и обогащений. Совсем недалеко. Стоило только свернуть направо у городка Кингмэн с дороги номер 66 на дорогу номер 93.

Так и было написано на одном плакате: «Сверните направо у Кингмэна, и вы обретете счастье».

О том, что обретение счастья находится в прямой зависимости от поворота рулевой баранки по часовой стрелке у Кингмэна, путешественника убеждали с возрастающей настойчивостью.

Вежливые вначале предложения относительно поворота становились всё более и более императивными. Вскоре на меня стали кричать, как на извозчика: «Сверни к Лас-Вегасу!», «Правь на Лас-Вегас!», «Гони к Лас-Вёгасу!», «Забирай вправо у Кингмэна!». Потом, видимо, опомнившись, вновь, сменили тон на просительный. Даже умоляющий: «Если вы и не намеревались ехать в Лас-Вегас, все равно сверните», «Поездка займет несколько часов, но разве вы не хотите узнать, что такое счастье? Сверните вправо у Кингмэна!» И вот наконец Кингмэн. В самом его центре, на скрещении дорог 66 и 93, стояла огромная стрела, указующая вправо. На стреле, усыпанной сотней больших и маленьких лампочек, светилось и гипнотизировало блистательное слово: «ЛАС-ВЕГАС» — и, конечно, ещё два слова: «Сверни направо».

Я почувствовал, что баранка помимо моей и вопреки воле госдепа крутит туда, куда зовет меня стрела, то есть к счастью, которое, оказывается, так близко — всего в двух часах пути — и, оказывается, так возможно.

У самого поворота стоял мотель под названием «Стрельба по Звёздам», который рекламировал себя довольно самоуверенно: «Остановись у нас один раз, и ты будешь останавливаться здесь всегда». Из «Стрельбы по звёздам» неожиданно выскочил потрёпанный тупорылый грузовичок и принялся пересекать площадь против движения. В последний момент мне удалось рвануть руль влево и уйти от невесёлой возможности остаться около «Стрельбы по звёздам» навсегда. Это маленькое происшествие освободило меня также от гипнотической силы стрелы, призывавшей крутить вправо. Через минуту я уже ехал дальше, умиротворённый, как Одиссей, вырвавшийся из объятий сирен, как праведник, устоявший от дьявольского соблазна. Нечистая рекламная сила Лас-Вегаса, правда, ещё разок попыталась совратить меня с пути истинного. «Не свернул? — горестно спросил плакат через полмили после поворота и резюмировал: — Ну что ж, упустил своё счастье».

Я зажмурился и проехал, утешая себя мыслью, что Голливуд в конце концов тоже, как говорят, город счастливых возможностей.

А дорога вела меня именно туда.

Проехав, метров сто, я всё-таки не выдержал, оглянулся. На обратной стороне промелькнувшего меланхоличного плаката, обращённой к встречным машинам, я увидел жизнерадостное: «Хотите испытать счастье? Сверните у Кингмэна налево, к Лас-Вегасу!»

Потом был пограничный городок Топок, где полицейские штата Калифорния строго спрашивали, не везу ли я в машине фрукты, овощи и мясо. Один даже велел открыть багажник, но, увидев мой нью-йоркский номер, заулыбался.

— Из какой части Нью-Йорка? — спросил он.

— С Манхэттена.

— А я из Бруклина, — сказал полицейский, всё улыбаясь. — Вот куда занесло.

— За счастьем ездили?

— Вот именно, — он усмехнулся. — Вы тоже?

Я ответил что-то неопределённое.

Обо всем этом я вспоминал, двигаясь посреди великой калифорнийской пустыни, совсем недалеко от Долины Смерти, под лучами оголтело жарившего солнца. Левая рука болела. Левой щекой я мог бы разогреть порцию борща в небольшой кастрюле.

Наверное, я и дальше продолжал бы жалеть себя, если бы не заметил впереди странную повозку. Подъехав ближе, увидел повозку, похожую на фургон американских пионеров. Он стоял одиноко метрах в пятнадцати от дороги. Возле понуро прядали ушами четыре сереньких осла. Повозка была зелёная. Над ней серый залатанный брезент, на котором крупными буквами масляной краской выведено: «Ветеран Джон». Я съехал на обочину, прорыв на контрольно-следовой полосе из пивных и кока-кольных банок четыре канавки, и остановил машину.

Кроме четырех ослов, возле фургона никого не было видно. Я подошёл ближе.

На звук моих шагов из фургона донеслось вначале ленивое собачье тявканье, потом я услышал кряхтенье и затем увидел, как по скрипучей лестничке с повозки спустился седой бородатый старик. Он был среднего роста, плотный, в защитного цвета военных бриджах, драных полуботинках, в голубой рубашке с погончиками. Голова была покрыта носовым платком с узелками на уголках — совсем так, как покрывают голову отчаянные загоральщики где-нибудь в Геленджике.

За стариком показалась мохнатая собачья голова. Пес осмотрел меня формально, безо всякого интереса или чувства бдительности, и снова скрылся в кибитке.

Старик же остался стоять, глядя на меня молча, но враждебно.

— Не нужна ли какая-нибудь помощь? — спросил я.

Старик ответил вопросом на вопрос:

— Будете фотографировать?

— Как вы попали сюда? — снова спросил я.

— Если будете фотографировать, то скорей, а то жарко, — старик упорно придерживался своей темы разговора.

— Вы не с киногруппой? — все пытался я найти объяснение этому необыкновенному видению в пустыне.

Старик посмотрел на меня неодобрительно и сказал с раздражением:

— Я глухой, не слышу.

До меня не дошёл сразу смысл его заявления, и я еще что-то сказал вполне механически.

Старик рассердился не на шутку и закричал на меня:

— Не слышите, что ли: я глухой!

Я не знал, что делать. На всякий случай взялся за фотоаппарат. Может быть, действительно сфотографировать? Но не успел я навести фокус, как старик с быстротой, которую от него трудно было ожидать, метнулся к фургону, достал оттуда здоровенный фанерный щит и прикрылся им. На щите той же

краской, что и на фургоне, было выведено: «Запрещено делать фотоснимки без разрешения». Старик стоял за плакатом. Только голова выглядывала сбоку. И виднелись ноги в драных полуботинках.

Я жестами попытался выяснить, у кого надо испрашивать разрешение. Старик смотрел на меня внимательно. Потом сказал:

— За фотографию я беру пятьдесят центов.

Я полез в карман за деньгами. Он сразу оживился, бросил щит, надел на голову синюю пилотку ветерана, подошел к ослам, обнял одного из них за шею и заулыбался.

Я трижды щелкнул фотокамерой. Полутора долларов как не бывало.

Старик совсем подобрел и разрешил осмотреть своё жилище.

В фургоне я увидел алюминиевую раскладушку е тюфяком, рукомойник, какие-то тряпки, куски оберточной бумаги. На дырявом деревянном ящике, который служил столом, стояла металлическая миска. Под полом в висячей клетке кудахтали куры. Старик, как видно, двигался по пустыне вполне автономно. На деревянной полке стояли две книги: Библия и словарь 26 языков.

Я изобразил вопрос на лице и ткнул пальцем в словарь 26 языков. Старик заулыбался и сказал неожиданно просто:

— Для интереса.

Тогда я отнёс свой вопрос к нему самому.

Проглатывая окончания слов, Джон объяснил, что он ветеран второй мировой войны, дрался в Европе. Был контужен. Постепенно терял слух. Было трудно жить. И он придумал вот такой способ существования. Уже много лет ездит в своём фургоне. Зарабатывает тем, что позирует перед туристами и берёт по 50 центов за фотографию. Начал своё путешествие с Восточного берега. И вот медленно перебирается, как настоящий американский пионер, на Запад.

«В Лас-Вегас заворачивали?» — спросил я, написав вопрос палочкой на песке.

Старик кивнул и потом сердито плюнул на то место, где я изобразил город счастья.

«А теперь куда?» — нарисовал я на песке.

— В Голливуд, — сказал старик серьезно. И добавил уверенно: — Там заработаю.

«А потом?» — снова написал я палочкой. Старик пожал плечами и покачал головой. У него ещё не было планов.

— Жарко, — сказал он и с трудом проглотил слюну.

«Где воевали в Европе?» — задал я вопрос тем же графическим способом.

— Везде, — сказал старик и махнул рукой. — Начал с Нормандии.

«На Эльбе были?»

— Был на Эльбе, был… — ответил старик устало и снова сказал: — Жарко.

Я понял, что разговор, пожалуй, окончен. И начал прощаться.

— Постойте! — встрепенулся старик. — Вы можете сделать ещё снимок.

Он позвал пса. Тот вылез заспанный, взлохмаченный, в соломе. Морда была недовольная.

— Служи, — приказал старик и пощелкал пальцами над псиным носом. — Служи, ну-ка, служи.

Пёс посмотрел на старика снизу вверх, криво усмехнулся и снова полез в фургон, в тень.

Старик плюнул с досады и, кряхтя, полез за ним…

* * *

Пустыня всё-таки, надо сказать, была относительной, не на все сто процентов. Нет, конечно, всё, что нужно, там было: бесплодная земля, знойное солнце, песок, даже маленькие миражные озерца, полные воды и прохлады, впереди вдоль дороги. Но, как говорится, не то! Дело в том, что сама дорога, усыпанная по обе стороны бутылками и банками от прохладительных напитков, разрушала атмосферу пустынного одиночества, по железной дороге плелся неимоверной длины поезд с надписью на вагонах «Санта Фе». Время от времени мелькали плакаты с приятным словом «айс» — лёд. А через каждые пятнадцать — двадцать миль стояли бензоколонки неких братьев Уайтинг, а также лавки по продаже автомобильных радиаторов и маленькие кафе с кондиционированным воздухом и всем пищевым набором, который вы обнаружите в таком же кафе на Бродвее в Нью-Йорке. Бензоколонки и кафе подрывали атмосферу пустыни.

Правда, цены в этих заведениях тоже были взрывчатыми. На жаре делали деньги. Недаром один магазинчик у Кингмэна, перед началом пустыни, рекламировал себя так: «Покупайте всё необходимое здесь. Все магазины в пустыне — просто мираж».

Рядом с очередной газолиновой станцией братьев Уайтинг возле дороги стоял человек в странном для этой раскаленной пустыни одеянии. На нем было тяжелое демисезонное драповое пальто. В одной руке человек держал большой и, видимо, тяжёлый бумажный сверток, перевязанный крест-накрест

веревкой. В другой — старую фетровую коричневую шляпу, которой махал мне, призывая остановиться.

Я остановился. Человек, тяжело передвигаясь, подошёл к машине и, сказав «спасибо», влез в неё.

Ему было лет 65. Голубые глаза за стёклами стародавних очков. Мокрые волосы ежиком. Тяжёлые, неподвижные морщины на обожжённом солнцем лице. Под пальто — шерстяной костюм и рубашка с галстуком. Карман пальто оттопыривала пустая стеклянная пол-литровая банка.

Галстук и рубашка были мокрыми от пота. Человек положил сверток на заднее сиденье, туда же — шляпу, но пальто не снял. Вытер лицо большим несвежим носовым платком, потом потер руками, будто умылся, неглубоко вздохнул.

— Куда едете? — спросил я.

— В Голливуд, — ответил пассажир.

— Я тоже. Могу подвезти до места.

— Спасибо, но я вначале только до Эмбоя. Там слезу, передохну. Плохо переношу машину, да ещё в такую жару.

От него исходил душный жар, будто в машине установили раскалённую печку и плеснули на неё водой.

— Вы довольно тепло оделись.

Он кивнул:

— Ничего не поделаешь. Не бросать же вещи.

Когда он говорил, морщины-ущелья на его лице двигались, открывали незагорелое своё дно, и почти коричневое лицо покрывалось живыми белыми полосами.

— Путешествуете?

— Нет, еду помирать.

— То есть?

— Ну насовсем.

— А откуда?

— Из Чикаго.

* * *

Медленно, тяжело подставляя слова одно, к другому, он рассказал свою историю. Ничего особенного. Просто человек работал клерком в какой-то маленькой фирме. Неожиданно заболел — и все сбережения сразу же ушли на врачей и лекарство. Страховка покрыла лишь первоначальные небольшие расходы. Всё, что удалось собрать за долгую жизнь, исчезло за четыре месяца болезни. Наконец выздоровел. Пришёл на работу. Его не приняли. Извинились, сказали «тэйк ит изи» — не

огорчайся — и не приняли. И он вдруг понял, что никого, абсолютно никого он не интересует и никому не нужен. Жена умерла за несколько лет до этого. Друзья его же круга прятались от него: ничем не могли помочь; кроме того, он их пугал, как предсказание их собственного возможного будущего. Вспомнил, что в Лос-Анджелесе у него есть приятель, с которым давно не виделся, лет тридцать. Написал ему. У того оказалось положение не лучше: тоже старый, тоже никому не нужен. Признался в письме, что хотел покончить жизнь самоубийством: очень уж тоскливо жить. Ну и вцепились друг в друга. Решили жить вместе. Дешевле. А помереть постараются одновременно.

Вот он и едет. Правда, лет тридцать не виделись, не знает — остались ли они друзьями. Но всё равно. Хоть оба будут знать, что есть кто-то рядом, кому ты не совсем безразличен…

Так он рассказывал, время от времени вытирая лицо платком.

— Все живут в одиночку. Каждый сам по себе, и каждый дрожит сам по себе… Кругом за деньгами гонятся. А за людьми — никто не гонится.

— А друг ваш давно живёт в Лос-Анджелесе?

Пассажир усмехнулся:

— Он туда поехал, когда был молодым. За счастьем. Везде писали — Голливуд, земля счастья, вот и поехал. Сниматься в кино.

— Снялся?

— А.кто его знает. Может, и снялся. Он об этом не писал.

Загорелые не бледнеют, они становятся серыми. Лицо старика быстро серело. Его действительно, наверное, укачивало. Или просто было жарко. Пальто снимать он почему-то отказывался.

Мы подъехали к Эмбою.

Пассажир сдержанно поблагодарил и, взяв сверток и шляпу, потихоньку пошёл в сторону кафе, над которым призывно горели слова: «Ветчина, яйца, сэндвичи, хэмбургеры, мороженое, ледяной чай, ледяной кофе».

Машина моя раскалилась до предела. На крыше можно было без больших затруднений печь блины. Я решил передохнуть. Пыльный городок Эмбой состоял из придорожного кафе, заправочной станции «Уайтинг бразерс», лавки по продаже автомобильных радиаторов и трех-четырех жилых домов. Я постарался прижать машину поближе к глухой стене одного из домиков, чтобы разгоряченный «форд» хоть частично оказался в тени. Однако откуда-то появилась рассерженная женщина в халате, голова в розовых бигуди, и принялась кричать, что земля частная и стоять здесь нельзя. Я ответил, что не посягаю на

частную земельную собственность, мне нужна только тень.

— Доллар, — сказала владелица бигуди, строго.

В Чикаго, в аптеке, я видел пустые закупоренные консервные банки, в которых продавался «чикагский воздух». За банку воздуха аптекарь брал по доллару с четвертаком.

Но вот торговлю тенью я встречал впервые

— Дорого запрашиваете, — сказал я, быстро освоившись. — Всего тени-то два вершка.

Бигуди усмехнулись:

— Зато тень какая! Высшего качества!

Тень действительно была ничего — плотная, без обмана. Я протянул бигуди доллар.

В кафе у стойки сидел мой пассажир. Хозяин вежливо, но строго втолковывал ему:

— Мы не можем разрешить вам так просто сидеть. У нас не парк. Закажите что-нибудь. Хоть стакан кока-колы.

— Дайте мне, пожалуйста, стакан воды, — сказал старик.

— Вода подаётся бесплатно вместе с любым заказом, — ответил неумолимый хозяин.

Я сел рядом со стариком, и вопрос уладился. Есть пассажир не стал. Большими глотками, екая кадыком, выпил подряд два стакана воды. Несколько минут потом сидел молча. Затем вытащил из кармана пальто свою пол-литровую банку и попросил официанта налить в нее воды горячей. Официант пожал плечами, но кипятка налил. Старик посидел еще немного и, попрощавшись, ушел.

Когда я вышел из кафе, старик, все не снимая пальто, сидел возле бензоколонки братьев Уайтинг на ящике в крошечном кусочке тени и отдыхал

— Поедемте, — предложил я.

— Нет, спасибо, — покачал он седой головой. — Я ещё немного подожду, пусть жара спадет. Поездка была очень приятной, — добавил он вежливо.

Я пошёл к машине. Как из-под земли явилась продавщица высококачественной тени.

— Сказали — десять минут, а простояли целых двадцать, — упрекнула она. Я дал ей еще несколько монет. Она пересчитала и молча кивнула.

Через полчаса я выезжал из Эмбоя.

Жара не уменьшалась. Наоборот — кажется, увеличивалась. Даже бело-голубые плакаты с холодным словом «айс» не облегчали положения.

Глава восьмая
АВГУСТ

Майами

Жарко. Чертовски жарко в Майами. Потерявший чувство меры заграничный Фаренгейт развернулся на все сто градусов выше нуля. Но, и от родимого сдержанного Цельсия тоже мало радости — он не опускается ниже тридцати шести.

Разомлевшие люди надувают воздушные шарики с надписью: «Только Никсон». Другие разомлевшие надувают — «Только Рокфеллер». Пот капает на агитшарики с лиц и рук, оставляет на именах кандидатов следы перламутровых рек и высохших, дряблых озерец.

По городу ходит равнодушный агитслонёнок — символ республиканской партии. Вдоль наждачного брюха надпись: «Роки» (Рокфеллер). Слоненок послушно передвигает свои толстые слоновьи ноги и подолгу смотрит на океан. Влажность воздуха такая, что кажется, в воде должно быть суше. Несомненно, кто-то из великих решил сварить здесь, в этой жаре, гигантский суп из делегатов съезда, гостей, местного населения, туристов, раскрашенных старух, сухопарых агентов секретной службы и жилистых журналистов.

Кто съест этот суп, пока неясно. То ли «Дики» (Никсон), то ли «Роки» (Рокфеллер). И тот и другой держатся бодро. Чем ближе конвент, тем уверенней, улыбчивей, решительней. Так полагается. Полагается быть уверенным в собственной победе. Иначе — беда. Так, во всяком случае, утверждают психологи и социологи предвыборной борьбы, которые, как известно, знают странную душу американского избирателя вдоль и поперек.

А душа действительно странная. Об этом свидетельствуют электронно-счётные машины.

«Никсон и его люди пребывают в отличнейшем расположении духа, — пишет одна газета. — Ясно, что Никсон победит при первом же голосовании. Об этом говорят данные опроса общественного мнения».

«Рокфеллер и его люди никогда не выглядели так жизнерадостно, — пишет другая газета. — Ясно, что Рокфеллер — более приемлемый кандидат для республиканской партий. Об этом свидетельствуют данные опроса общественного мнения».

Стучат арифмометры. Мелькают голубые цифры на экранах

электронно-счетных машин. Пахнущие средством от пота элегантные молодые люди из фирм, занимающихся социологическими и политическими исследованиями, ходят по избирателям, пытаются научно разобраться в избирательской душе. Результаты научно поставленных опросов они закладывают в превосходные компьютеры фирмы «Ай-би-эм». И хотя айбиэмовские компьютеры действительно первоклассны, каждой социологической фирме странным образом удается получить от них совершенно разные результаты. Как-то так необъяснимо получается, что и «Дики» и «Роки» располагают данными каждый в свою пользу.

1333 делегата соберутся в понедельник на национальный конвент республиканцев. Достаточно 667 голосов, чтобы республиканцы знали, кто будет их кандидатом на предстоящих выборах. Люди Никсона («они держались уверенно, как никогда») объявили вчера, что за «Дики» проголосует не меньше 700 делегатов. Основание? Опрос общественного мнения, проведённый институтом Гэллапа между 20 и 23 июля. Компьютеры Гэллапа сообщили: если бы выборы президента проводились сегодня, то Никсон победил бы Хюберта Хэмфри со счетом 40–38, а Юджина Маккарти — со счётом 41–36, в то время как Рокфеллер смог бы обойти Юджина Маккарти только в соотношении 36–35, а игру с Хюбертом Хэмфри губернатор смог бы лишь еле-еле свести вничью: 36–36.

Однако люди Рокфеллера («жизнерадостные, как никогда») были готовы к удару. В их распоряжении оказался опрос общественного мнения, проведенный молодыми людьми из института Луи Харриса. Айбиэмовские компьютеры Харриса препарировали душу, избирателя несколько иначе. По их данным, в случае, если бы выборы проводились сегодня, «Дики» не выиграл бы у Хэмфри, но проиграл бы ему со счетом 35–37, а Юджину Маккарти и подавно: 34–42. Что касается Рокфеллера, то он легко выиграл бы у Хэмфри 37–34 и проиграл бы только Маккарти 32–38.

Губернатор между 21 и 26 июля провел еще и свой собственный частный опрос общественного мнения (через фирму «Политические исследования и анализы инкорпорейтед»). Этот опрос, подытоженный все теми же первоклассными айбиэмовскими компьютерами, принёс совсем уже бодрые новости о том, что только Рокфеллер может победить любого демократического кандидата на выборах, а никак не Никсон. Поэтому на конвенте в Майами республиканская партия должна выдвинуть кандидатом в президенты не Никсона, а Рокфеллера.

Что-то неладное творится с первоклассными айбиэмовскими

машинами…

* * *

Оба кандидата — в полной боевой готовности. Их люди, их тактические силы и стратегические резервы— уже в Майами. Сами кандидаты появятся там за день-два до начала конвента. На войне как на войне. На двух господствующих высотах города оборудованы командные пункты враждующих лагерей.

Нельсон Рокфеллер избрал для своего командного пункта 14-й этаж восьмиугольного отеля. Оттуда хорошо видно здание, в котором будет происходить конвент. Телефоны, телевизоры, портативные радиостанции «хожу-говорю», сложное электронное оборудование — все это обеспечивает бесперебойную связь с полем сражения — залом конвента и его делегатами.

КП Никсона оборудован на территории женского солярия на крыше отеля «Хилтон Плаза». Сам кандидат с супругой будут жить в номере рядом. Номер стоит 300 долларов в день. Женский солярий заставлен средствами связи. Оттуда тянутся провода к зданию конвента — прямая связь с «ключевыми» делегатами.

Разведки обоих КП трудятся денно и нощно. Благодаря их стараниям стало известно, что в штабе Никсона — 225 человек. У губернатора — только 50. Однако Рокфеллер снял для своих людей (включая путешествующий с ним корпус прессы) весь отель, все 550 номеров. Никсон же довольствовался лишь двумя этажами «Хилтона» (100 номеров) и известным уже нам женским солярием.

Конвент выделяет в распоряжение каждого кандидата по 20 автомашин. Обоюдные разведки донесли, что команде Рокфеллера этого хватит. Команда же Никсона будет пользоваться 125 легковыми автомобилями.

Впервые в истории избирательной борьбы США применены военно-морские силы. Имеются в виду два быстроходных моторных бота Никсона, которые будут стоять, так сказать, под парами постоянно. Они предназначены для того, чтобы в случае дорожных заторов команда Никсона могла пробираться к зданию конвента свободным морским путем. Рокфеллер, чей КП находится на пять миль дальше от здания конвента, военно-морскими силами не обладает.

Объявлено, что «Роки» дает первый прием делегатам конвента, гостям и прессе (6 тысяч человек) в понедельник, в день открытия.

В среду Никсон пригласил делегатов на, как выражаются

газеты, «гигантский чай».

Чай — тоже составная часть политического супа, который варится в Майами. Варево обходится недёшево.

Губернатор Рокфеллер (вступивший в предвыборную борьбу значительно позже Никсона) истратил на свою компанию 6 миллионов долларов.

Входной же билет в Белый дом обойдётся будущему президенту, как здесь считают, минимум в 50 миллионов долларов, то есть на 15 миллионов дороже, чем в 1964 году. Все дорожает в Америке. Когда-то (впрочем, можно сказать и точнее — в 1846 году), когда Авраам Линкольн собирался стать конгрессменом, его сторонники дали ему 200 долларов на избирательную кампанию. Линкольн вернул кредиторам, 199 долларов и 25 центов. Вся кампания обошлась ему в 75 центов — он купил на них бочку сидра и выставил её избирателям.

Простые радости стоили дешёво.

Теперь сенаторское кресло стоит, по подсчётам американской прессы, миллион долларов. По этому же прейскуранту кресло губернатора — полтора миллиона! Место в палате представителей обходится победителю в 50 тысяч. Чуть дешевле обходится побежденному только мечта об этом кресле.

Так что воздушные шарики с именем кандидата — не очень-то лёгкая ноша. Но дороже всего обходится в политической торговле, конечно, телевидение, точнее, реклама навязываемого президентского товара.

В 1960 году по телевидению было передано 9 тысяч специальных «коммершлз» — коротких рекламных программ, восхваляющих товар — в данном случае кандидата в президенты. В 1964 году число их увеличилось до 29 300. Сколько будет «коммершлз» в следующие годы, даже трудно себе представить. Но их будет много, очень много. Судить можно хотя бы по 1966 году. Во время выборов в конгресс и в муниципалитеты общее число «коммершлз», посвященных рекламе разного рода кандидатов, достигло тогда астрономической цифры — 3 миллионов 797 тысяч 783.

Стоимость каждой такой передачи различна. В Лос-Анджелесе минута политической рекламы вечером стоит 2300 долларов, в Бостоне — 1700. А 60 секунд политической рекламы по общенациональной программе стоят до 55 тысяч долларов.

Это означает, что войти в американскую политику может, как правило, или очень богатый человек, или человек, который, по выражению одного американского обозревателя, «запродал свою душу».

Каждое пятое кресло в сенате США занято миллионером.

Губернатор Рокфеллер сказал, что на переизбрание его губернатором штата Нью-Йорк в 1966 году республиканская партия потратила 5 миллионов долларов. Однако Дик Никсон намекнул, что сумма в 14 миллионов будет гораздо точнее.

Статистика говорит, что в восьми случаях из десяти в американской политической жизни побеждает тот кандидат, который больше истратил на свою избирательную кампанию.

Предвыборная кампания этого года, критического года в истории Соединенных Штатов, отличается от обычных.

Американцев, уставших от войны во Вьетнаме, гораздо больше волнует политика будущего президента, они с гораздо большим, чем обычно, вниманием вдумываются в позиции кандидатов и, может быть, меньше разглядывают шарики с их именами. Но сейчас вопрос о том, кто будет баллотироваться в ноябре, решают не избиратели, а делегаты, в большинстве своем назначенные партийным руководством.

Они-то и представляют собой основной продукт, из которого варится политический суп в жарком городе Майами.

Грим не сходит с лиц трех возможных республиканских кандидатов в президенты — Никсона, Рокфеллера, Рейгана. Толстым, весьма заметным слоем лежит он, прибавляя лицам недостающее: щекам — мужественный загар, бровям — орлиный размах, взгляду — лучистость.

Всего этого требует его величество цветное телевидение, под гипнотическим оком которого постоянно пребывают все трое. Телевидение создает «имидж» — образ, телевидение диктует свои законы, вплоть до фасона стрижки и цвета галстука. Телевидение'Господствует сегодня в Майами-Бич, где проходит конвент республиканской партии. Господствует оно и в самом зале конвента. Все физические командные высоты — у него.

Под потолком, на семиметровой высоте, висят специально для этого случая построенные платформы для стационарных камер. Под потолком же висят три громадных, каждый величиной в большую комнату, деревянных куба. В них помещаются студии трех крупнейших телекомпаний. Одна стена каждого куба стеклянная.

Си-би-эс прислала в Майами на конвент команду из 800 человек. Эн-би-си отстала от своего конкурента на сотню. Эй-би-си довольствуется числом 400.

Итак, на 1333 делегата приходится 1900 телевизионщиков только из трёх крупных компаний.

Никто, конечно, всерьёз не считает, что 800 человек — это действительно необходимое число людей для ежедневной трехчасовой передачи в течение недели. Насчёт 700 тоже никто

не берётся утверждать. Даже число 400 вызывает серьёзные сомнения и иронические улыбки.

Однако принципы американской политической жизни — уж если что делать, так делать с возможно большим шумом, уж если тратить деньги на политическую кампанию, то тратить оглушительно — телевидением соблюдаются свято.

Ещё до начала конвента Си-бн-эс обрушила на зрителя сногсшибательную рекламу: «В Майами нас будет 800 человек! Наше оборудование повезут на полсотне самых вместительных грузовиков! Мы снимем в Майами 750 комнат в отелях! Впервые в истории США мы покажем вам конвент в цвете! Наши передачи будут стоить 22 миллиона долларов».

У американца захватывает дух, отвисает челюсть, округляются глаза. Расчет на психологию: «Если у них так всего много и все так дорого стоит, — должен подумать телезритель, — значит, надо смотреть именно Си-би-эс, а не Эй-би-си с её четырьмя сотнями репортёров».

Американцы любят и уважают числа. Особенно большие числа. И особенно когда речь идет о деньгах.

Надо сказать, правда, что за сногсшибательными цифрами стоит действительно отличная техника и безупречная организация.

Целый электронный город был построен под крышей конвеншн-холла. Точнее, даже три автономных города — соответственно каждой из трёх телекомпаний. Фанерные городские стены — это попытка сохранить от конкурента секреты.

Электронный город Си-би-эс составлен из 21 грузовика с кузовами вроде алюминиевых холодильников, в которых транспортируют скоропортящиеся продукты. Грузовики оснащены всем необходимым телеоборудованием, от режиссёрского пульта управления до умывальника, и пришли своим ходом из Нью-Йорка. Их загнали под крышу конвеншн-холла, поставили рядом кузов к кузову, сняли боковые стенки, соединили крыши и полы — и таким образом очень быстро смонтировали большую телевизионную станцию, годную для обслуживания крупного города (через неделю грузовики отправятся своим ходом в Чикаго и там снова смонтируются в станцию, чтобы вести передачи с конвента демократической партии).

В «город» поступают «живые» новости — зрительные и звуковые, — которые, как пыль, всасываются 70 стационарными и портативными (действующими без кабелей) телекамерами Си-би-эс в разных уголках конвеншн-холла, в отелях, где живут делегаты, в штаб-квартирах кандидатов, на аэродромах, просто на улицах и даже на пляжах. Это щупальца гигантского пылесоса

новостей. Пыль фильтруется в грузовиках редакторами, режиссерами, монтажерами, техниками. Отбирается та, которая нужна, обрабатывается политически и в конденсированном виде подается в куб со стеклянной стеной, что висит под потолком в зале конвента. Каждый куб — это центральный пульт управления пылесосом. Там находятся продюсер и главный комментатор. От них товар в окончательной политической упаковке поступает на эфирный рынок.

Кроме Си-би-эс, Эн-би-си и Эй-би-си, репортажи с конвента ведут несколько американских телекомпаний помельче. Вместе с ними работают радиокомпании. Кроме того, телеграфные агентства (только у Ассошиэйтед Пресс на конвенте 200 репортёров), газеты, журналы, кино.

Гигантский, шумный, мощный, круглосуточно вибрирующий пылесос новостей. Он включен на полную мощность. Он достаёт и засасывает в своё прожорливое нутро самую маленькую новость с арены республиканского конвента. Но он настолько могуч и ненасытен, что ему не хватает новостей. Он начинает засасывать и сам конвент со всеми его флагами, воздушными шариками, трещотками, дудками и самими делегатами. По сравнению с тем вихрем, который поднят вокруг телевидением и прессой, сам конвент кажется маленьким, незначительным, маловажным.

Взбесившийся голодный пылесос, заглотав конвент, наконец принимается пожирать самого себя. Он сам изобретает новости, сенсации, политические платформы, сам их комментирует, поддерживает или отвергает.

И всё это бросают телезрителю, радиослушателю, читателю.

Такой поток информации не только невозможно обдумать, переварить, проанализировать. Его нельзя даже зарегистрировать, хотя бы частично, в сознании.

Один английский журналист, увешанный пятью бирочками — пропусками в пять разных секций конвеншн-холла, сказал мне сегодня, удивленно подняв брови:

— Не кажется ли вам, что американцы в этом шуме и гаме уже забыли, а ради чего, собственно, собрался конвент?

На трибуне оратор в сером пиджаке. Что-то говорит. Громко, наверное, и отчетливо. Жестикулирует. Поднимает голос в нужных местах. Понижает тон в нужных местах. Он, наверное, неплохой оратор.

Так, во всяком случае, кажется, если смотришь на него.

Перед ним огромная аудитория. Конвент республиканской партии США. Больше тысячи делегатов. Их жены и дети. Их гости. Несколько тысяч журналистов.

Разговаривают, смеются. Жуют сэндвичи. Пьют кока-колу.

Ходят. Стоят в проходах. Засыпают. Курят. Дают интервью. Фотографируются. Спят. Флиртуют. Жуют резинку. Здороваются. Глазеют по сторонам. Собирают автографы. Просыпаются. Пьют пепси-колу. Рассматривают фотографии. Говорят по телефону. Зевают.

Шум от этих действий стоит такой, что отлично работающая усилительная аппаратура не может донести слов оратора до зала. Ни один человек в зале не слушает оратора. Не доверяя глазам своим, я вожу по рядам — методично и аккуратно, как исследователь — сильным телевиком фотоаппарата. И я не нахожу ни одного делегата, который бы слушал. И я, откровенно признаться, тоже не слушаю. И даже не стараюсь.

Я перевожу взгляд с делегатов на журналистов. Они работают: диктуют, берут интервью, обмениваются мнениями, сведениями. Пожилой толстый корреспондент стучит на машинке со скоростью не меньше тысячи знаков в минуту. Каретка летает туда-сюда, как челнок на ткацком станке. Что может он писать с такой скоростью? Какую такую сногсшибательную новость узнал этот лысый дядя? Чем спешит он поделиться с миром? Я знаю, что это нехорошо, но не могу удержаться, чтобы не посмотреть через его плечо на листок, вставленный в пишущую машинку. «Срочно» — стоит гриф сверху. А строчкой ниже начинается текст: «На конвенте республиканской партии ничего нового. До сих пор считается, что Никсон имеет все преимущества. Однако люди Рокфеллера полагают, что их фаворит может рассчитывать на…» Дальше я не читаю. Дальше я знаю наизусть. И каждый здесь знает.

Лысина стремительного корреспондента, который передает новость об отсутствии новостей, отражает все буйные цвета конвента. Многокрасочного и яркого, как ярмарка. Зеленые, голубые, оранжевые и желтые стулья. Горчичный ковёр. Ослепительно белый свет юпитеров. Голубые флагштоки. Разноцветные флаги. Желтые канотье, белые ленты на тулье с синими буквами — за Никсона. Синие ленты с белыми буквами — за Рокфеллера. Бордовая лента — за Рейгана. Конвент шумен не только звуками, но и цветом. И лишь черного цвета почти нет. Совсем мало негров среди делегатов.

А человек в сером костюме на трибуне все говорит. И лицо его принимает то решительное выражение — наверное, осуждает кого-то, то улыбчивое — наверное, в этот момент он острит. А его никто не слушает.

Но самое удивительное, что его самого это, видимо, нисколько не волнует и не огорчает. Он ни разу не потребовал тишины. Не потребовал её и председатель, не стукнул большим

деревянным молотком по столу.

Наконец человек в сером костюме закончил речь. Джазовый оркестр, находящийся в противоположном конце зала, заиграл лихой цирковой галоп. Делегаты, услышав бодрые джазовые звуки, оживились и похлопали оратору в ладоши.

«А сейчас будет развлечение», — сказал председатель. Делегаты повернулись спинами к трибуне и обратили свои взоры к оркестру. Там уже стояла певица, которая исполнила популярную песенку «Когда дым застилает тебе глаза». По окончании песенки оркестр опять сыграл цирковой галоп, дав делегатам знать, что надобно похлопать (звуки галопа служили тем звоночком, на который условным рефлексом делегаты откликались аплодисментами). Затем выступал новый оратор. Снова играли цирковой галоп. Выходил певец и оборачивал ползала к себе. И пел песенку «Крошка, не будь строга со мной».

Всё это действо напоминало мне беззаботную оперетку под названием «Ярмарка невест», которую я когда-то видел в Пятигорском театре музыкальной комедии.

И безногий ветеран, который сидел, в инвалидной коляске у входа в зал конвента на улице, держа в, руках маленький плакатик «Остановите войну во Вьетнаме», казался человеком из другого мира. Совсем-совсем чужим для этой веселящейся толпы.

Все в зале — от журналиста, который строчил важную корреспонденцию об отсутствии новостей, до оратора — знали: происходящее в этом зале, слова, сказанные с этой трибуны, не имеют никакого значения для решений, которые будут приняты конвентом. Решения принимаются совсем в других местах…

А здесь шёл цветастый в шумный спектакль, который с удовольствием и знанием дела разыгрывали участники — для публики.

Американцы часто слышали от Никсона, от Рокфеллера и от других республиканских политических деятелей, что решения ныне будут принимать сами делегаты партийного съезда, прошли, мол, те времена, когда решение конвента определялось в прокуренных комнатах партийных боссов.

Но все оказалось так же, как прежде, как сто лет назад. Именно там, в тех прокуренных комнатах, и идет серьезный неслышный разговор, серьезная торговля. «Я тебе голоса делегатов, а ты мне…» Не так, конечно, просто и прямо по форме, но так же грубо по существу.

Похожая на мыльный пузырь цветастая оболочка конвента республиканской партии оказалась настолько прочной, что её не смогли прорвать бурные, процессы, происходящие в стране в этот один из самых критических периодов истории Соединенных

Штатов.

В зале решительно нечего было делать. У выхода я протянул человеку в полицейской форме руку, как для поцелуя. Он поставил на тыльной стороне моей ладони печать — невидимой фосфоресцирующей краской. Невидимой для простого глаза, но различимой под светом специальной лампы. Так, со следом поцелуя американской службы безопасности на руке, я вышел из зала. Справа и слева в коридоре продавали сувениры: симпатичных слоников — символы силы республиканцев, канотье с именами кандидатов, нагрудные значки с их портретами, Я приценился. Канотье с именем Никсона стоило полтора доллара. Канотье с именем Рокфеллера стоило столько же. Особым успехом пользовался значок-оборотень. Если посмотреть на него слева — увидишь улыбающегося Рокфеллера, если зайти справа — ясно различается улыбка Никсона. Значок считался удачной шуткой. Делегаты покупали его, улыбаясь.

Я вышел из здания. Воздух на улице напоминал дорогую моему сердцу атмосферу Сандуновских бань. Объектив «Зенита» вспотел мгновенно.

На траве в тени лежали уставшие полицейские, положив под головы пластиковые шеломы.

За углом группа хорошеньких девиц, в коротких юбочках, в канотье и надписью «Никсон», разучивала под руководством элегантного старика в кавалерийских галифе приветственные движения ногами.

Грустный инвалид в коляске все еще держал в руках плакатик, требовавший мира во Вьетнаме.

В небе летели два самолёта, похожие на наш «кукурузник». За первым тащился хвост из слов: «Никсона — в президенты». Второй тянул хвост из двух строчек подлинней. Красные буквы заманчиво вытанцовывали: «Привет делегатам конвента республиканской партии. Девочки без бюстгальтеров в бурлеске на 22-й улице ждут их к себе».

Это началось вчера, когда воздушные шарики с надписями «Роки», «Дики», «Рони» празднично сыпались из огромных рыболовных, сетей, которые были подвешены под потолком зала съезда республиканской партии. Делегаты, восторженно выкрикивая имена кандидатов в президенты, наступали на шарики ногами, шарики лопались, и в зале съезда стояла густая пулемётная стрельба. «Великий и прекрасный штат, такой-то выдвигает кандидатом в президенты США человека великих принципов такого-то», — и снова сыпались шарики и стояла стрельба, как во время кавалерийского налёта.

Я не знал тогда, что где-то совсем рядом с конвеншн-холлом

шла не шариковая, а настоящая стрельба, не знал о событиях в районе Свобода, когда в половине четвёртого утра, после окончания великого республиканского торжества, вышел из зала съезда и отправился в гостиницу. Жаркую и влажную тишину на улицах нарушали лишь гудки машин, которые развозили делегатов, да пение. Пели два десятка негров, напротив выхода из здания конвента. Они пели очень негромко, но пение их было таким контрастом только что прекратившемуся реву, что слышалось отчётливо.

Я беден и чёрен,
Но все ж я человек.
Я голоден и чёрен;
Но все ж я человек.

Негры были одеты в комбинезоны, в какие одеваются рабочие южных плантаций.

Я знал их. Это были участники движения бедняков. Их привёл сюда, в Майами, вождь этого движения, преемник Кинга, священник Абернети.

Накануне я видел их в штаб-квартире съезда, которая помещалась в самом фешенебельном отделе Майами — «Фонтенбло».

Они шли по вестибюлю плотной кучкой. И казались такими чужими среди дорогих ковров, начищенной меди. Они держались вместе. Охочие до всяких событий репортеры и телевизионные камеры немедленно окружили их, а они шли потихоньку от одной двери к другой.

Впереди шёл Абернети. Плотный человек, неторопливых, степенных движений, с медленным, я бы сказал, лицом, на котором и глаза тоже казались медленными. Но они — я видел их много раз — умели зажигаться, когда ему надо было действовать. Я видел его таким впервые через несколько дней после убийства Кинга. Глаза были жесткими и стремительными. И вся его плотная фигура приобретала стремительность, делалась изящной и ловкой. Сейчас же он шёл медленно, медленно поводил головой из стороны в сторону. И через равные короткие интервалы спрашивал не очень громко тех, кто шел рядом с ним:

— Слышали ли вы когда-нибудь о Майами?

— Да! — кричали ему громко в ответ.

— Были ли вы когда-нибудь здесь?

— Не-е-ет! — несся крик.

— Вы здесь теперь, — негромко продолжал Абернети. — Смотрите вокруг, смотрите внимательно — так живут богатые

люди Америки.

Этот диалог повторился несколько раз. Он спрашивал негромко. А те отвечали криком.

Потом они запели. Ту самую песню, что утром, перед рассветом пели негры напротив зала съезда республиканской партии.

Эти люди приехали в Майами, чтобы напомнить шумному и самодовольному партийному съезду республиканцев, что за стенами зала, который машины накачивают особым сухим и прохладным воздухом, есть другой воздух — горячий и влажный, как на болотах вдоль великой Миссисипи; что живут в Америке люди, интересы которых никак не представлены на конгрессе республиканской партии (из 1333 делегатов — всего около 30 негров; они представляют 51-й штат Америки; а название штата — голод).

Но конгресс, конечно, ни о чем не пожелал вспомнить.

В то предрассветное утро, когда я шёл из зала конгресса, а усталые люди Абернети пели песню на тротуаре: «Но всё ж я человек», совсем неподалёку от фешенебельных отелей Майами-Бич, в которых разместились делегаты, в негритянских кварталах Майами уже лилась кровь.

По словам местной газеты, во всём были виноваты сами негры.

Они требовали, чтобы власти города обратили внимание на их положение: на их школы, на их заработки, на их жилищные условия. Они требовали, чтобы среди полицейских и пожарников в негритянском районе были негры. Как и люди Абернети, они ничего не добились.

Тогда они вышли на улицу. Как могут выразить свой протест несколько сотен негров в городе Майами, протест неорганизованных, необразованных, отчаявшихся людей? Криками. Битьём стёкол в магазинах. Перевернутой и сожженной машиной. Этот протест не простирается дальше своих же кварталов, своего же мучительно знакомого гетто.

Полиция отлично знает, как поступать в таких случаях. Вначале на полицейской машине привезли священника-негра, дали в руки микрофон, ждали, что успокоит толпу. Он начал. Но люди, стоявшие возле машины, кричали:

— Нам надоело слушать вас… Нам надоело слушать вас…

Священник говорил.

— Пусть они опустят оружие… — скандировала в ответ толпа. — Пусть они опустят оружие…

Священник продолжал.

— Мы не можем ждать, — неслось ему в ответ. — Мы не

можем ждать.

Полицейские поняли, что священник им не поможет, и отправили его в участок передохнуть.

Толпа осталась один на один с охранниками порядка, того самого порядка, который так неплох, если судить о нем по речам в конвеншн-холле.

— Стреляйте в нас! Стреляйте в нас! — кричала толпа.

И полицейские начали стрелять. Не стоит и говорить, что все полицейские в этом негритянском районе — белые.

По словам местной газеты, полицейские вынуждены были обороняться. Но это была какая-то странная оборона. Среди первых арестованных были два семилетних мальчика. А среди первых убитых — восьмилетний негритянский мальчонка. «Оборонявшиеся» же полицейские не пострадали, если не считать удара камнем, полученного одним из них.

Газеты и телевидение (операторы снимали уличные бои с вертолетов) поспешили объяснить, что «беспорядки» в районе Свободна (да, да, именно Liberty — так и назывался этот негритянский район Майами) никак не связаны с конвентом республиканской партии. Может быть, не знаю. Может, это и действительно случайное совпадение, что отчаяние людей, живущих в районе Свобода, хлынуло горлом именно тогда, когда ревел восторженный съезд, когда симпатичнейшие девицы в коротеньких юбочках ходили по фойе и демонстрировали делегатам надпись на ленте через плечо: «Поцелуй меня, я республиканка».

Вместе с моими коллегами — корреспондентом «Известий» Мэлором Стуруа и корреспондентом радио Валентином Зориным — мы взяли такси.

— В Свободу.

Водитель понимающе кивнул.

— Мы в Америке как на фронте, — сказал он и дал своё объяснение: — Жарко. Очень тяжело здесь жить в жару. Особенно если плохо живешь. Я их понимаю…

Он был белым парнем.

Через несколько миль, приближаясь к Liberty, мы увидели, как хозяева магазинов закрывали витрины деревянными и металлическими щитами.

— Готовятся, — сказал водитель серьезно. Мы уже знали, что его зовут Джеймс Гибсон.

Белое граничит с чёрным резко, без переходов. Вон там, на той стороне улицы, были белые. А здесь уже негры. И сразу много людей на улице. Женщины на скамеечках возле, домов. Ребятишки. Увидев нас, провожали машину настороженным

взглядом, показывали пальцами.

На углу 67-й улицы и 15-й авеню горела машина. Легковая, белого цвета. На нее никто не обращал внимания. Три десятка мужчин сидели на бордюре тротуара, положив тяжелые руки на колени.

На углу группой стояли полицейские. Глубокие металлические пуленепробиваемые шлемы. У каждого в руках — карабин.

Один замахал нам рукой — дальше нельзя.

— Он не разрешает, — сказал Джеймс. — Улица закрыта.

Улица действительно была закрыта. В конце её мы увидели несколько пожарных машин. Услышали выстрелы. Там, как видно, было самое важное.

Запыхавшийся полицейский держал карабин одной рукой ловко и привычно.

— Убирайтесь!

Я протянул ему журналистское удостоверение.

— У-би-рай-тесь! — повторил он раздельно и почему-то почти шёпотом.

Я снова сунул ему документ.

— Здесь нет никакой прессы! Вы хотите, чтобы вас убили?! — свирепо крикнул он и приказал Джеймсу: — Быстро, вон той улицей.

Но Джеймс наверняка имел душу журналиста. Он повёз нас к тем пожарным машинам кружным путём. Всего крюку-то — три квартала.

Здесь полицейские не стояли группами, а двигались короткими перебежками от укрытия к укрытию. И не переставая стреляли куда-то в поперечную улицу. Оттуда им тоже отвечали выстрелами.

Джеймс замедлил ход.

— Возьмёт? — кивнул он на мой фотоаппарат.

Мы подъехали поближе. Это был настоящий уличный бой. По всем правилам. Тех, кто шёл вперед, прикрывал огнём из карабинов десяток полицейских за громадной пожарной машиной. На пустынном тротуаре стоял маленький негритенок и плакал.

Джеймс всё двигался вперёд полегоньку. Но тут по корпусу машины ударила пуля. Мы легли на сиденья. Джеймс безо всякой команды сразу переключил скорость и погнал «форд» назад. Погнал мастерски, лежа на своем сиденье, не поднимая головы над рулём, задним ходом. Остановил, лишь завернув в безлюдный переулок. Пуля, наверное, была шальная. Не хотелось думать, что в нас стрелял негр. Обидно, что тебя могут посчитать

врагом только потому, что ты белый.

Итак, конвент республиканской партии в Майами-Бич — уже история. Опущены с потолка зала съезда на пол веревочные сети, из которых, как мыльные пузыри, падали на головы делегатов воздушные шарики с именами кандидатов. Равнодушные мусорщики сгребли в большие кучи плакатные кандидатские улыбки, и 12 грузовиков санитарного департамента вывезли на городскую свалку лозунги «Рокфеллер может выиграть» и «Рейгана — в президенты» вместе с конкурирующими бумажными стаканчиками из-под кока- и пепси-колы.

1333 делегата, вволю натопавшись, наоравшись, наголосовавшись, надемонстрировавшись и навеселившись, отбыли в свои штаты, увезя с собой в качестве сувениров отельные пепельницы и опереточные канотье с автографами кандидатов. Городские власти вернули в Майами-Бич проституток, выселенных для приличия на время конвента. 5 тысяч корреспондентов (по 3 целых 75 сотых представителя прессы, телевидения и радио на одного делегата) получили отгульный день, который провели на пляжах и в барах, поглотив неимоверные дозы экваториального солнца и «Смирнофф-водки».

Закончилось большое, шумное, хорошо поставленное, хотя внешне и беспорядочное партийное шоу.

* * *

Но ещё долго будут посещать бедовые журналистские головы кошмарные сны-считалочки. 547 голосов — за Никсона, 269 — за, Рокфеллера, 157 — за Рейгана (по предсказаниям Ассошиэйтед Пресс); 660 — Дики, 269 — Роки, 171 — Рейган (Юнайтед Пресс); 660 — Дики, 295 — Роки, 181 — Рейган; 300… 664… 445… 123… 456… 789…

Цифры, цепляясь друг за друга, танцуют бешеный галоп вокруг священного числа 667. Кто наберет 667? Кому, так сказать, водить?

— Алабама! — выкрикивает с трибуны председатель конвента.

— Великий и прекрасный штат Алабама — пас, — несётся из зала голос главы делегации.

— …Аризона!

— Великий и прекрасный штат Аризона — пас!

— …Джорджия!

— Персиковый штат Джорджия — пас!

— …Мэриленд!

— Прекраснейший из прекрасных штат Мэриленд с гордостью выдвигает кандидатом в будущие президенты США человека великих принципов мистера Ричарда Никсона!

Эти крики ещё звучат в ушах. И видятся красные от натуги лица восторженно ревущих делегатов. Ещё бьют в виски удары предусмотрительно залатанных барабанов.

— Красивейший штат Флорида отдаёт 32 своих голоса за человека великих принципов — Никсона. Один голос за Рейгана. Один голос за Рокфеллера…

— Прекрасный штат Индиана отдаёт голоса всех своих 26 делегатов за Никсона!..

Когда очередь дошла до штата Висконсин, Никсон уже имел 680 голосов — на 13 больше, чем нужно было для победы. И в запасе ещё был штат Вайоминг с 12 голосами. Считалочка закончилась.

«Эники-беники ели вареники, эники-беники клоц». Никсону «водить».

Результат считалочки стал известен по крайней мере за час до начала голосования. О нем сообщил Уолтер Кронкайт — главный корреспондент телевизионной компании Си-би-эс (портативные телевизоры стояли перед многими журналистами и делегатами в зале). Он даже назвал точную цифру голосов, которые получит Никсон. Планы сторонников Рокфеллера — не дать Никсону победить во время первой баллотировки и затем, во время последующих, перетянуть на свою сторону голоса делегатов, убедив их, что Никсон не может выиграть, — потерпели неудачу.

Будущие менеджеры будущих политических кампаний, паблиситмэны, будут тщательно анализировать, где и когда Роки совершил ошибку. Они. будут изучать архивы, газетные отчеты, просматривать телевизионные пленки и фотографии. Может быть, купеческие приемы, устраиваемые Роки, показались делегатам излишне откровенными? Может быть, их больше привлекали сдержанные «парти» Никсона. (не залихватский джаз, а скрипичный октет, виски не с самого начала, а только со второй половины приема)? Или у рекламных девочек Роки юбочки были менее «мини», чем у Дики? Неудачный гримм для телевидения? Не такая, как нужно, жизнерадостная улыбка? (При нынешнем состоянии телевизионной техники, между прочим, уже недостаточно уметь улыбаться одними губами. Надо, чтобы и глаза лучились. В этом смысле все кандидаты завидуют Рейгану, губернатору Калифорнии, бывшему киноактёру. Голливудская тренировка позволяет ему в любой момент вылепить на лице искреннейшую улыбку, которая выдерживает испытания любым

телекрупешником.)

Или вот ещё немаловажная деталь. На аэродроме в Майами батальон рекламных девиц Роки встречал без разбора всех прилетающих делегатов одним и тем же криком: «Мы хотим Роки» — и приветственными движениями ног. У Дики же кроме девочек на аэродроме работали опытные молодые люди. Они никого не веселили и ничего не кричали. В их карманах находились списки самых важных, так называемых ключевых делегатов. Тихие молодцы наметанным глазом выискивали в толпе нужного человека, подходили, мягко брали под руки: «О вас, сэр, позаботился мистер Никсон. Вас ждет специальная машина». В машине по дороге к отелю тихони успевали ненавязчиво сообщить делегатам разные дополнительные подробности о незаурядных человеческих и государственных качествах своего патрона. И уж с этого момента ключевые делегаты не выходили из-под влияния людей Никсона.

Но все же не в этих деталях причина того, что майамские мусорщики вывезли на свалку лишь портреты Рейгана и Рокфеллера, а улыбку Никсона по приказу свыше оставили впрок (пригодится для ноябрьских выборов в Белый дом).

После своего поражения на выборах 1962 года в губернаторы штата Калифорния Ричард Никсон сказал журналистам: «Я покидаю вас и хочу, чтобы вы знали — вам будет скучно. Вы больше не увидите около себя Никсона, джентльмены. Это моя последняя пресс-конференция».

Однако в 1968 году хозяева республиканской партии вновь сочли, что Ричард Никсон — самый подходящий кандидат в президенты США от республиканцев.

В течение многих десятилетий эта партия являла собой организацию менее всего склонную к переменам, оплот самодовольного консерватизма, ретроградства и реакционности, высокомерного презрения к заботам и нуждам простых смертных.

Слон, по прихоти известного карикатуриста прошлого столетия Томаса Наста ставший символом, а впоследствии и официальной эмблемой республиканской партии, оказался как нельзя кстати. Толстая слоновья кожа, слоновья неповоротливость вполне отразили характер этой партии крупной американской буржуазии.

Республиканский слон старательно бил горшки в посудной лавке мировой политики. Но продолжительное битье посуды — занятие дорогостоящее и опасное, — осколки могут пробить и слоновью кожу. Все короче становились в стране периоды республиканского правления, все продолжительнее — сидение в оппозиции. Упорное нежелание считаться с действительностью

поставило партию перед перспективой существенного ослабления ее позиции. Не прошло бесследно и то серьезное поражение, которое потерпели республиканцы в 1964 году, под водительством фаворита так называемых «республиканских троглодитов» Барри Голдуотера.

Зазвучали призывы к переменам. Образовалась группа несколько более умеренных политиков, склонных иногда видеть мир не таким, как хотелось бы, а таким, каков он есть на самом деле.

Нельсон Рокфеллер, губернатор штата Нью-Йорк, один из пяти братьев, контролирующих многомиллиардный бизнес, то ли исходя из деловой расчетливости предпринимателя, то ли из своего немалого политического опыта, оказался в этой группе. Его тщательно взвешенная позиция, критические замечания в отношении войны во Вьетнаме, обещания облегчить положение негров, позаботиться о «забытых людях» Америки снискали ему репутацию «нового республиканца», деятеля, который в условиях широкого недовольства провалами администрации Джонсона способен вернуть республиканскую партию к власти. Лозунг «Роки может выиграть» стал его главным аргументом в борьбе с Никсоном, стержнем всей предвыборной кампании.

Имелся в этом лозунге намёк на репутацию политического неудачника, закрепившуюся за Никсоном после того, как тот проиграл в 1960 году в борьбе с Джоном Кеннеди президентское кресло, а через два года не смог добиться избрания на пост губернатора Калифорнии.

Позиция Рокфеллера, если судить по опросам общественного мнения, привлекла внимание значительного числа американских избирателей. Предсъездовские «поллы» Харриса, например, показали, что у Рокфеллера, если он будет выдвинут кандидатом от республиканской партии, возможно, будет несколько больше шансов в борьбе с будущим демократическим кандидатом за президентское кресло, чем у Никсона.

Одним словом, в республиканскую цитадель твердолобого консерватизма проникли новые ветры. Но далее весьма слабых дуновений дело не пошло. Рокфеллер не смог получить благожелательного отклика у хозяев партии и потерпел поражение.

О том, что большинство делегатов конвента предпочтет Никсона, было известно не за час и не за два до начала голосования. Большинство делегатов республиканского конвента по традиции получили свои мандаты не в результате выборов, а были назначены партийными боссами. Для большинства делегатов поездка на конвент — это лишь бесплатный билет на

грандиозное шоу, полученный в награду за голос, который надо отдать тому кандидату, на которого укажет босс.

60 процентов делегатов конвента участвовали в конвенте 1964 года, когда кандидатом в президенты от республиканской партии был выдвинут Барри Голдуотер (его официально представлял тогда делегатам и весьма эмоционально рекомендовал не кто иной, как Ричард Никсон). А в 1968 году на конвенте выступавший с речью Барри Голдуотер был встречен овацией.

Республиканская считалочка оказалась игрой на большие деньги, очень большие. Но не азартной игрой. Её результат был предсказан ещё весной. Попытка Рокфеллера и его сторонников изменить ход событии потерпела поражение.

Ричард Никсон показал себя политиком опытным и ловким. С одной стороны, он опирался на поддержку традиционного консервативного крыла партии, а с другой, учитывая настроения избирателей, он кое-что сделал для смягчения своей прежней репутации «жесткого политика». В последнее время он перестал говорить о необходимости «добиться победы во Вьетнаме» и провозгласил своей целью там — «достижение почетного мира». Что Никсон имеет в виду под словом «почетный», американские избиратели не знают, но ключевое слово «мир» играет свою роль.

Некоторая «либерализация» позиции Никсона, видимо, согласно тактике республиканских консерваторов, нуждалась в немедленном балансе. И на другое утро после победы на конвенте Никсон, к удивлению непосвященных, предложил в качестве вице-президента США кандидатуру Спиро Эгню, доселе мало кому известного губернатора штата Мэриленд. Настолько малоизвестного, что имя его даже не упоминается в последнем справочнике «Кто есть кто в Америке».

Майамские журналисты, удивленные новостью, провели опрос на улицах города — слышал ли кто-нибудь об Эгню. Ответы доставили журналистам большое профессиональное удовольствие: «Какое-то восточное блюдо», «Кажется, сорт ореха», «Чемпион по водным лыжам», «Очень известный певец», «Это едят?»

Однако, как выяснилось, о Спиро Эгню всё же кое-что известно. Известно, например, что он твёрдый сторонник полицейских расправ над негритянский освободительным движением. В Балтиморе губернатор Эгню требовал, чтобы полицейские стреляли по неграм. А тех полицейских, которые отказывались открывать огонь, он сравнивал с американцами, отказывающимися воевать во Вьетнаме. Известно также, что Эгню считался сторонником Рокфеллера, но затем перешёл в лагерь

Никсона, принеся с собой 18 из 26 голосов делегации штата Мэриленд.

Никсон предложил кандидатуру Эгню после ночного совещания с видными деятелями реакционного крыла республиканской партии, в основном из расистов южных штатов (надо сказать, что на конвенте одним из главных менеджеров у Никсона был южно-каролинский сенатор Тормонд, известный расист; он же сопровождал Никсона к трибуне, откуда тот произнёс свою официальную речь о согласии стать кандидатом).

Газета «Нью-Йорк таймс» называет всё это «торговлей с южным расизмом» с целью получить в ноябре голоса южан.

Кандидатура Эгню вызвала протест либерального крыла республиканской партии. Но «мини-восстание» ни к чему не привело. Партийная машина навалилась, и Эгню стал кандидатом в вице-президенты.

Конвент закончил свою работу под звуки выстрелов из полицейских карабинов в жителей восставшего негритянского гетто Майами. Но эти выстрелы, как видно, мало обеспокоили большинство делегатов.

Три электронных города, построенных под крышей зала конвента в Майами тремя крупнейшими, телевизионными компаниями, разбираются. Сложное телеоборудование скоро отправится за две тысячи миль на север, в Чикаго, где 26 августа накануне дня рождения президента Джонсона должен открыться съезд демократической партии, на котором станет известно имя демократического кандидата в президенты США. С ним придется вести борьбу Ричарду Никсону за президентское кресло.

Однако демократическая считалочка вряд ли будет отличаться от республиканской. Результат её предсказывают давно. Там, вероятнее всего, будет «водить» Хюберт Хэмфри. Впрочем, не будем спешить.

ЧИКАГО

После долгого стояния в очереди на шестом этаже отеля «Конрад Хилтон» в Чикаго я наконец обзавёлся четырьмя блёклыми картонными квадратиками. На каждый день конвента — определенный квадратик. Утром я вешаю его на шею. Для этого мне выдан специальный шнурок. И целый день хожу с картонным медальоном, на котором значится мой номер — 1905. Это для опознания и установления благонадежности. Каждый раз, входя в Международный Амфитеатр, где проходит съезд демократической партии США, и выходя из него, я покорно сую

мистический квадратик в машину, смотрящую на меня единственным пустым глазом. Получив мой медальон, машина-часовой вращает свои интеллектуальные шестерни, несколько мгновений соображает и выносит приговор: благонадёжен или нет. Если да, — пустой глаз загорается зеленым светом. Я могу проходить. Если нет, глазница светит красным, а машина пронзительно верещит. Оказывается, в невзрачном картонном медальоне помещена металлическая пластинка, которая служит доказательством благонадежности. Машина раз и навсегда знает: благонадежен лишь тот, кто имеет железку. Если железки нет — надобно тревожно верещать.

В деле распознания благонадежности безмозглая машина значительно выше человека. Человек, может ошибиться, сжалиться, пойти на компромисс, ему могут вдруг внушить доверие чьи-то чистые глаза. Машина же принципиальнее человека. Нет железки — верещит. Тогда сбегаются живые копы и детективы, хватают, арестовывают, если нужно — бьют. Ответственную задачу хватать, арестовывать и бить поручают все-таки живым людям. Потому что ни одна машина еще не может превзойти человека в этом почетном деле

Я видел мастерство битья, доведенное до совершенства. Дело было так.

В Линкольн-парке, на берегу озера Мичиган, в северной части города, нашли прибежище тысячи людей, так называемых «мирников», приехавших в Чикаго из разных концов Соединенных Штатов, чтобы крикнуть делегатам конвента слова: «Прекратите войну во Вьетнаме!»

Когда я приехал в парк, «мирники» сидели на траве, читали книги, ели, разговаривали. Большая группа — полторы или две тысячи человек сидели и стояли около негра, который играл на тамтаме.

Длинными пальцами, чёрными сверху и незащищённо-розовыми снизу, он ударял по двум разно звучащим барабанам. Звуки причудливо рассыпались, и казалось, ничто не связывает их. Но когда я прислушался, то почувствовал за россыпью глухих и звонких ударов медленный, сильный ритм, который подчинял себе все звуки и придавал им грусть и тревогу одновременно. Никогда раньше не думал, что барабанному бою может быть присуща грусть.

Негр стоял на коленях. Он не покачивался в такт, как обычно делают это люди, играющие на тамтаме. Он был прям и неподвижен. Он смотрел перед собой, но не на людей, его окружавших, а чуть выше их.

Люди слушали его, опершись на фанерные листы с

портретами покойного Роберта Кеннеди, на большие плакаты с надписью: «Прекратите войну во Вьетнаме!»

Вокруг этой совершенно спокойной толпы нервно двигались полицейские, спазматически сжимая в руках темные, отполированные долгим употреблением дубинки (пальцы казались бескровными, и на суставах выступили яркие желтые и красные пятна). Я не знаю, что было причиной их нервного состояния. Может быть, условный рефлекс. Сейчас я поясню, что имею в виду.

Я видел в одном журнале репортаж о том, как полицейских и солдат натаскивали на расправу с «мирниками» и неграми. Натаскивали в условиях, максимально приближенных к действительным. Специально были построены фанерные городские кварталы — как в Голливуде. Полицейские расправлялись не с чучелами, а со специально подобранными людьми. Большинство этих людей были негры (видимо, для выработки реакции на цвет). Негры держали в руках плакаты. Это были не простые картонки. На них было написано «Мир во Вьетнаме». Сочетание этих слов должно было вызывать у полицейского или солдата реакцию ненависти.

Вот что я имею в виду под «условным рефлексом», который заставлял полицейских нервно сжимать палки.

Я сбегал к машине, чтобы взять кинопленку. Когда вернулся, толпы и негра с тамтамом уже не было. Люди медленно, будто гуляя, шли по парку с плакатами в руках. Среди них был и тот негр.

Это не было похоже на демонстрацию. Просто шли люди по парку, тому самому парку, по которому никому не возбраняется ходить.

Одним из первых шёл человек лет сорока пяти, лысый, в белой рубашке. В руках плакат: «Делегаты! Вспомните, что во Вьетнаме гибнут дети!»

Два полицейских подошли к нему. Один почти незаметным, молниеносным движением опустил дубинку на его правую ключицу. Другой таким же молниеносным движением ударил концом палки под ребра, будто вонзил нож. Человек повалился лицом на землю. Без крика. Без шума. Просто повалился, как куль. Если бы у меня не было в руках киноаппарата, который зафиксировал все, я мог бы усомниться, что сам видел эти белые подбородки, зажатые толстым ремешком с металлической прокладкой, эти полные ненависти глаза, эти бесшумные смертоносные высокопрофессиональные движения.

Через минуту упал ещё один человек, потом ещё один… Избитая девушка валялась, скорчившись, на траве. Двое копов

схватили ее за руки и за ноги и, разбежавшись, бросили в полицейскую машину. Горлова ударилась о металлический косяк двери. Дверь захлопнулась, аппетитно чавкнув. Машина ушла.

Подъезжали другие машины — открывались двери. Полицейские вбрасывали туда «мирников». Не зачинщиков, нет, зачинщиков не было. Не активистов — таких тоже не было. И не нарушителей порядка, потому что никто ничего не нарушал. Просто людей с плакатами.

Машины, получив свою норму, удовлетворенно чавкали дверьми и уезжали.

В конце концов «мирники» остановились. Им ничего другого не оставалось: они были безоружны, в их руках и карманах ничего не было… (Когда я писал этот последний абзац, в последних известиях по телевидению передали, что в парке Линкольн полиция арестовала несколько демонстрантов, которые «мешали движению на автостраде»).

Но главная трагедия «мирников» состоит не в том, что их «показательно» избивает полиция, не в том, что им не разрешают устраивать демонстрации против войны во Вьетнаме. Главная трагедия в том, что крик «Мир во Вьетнаме!» по всем признакам ничего не изменит на съезде демократической партии. Из 2622 делегатов конвента в Чикаго только 966 получили свои мандаты благодаря выборам. Остальные были назначены партийными боссами. Выбор кандидата, как считает американская пресса, предрешен. Им будет Х. Хэмфри, защитник политики Джонсона во Вьетнаме.

Формула буржуазной демократии: «Вам свобода (относительная) слова, нам свобода (полная) действия» — функционирует бесперебойно.

Всё это «мирники» знают. И их крик «Делегаты! Вспомните о детях Вьетнама!» кажется мне скорее криком отчаяния, чем криком надежды.

В департаменте полиции Чикаго я спросил одного чина, чего ждет полиция от участников демонстраций против войны во Вьетнаме. Чин начал отгибать пальцы:

— Они могут прокалывать шины у автомобилей и создавать заторы на автострадах, которые ведут к Амфитеатру. Они могут засылать агентов в отели, где живут делегаты, чтобы подкладывать им в пищу наркотики. Они могут прерывать телефонные линии. Они могут красить свои автомобили под цвет такси и похищать делегатов. Они могут пустить слезоточивый газ в вентиляционную систему Амфитеатра. Они могут взорвать электрические подстанции. Они могут засыпать сахар в бензобаки полицейских автомашин. Они могут выводить из строя лифты в

гостиницах, чтобы делегаты застревали между этажами. Они…

Я прервал его вопросом:

— Почему не предположить, что они будут просто мирно демонстрировать?

Чин посмотрел на меня удивлённо:

— Они же понимают, что мирными демонстрациями им ничего не добиться…

На военных аэродромах Чикаго приземляются реактивные самолёты, военно-воздушных сил США. Из их чрева выходят тысячи солдат в полном вооружении, с вещевыми мешками в руках.

Ещё весной разведывательные военные самолёты «Фантом-2» отсняли город с таким тщанием, с каким фотографируют укрепленный район противника. В результате была создана огромная фотографическая карта города. Но ее повесили не в полицейском управлении Чикаго, не в городской ратуше. Она висит в Пентагоне. И далеко не последние пентагоновские головы заняты разработкой операции по подавлению движения против войны, бедности и дискриминации.

Когда я выстукиваю на машинке эти строки, в город введены уже 6 тысяч солдат регулярной армии. Они заняли несколько школ, несколько казарм, несколько общественных зданий, разбили лагеря в парках (парки — это ловкий стратегический ход: лишить «мирников» их последнего пристанища).

Военные «джипы» на фешенебельной Стэйт-стрит, солдаты с карабинами, в касках, колючая проволока вокруг Амфитеатра; где проходит конвент, — все это придает городу вид оккупированного.

Но 6 тысяч солдат регулярной армии — это только начало. На военных аэродромах в Техасе, Колорадо, Канзасе и Оклахоме в полной боевой готовности ждут команды еще несколько тысяч солдат, которые могут быть доставлены в Чикаго за 2–3 часа.

Чикаго — единственный город в Соединенных Штатах, где поставлен памятник полицейскому. Несколько старомодный, с бронзовыми усами, в бронзовом плаще и в бронзовом шлеме, он стоит с поднятой рукой на том месте, где полиция в 1886 году усмиряла восстание на Сенном рынке. На постаменте выбита надпись: «От имени народа штата Иллинойс я требую МИРА».

Небо над Чикаго голубое, как каска полицейского. Около Международного Амфитеатра, где проходит съезд демократической партии, патриархально пахнет коровьим навозом. Делегатов везут к зданию съезда в отличных автобусах с кондиционированным воздухом по 45-й улице. По той же улице везут на убой свиней и коров в громадных грузовиках с

прицепами. Лавируя между теми и другими, я миную один ряд колючей проволоки, другой, затем трёхметровый забор из частой металлической сетки. Несколько раз предъявляю пропуск и только тогда попадаю на территорию знаменитых гигантских боен, где помещаются здания Международного Амфитеатра, к подъезду с надписью «Пресса».

Электронная машина проверяет пропуск. Люди в форменных фуражках проворно вытряхивают кожаную сумку с фотоаппаратами, ощупывают каждую камеру. Может быть, меня при этом еще и просвечивают рентгеном, не знаю. Наконец впускают. За мной захлопывают двери, и после пасторальной тишины боен меня оглушает натужный рев делегатов, утробные звуки охотничьих труб.

В самом здании нет проволочных заграждений. Вместо них здесь действуют коротко стриженные молодцы с вязкими глазами. Молодцы делятся на:

а) молодцов в форменных фуражках;

б) без фуражек, но с детективным треугольничком на лацкане пиджака;

в) без фуражек и без детективных значков, в делегатских канотье, с делегатскими улыбками, на делегатских местах (их можно узнать лишь по глазам и привычке сразу исчезать из кадра, если на них наведен фотоаппарат);

г) молодцов подпотолочных. Последние сидят под крышей громадного зала на металлических переплетах и без устали смотрят в бинокли на головы делегатов и вообще всех, кто внизу.

Говорят, что на делегатов съезда демократической партии вся эта обстановка, отчасти напоминающая атмосферу концлагеря, действует несколько удручающе. Так считают американские журналисты.

Мне тоже кажется, что республиканские делегаты в Майами, где ассоциаций с концлагерем не возникало, веселились куда более увлеченно, чем демократы в Чикаго. Причина этого, правда, не только в мрачных ассоциациях. В Чикаго всё-таки больше, чем в Майами, делегатов, которые приехали на съезд своей партии не для удовольствий. Они всерьез встревожены тем, что в зале Международного Амфитеатра, расположенного на территории знаменитых чикагских скотобоен, может быть убита надежда Америки на разумную политику в течение будущих четырех лет, особенно в отношении войны во Вьетнаме. Голосование состоится в четверг, но его результат известен. Впрочем, он был известен, когда начался конгресс, и за месяц до начала конгресса, и за два.

Кандидатом в президенты США будет Хюберт Хэмфри. Так решили хозяева партии, kingmakers — «делатели королей». В

соответствии с этим решением было назначено большинство делегатов конвента, которые проголосуют в четверг именно так, как им сказано, а не иначе. Правда, это противоречит той поддержке, которую получил у избирателей-демократов во время предварительных выборов в нескольких штатах сенатор Юджин Маккарти, со своим резко отрицательным отношением к войне во Вьетнаме, но таков уж «демократизм» американских выборов.

Позиция Хэмфри в отношении войны во Вьетнаме известна. Он всегда был сторонником политики администрации. Однако за несколько недель до конвента, учитывая настроения избирателей, учитывая, что даже Никсон значительно смягчил свой «ястребиный» подход к вьетнамской проблеме, Хэмфри тоже сделал несколько шагов в сторону «голубей». Он даже заявил, что его взгляды на войну во Вьетнаме по существу никогда не отличались от взглядов покойного сенатора Кеннеди. Но последовал нажим президента Джонсона, «кингмейкеров», и Хэмфри перед самым конвентом вновь метнулся к ястребиной стае. Теперь он снова защищает политику Джонсона. В интервью, данном журналисту из «Вашингтон пост», Хэмфри сказал о себе, что вообще-то он «человек Джонсона» и даже в характере имеет черты своего бывшего патрона.

Как видно, проблема, стоявшая перед Хэмфри в самом начале, — найти свое собственное лицо — так и не была решена.

Журналисты не хотят мириться с мыслью о том, что имя кандидата в президенты известно заранее. Они ищут напряженного сюжета, драматических неожиданностей. Не находя — придумывают.

Схема проста. Сконструирован пробный шар (неважно — журналистом или кем-то из делегатов). Корреспондент немедленно обращается за интервью к какому-нибудь значительному лицу: «Говорят, что… (выкатывается шар). Как вы относитесь к этому?» Значительное лицо само не прочь поиграть в сюжеты. Это — паблисити. Поэтому лицо отвечает на вопрос серьезно. И вот пробный шар покатился. Это даже не шар — это мыльный пузырь. Иногда он быстро лопается, но иногда катится довольно долго, обрастая твердой оболочкой из мнений, подтверждений, опровержений газетных статей и телевизионных комментаторов, которая делает его похожим на нечто реальное.

А пока катятся в разных направлениях и с треском сталкиваются сюжетные шары, создавая ощущение реальной возможности неожиданных поворотов, партийная машина, запущенная «киншейкерами», неотвратимо движется к давно намеченной цели.

* * *

«1968 год — год неспокойного солнца». Такой плакат висит в штаб-квартире демократической партии. Он оправдал себя во многом, но только не в выборе кандидатуры президента.

Неразрешимая на первый взгляд арифметическая, задача — как сделать так, чтобы большинство демократов, высказывающихся против войны во Вьетнаме, получили меньшинство делегатских мест на съезде партии, — решается без особых затруднений, при помощи антидемократической системы раздачи делегатских мандатов.

Способ решения задачи, а вернее, результат убедительно защищается рядами колючей проволоки, металлическим забором, электронными часовыми, молодцами с вязкими глазами на территории скотобойни. Им помогают 25 тысяч полицейских и солдат национальной гвардии.

Поздно ночью я уезжаю с бойни. Патриархально пахнет навозом. Над городом висит ночное небо, цветом напоминающее темно-синий полицейский мундир.

* * *

Из проявочной машины каждые две минуты выползает целлулоидная змея. Когда пленок накапливается ворох, я иду к Стэну. У него на лбу — зелёный козырек, как у часовщика, рукава рубашки закатаны по локти, на поясе — полотенце.

— Что у вас сегодня?

— Чикаго, — говорю я.

Он вздыхает и кивает головой, будто ничего другого и не ожидал. Берет у меня из рук первую пленку, крючком пожелтевшего указательного пальца трет свой лоснящийся нос и потом этим же пальцем проводит по блестящей поверхности плёнки. Стэн придерживается древних способов удаления с пленки пятен. Затем молча вставляет пленку в увеличитель и принимается печатать. Я только успеваю бросать твердые листы фотобумаги в ванну с проявителем. На столе увеличителя проходят отрывочными кадрами дни конвента демократической партии, улицы Чикаго, люди, лица…

Хюберт Хорацио Хэмфри (XXX). Два пальца вверх — знак победы. XXX — кандидат в президенты США от демократической партии. Его речь на заключительном заседании была долгой — 50 минут. Хэмфри любит поговорить. И сам признает за собой этот недостаток. Его жена — Мюриэл — часто повторяет: «Хюби, чтобы

речь стала бессмертной, вовсе не нужно, чтобы она была вечной». Однако этот афоризм на него не действует.

За сутки до произнесения торжественного «спича согласия» Хэмфри сидел. у себя в гостиничном номере (отель «Конрад Хилтон», 25-й этаж, 179 долларов в день) в удобном кресле, вытянув ноги, и следил за голосованием в Международном Амфитеатре по телевизору.

— Гуам! — зычно выкрикивала в микрофон секретарь съезда.

— Все пять, — спокойно предсказывал Хэмфри со своего кресла.

— Мадам секретарь, — торжественно откликался из зала съезда глава делегации Гуама, — мы отдаём все пять своих голосов за следующего президента. Соединённых Штатов, великого американца Хюберта Хорацио Хэмфри.

— Иллинойс! — требовательно неслось с трибуны.

— Сто двенадцать, — произносил Хэмфри за несколько секунд до того, как именно это число голосов за Хэмфри называл глава делегации штата Иллинойс, мэр славного города Чикаго — Ричард Дэйли.

— Нью-Йорк!

— Эти дадут девяносто шесть с половиной, — без ноты сомнения говорил Хэмфри.

И Нью-Йорк действительно отдавал ему 96,5 из своих 190 голосов.

Очередь дошла до Пенсильвании. Хэмфри наклонился к телевизору, сжал ручки кресла:

— Ну?

Пенсильвания дала вице-президенту 103 $^{3}/_{4}$ голоса. Это было уже больше, чем требовалось для победы. Люди в гостиничном номере по очереди подходили к Хэмфри, жали руки. На экране показывали зал заседания конвента. Сторонники XXX бросали вверх пластиковые канотье и дули в охотничьи трубы.

Мадам секретарь ещё продолжала выкликать в алфавитном порядке штаты: Пуэрто-Рико, Южная Каролина, Южная Дакота…

Но голоса тех уже не имели значения.

Очевидцы, которые были в номере Хэмфри, рассказывают, что в этот момент вице-президент Соединенных Штатов прослезился. Но не от эмоций…

…Днём подступы к отелю по трем мостам через железную дорогу со стороны Гранд-парка охраняли солдаты регулярной армии. Улицу Мичиган, на которую выходит отель своим фасадом, охраняла чикагская полиция.

Солдаты стояли, широко и прочно расставив ноги. Первая шеренга — прижав приклады карабинов к животам и выставив

дула вперёд и вверх. Пуленепробиваемые нейлоновые жилеты, каски, противогазные сумки, ножи у пояса. Ещё у пояса — серый металлический баллончик, похожий на консервную банку со свиной тушенкой. На баллончике — красные цифры и одно слово: riot — восстание. Это гранаты со слезоточивым газом и с газом, который называется «мэйс», — от него нестерпимо жжет кожу.

За спинами солдат — «джипы» с военной полицией. На тротуаре — пулемёты.

Перед солдатами — молодые парни и девушки. Протягивали ладони:

— У нас нет оружия. Мы пришли не драться. Просто мы не хотим войны во Вьетнаме. И хотим, чтобы делегаты знали об этом.

Солдаты жевали резинки, смотрели куда-то в сторону, чтоб не видеть глаз собеседников, неловко крутили головами на длинных юношеских шеях.

Среди них не все, далеко не все были равнодушными исполнителями приказа. Сорок три солдата из форта Худ отказались лететь в Чикаго. 43 из 6 тысяч — не так много, но и не мало. И ведь это тот самый Худ, в котором сидели в тюрьме три американских солдата, отказавшиеся ехать во Вьетнам.

Сержант кричит в мегафон:

— Не раздражайте солдат! Не раздражайте солдат!

Это звучит, как объявление в зоопарке: «Не дразните животных».

Ребята и девушки смеются. Солдатам тоже смешно. И тогда сержант заменяет первую шеренгу второй. А первую отводит, так сказать, в тыл, считая её, как видно, деморализованной противником.

Меня увидел Чак — приятель из чикагской газеты:

— Ты без каски? С ума сошёл!

На нём был пластиковый мотоциклетный шлем, на груди противогазная маска. Рядом стоял длинный дядька, увешанный фотоаппаратами. У него тоже была противогазная маска, на руках — толстые кожаные перчатки, на голове солдатская каска. Спереди и сзади на каске было написано большими красными буквами название журнала — «Лайф». Во время войны на крышах госпиталей так же вот рисуют большие красные кресты, чтобы авиация противника не бомбила. Я не выдержал, засмеялся. Длинный лайфовец посмотрел на меня снисходительно, дал совет:

— Когда они начнут вас бить, не закрывайтесь камерой. Прежде всего лупят по камере. Вы её опустите, нагнитесь, а лицо и голову закройте локтями, — он показал как. — Жаль, что

перчаток у вас нет, — будут бить по пальцам.

На башмаке одного из парней, что стояли против шеренги солдат, я заметил комок вазелина. Соседи нагибались к башмаку, брали вазелин на пальцы, мазали себе лица. Я спросил у одного — зачем. Оказалось — от газа «мэйс». А от слезоточивого газа, если нет противогазной маски, надо держать наготове в кармане смоченный водой носовой платок и, как понадобится, закрыть им нос и рот. Я сказал парню, что в гитлеровских душегубках некоторые пытались спасаться вот так же. Парень кивнул и грустно усмехнулся.

Проходит ещё некоторое время, подкатывает «джип», быстрое совещание офицеров, и сержант отдает приказ всей цепи сделать шаг назад. Ещё шаг, ещё. Ребята делают шаг вперёд. Ещё вперёд. Ещё. Солдаты движутся, не опуская с животов приклады.

Чак откуда-то узнал, что большая группа молодежи, минуя мосты, дальними боковыми улицами всё-таки прошла к отелю «Хилтон». Поэтому войска стягивают туда.

Мы бежим к «Хилтону».

Действительно, напротив «Хилтона» толпа человек в полтораста. Они скандируют:

— Мир! Мир! Мир!

— Здесь ещё нет войск. Здесь — полиция. Здоровяки — их не меньше пятисот — в небесно-голубых касках и такого же цвета рубашках стоят плотными каре. Если смотреть немного сверху, с подножия фонарного столба, то их головы напоминают те небесно-голубые воздушные шарики, которые висят в сетках под потолком Международного Амфитеатра, где как раз в это время начинается процедура выдвижения кандидатов в президенты.

Сегодня голосование в конвенте. Ребята полны живой веры, что своими демонстрациями смогут повлиять на решение конвента, смогут помочь сенатору Маккарти победить.

— Мир сейчас! Мир сейчас! Мир сейчас! — Несётся крик. Ребят никто не гонит. Некоторые из них сели на асфальт.

— Мир сейчас! Мир сейчас! Маккарти! Маккарти!

Но вдруг два полицейских каре теряют форму, расплываются, как расплывается квадратик масла, если бросить его на горячую сковороду. Копы подходят к демонстрантам. Подходят спокойно, медленно. Обволакивают всю толпу плотной стеной. За голубыми рубашками уже нельзя рассмотреть ребят, сидящих на асфальте.

Ребята теперь не кричат. Они поют.

Никто из полицейских им ничего не сказал. Никто не подал команды вставать и уходить или перестать петь. Никто не сказал бранного слова. Не замахнулся.

Просто голубые рубашки стояли перед ребятами плотной

стеной, плечо к плечу, каска к каске, и держали в руках около колен свои полицейские палки. Будто тяжелоатлеты, которые подняли тяжёлые штанги с земли, выпрямились и вот сейчас рывком поднимут их на грудь. И только ждут чьей-то команды. Кто-то должен подать команду.

Но команды все не было. И полицейские все стояли перед ребятами. А те продолжали петь. Часть корреспондентов сгрудились за полицейскими.

Чак поднял камеру к глазам.

Я тоже подумал, что сейчас что-то произойдёт. Но не предполагал, что произойдёт такое.

Команды я не слышал. Не знаю, кто подал её. Только вдруг сразу пришли в движение голубые рубашки. Сразу взлетели вверх и опустились десятки палок. Я услышал пронзительный крик, который тут же оборвался. И треск. Палки поднимались и опускались. Я даже не понял сразу, что треск связан именно с этими движениями полицейских. Снова кто-то закричал пронзительно. Только тут мне стало ясно, что треск этот — от ударов полицейскими палками по голове, по костям, по телу.

Люди бросились бежать. Полицейские ловили их. Привычным движением выкручивали руки. Или зажимали шею в сгибе левой руки, а палкой — по голове, по лицу, по ключицам.

Кто-то закричал:

— Гестапо! Гестапо! Палачи! Весь мир смотрит на вас!

Крик подхватили, стали скандировать. Но что толку в крике?

Сверху, из окон отеля, вдруг полетели в полицейских, разматывая длинные хвосты, рулончики бумаги. С мягкими шлепками они падали на дорогу, иногда угождая в каску полицейского. Это было похоже на бой серпантина. Только бумажная лента была шире и тоньше. Длинными бумажными хвостами играл ветер. Я не сразу сообразил, что оттуда, сверху, кидают в полицейских рулончиками… туалетной бумаги. Полицейские поднимали противогазные рыла вверх и грозили верхним этажам дубинками. Бумажные хвосты нежно обвивали полицейские ноги. Копы, злясь, рвали бумагу руками.

На пятнадцатом этаже отеля «Хилтон» была штаб-квартира сенатора Юджина Маккарти — претендента на выдвижение кандидатом в президенты от демократической партии. Там сидели молодые ребята — студенты и школьники — добровольцы, помогавшие Маккарти в предвыборной кампании. Но помочь своим друзьям на улице они могли только символически — рулонами туалетной бумаги, которыми и швыряли в полицейских.

И, наверное, это выглядело бы очень смешно, если бы тут же

на улице не лилась человеческая кровь.

Вдруг позади кучки корреспондентов послышался тяжелый топот. Чак, который бешено работал фотоаппаратом, рванул меня за рукав:

— Беги! — и сам бросился через улицу. Я побежал за ним. Откуда-то вырвавшийся отряд полицейских расшвыривал фотокорреспондентов. Я видел, как палка опустилась на плечо фотографа из «Лайфа». Вместе с Чаком мы прижались к стене отеля, стараясь вдавиться в нее. Сине-красно-голубая полицейская масса промчалась мимо. Но один коп вдруг вернулся. Подбежал к нам. Протянул красную руку к Чаку. Тот нагнулся, как советовал делать специалист из «Лайфа», закрыл руками в перчатках лицо и голову. Но коп не стал бить. Он схватил рукой фотоаппарат, рванул его с такой силой, что ремешок оборвался, размахнулся и со всего маху ударил камерой об асфальт.

Это произошло в секунду. Я только увидел бешеные глаза под небесно-голубой каской.

— Что вы делаете?! Он — пресса! Он — пресса! — закричала какая-то женщина в подъезде отеля, где стояли корреспонденты.

Полицейский взглянул в сторону голоса невидящими глазами. Сделал туда шаг. Потом передумал, выругался грязно и убежал догонять своих.

— Сволочь! — сказал Чак и поднял изуродованный аппарат. — Эта плёнка пропала. Сволочь!

Как кули, одного за другим тащили полицейские ребят к машинам. Тащили и продолжали бить. Ребята не сопротивлялись. Я не видел ни одного, кто оказал бы сопротивление. Это были безжизненные, иногда окровавленные тела. Копы волокли их, зажав им шею в левом локте и продолжая опускать правой рукой дубинку на голову.

Послышались звуки разрывов. И тотчас я ощутил резь в глазах и в носу. Слезоточивый газ. Полицейские бросали гранаты в толпу, которая стояла по бокам отеля. Гранаты разрывались, как хлопушки. С вспышками пламени. Синий дым клубами плыл над толпой.

Именно этот дым, достигший верхних этажей отеля «Конрад Хилтон», и заставил прослезиться Хюберта Хэмфри.

Толпа, которая собралась в боковой улице, кричала:

— Палачи! Мир смотрит. Весь мир смотрит. Палачи! Гестапо! Гестапо!

Копы, ловко перестроившись, без паузы бросились в сторону толпы на боковой улице. На подмогу полицейским бежали новые отряды. Бежали строем, квадратами, тяжело стуча башмаками по

мостовой. Видимо, кто-то очень точно руководил действиями полиции. Кто-то наблюдал за полем боя, подавал команду по радио.

Били молодого священника. Полицейский, скрутив ему одну руку за спину, толкал его к полицейской машине, а свободной, правой, бил по голове палкой. Белый воротничок священника был в крови. Одной рукой он пытался закрывать голову, полицейский бил по пальцам.

Потерявших сознание копы не тащили к машине, бросали. И скоро на площади перед отелем лежало не меньше десятка фигур. К ним пытались подбегать люди в белых халатах. Это были врачи-добровольцы, приехавшие на место «мирной» демонстрации.

— Прочь! — кричали полицейские. — Прочь! — И отталкивали врачей, как хоккеисты, всем телом.

Я закрыл нос и рот носовым платком, не помогало. Резь в глазах трудно было терпеть. Пробившись вдоль полицейских перил, я вошёл в подъезд отеля.

Сквозь стеклянную дверь на улицу расширенными глазами смотрели женщины в длинных платьях. Одна сказала:

— Уйдём отсюда. Меня тошнит.

В вестибюле все было как обычно. Спокойно и уютно. Кто-то вел по ковру предвыборную обезьянку, одетую грумом. На груди у обезьяны было написано имя кандидата. Из бара, огромное окно которого выходило как раз на то место, где полиция продолжала избиение, неслись звуки джаза. Работал цветной телевизор. Шли передачи из Международного Амфитеатра:

В вестибюль вошёл человек в белом халате. Лоб его был рассечён, текла кровь. Он остановился посреди холла и, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Они отобрали у меня аптечку…

Когда я снова вышел на улицу, там уже все было кончено. Перед отелем стояли снова аккуратными каре полицейские в голубых рубашках. Шли роты солдат. Мостовая была пуста. Под ногами у себя я увидел фанерный плакат: «1968 год — год неспокойного солнца. Всё может случиться…» В углу на белой фанере темнело пятно крови.

На другой день стало известно, что пятьдесят ребят и девушек, участвовавших в демонстрации за мир, получили серьёзные телесные повреждения.

Мэр города Чикаго Ричард Дэйли сказал, что беспорядки были инспирированы коммунистами, а полиция Чикаго — лучшая полиция в Соединенных Штатах.

Телетайпистка, работавшая в здании «Хилтона» и пораженная тем, что увидела на улице, послала в адрес конвента

демократической партии отчаянную телеграмму: «Боже, на улице кровь. Это невозможно описать. Людей избивают. Пожалуйста, сделайте что-нибудь! Сделайте, пожалуйста, что-нибудь!»

Телеграмма была получена на скотобойне. Её показали Ричарду Дэйли.

— Всё это штучки людей Маккарти, — сказал он, не шевеля губами.

* * *

Ричард Дэйли. Он грузен. Одутловатое неподвижное лицо. Настолько неподвижное, что, когда говорит, даже губы не шевелятся. Так разговаривают чревовещатели на эстраде. Но глаза быстрые и умные. И сам он лёгок на подъем, спор в ходьбе. Ему пришлось много двигаться на конвенте.

Он один из влиятельнейших боссов партии. Один из тех, кого называют «кингмейкерами». Он решал, за кого будут поданы голоса штата Иллинойс. В его руках не менее ста тысяч голосов для выборов — люди, прямо или косвенно зависящие от муниципалитета, — от негра-уборщика в муниципальном госпитале до городского инспектора по электричеству плюс взрослые члены их семей. Он был хозяином конвента. Не только хозяином, который принимает гостей, но и хозяином, который управляет гостями.

Его не было в президиуме. Большую часть времени он находился в зале, среди делегатов. Но председатель и многие люди в президиуме не отрываясь глядели на него. Во время массового физкультурного представления на стадионе, где-то на вышке, среди прожекторов, незаметный для публики, обязательно стоит человек, который управляет всеми движениями физкультурников. Его можно обнаружить лишь по взглядам участников физкультурного действа. Дэйли на конвенте был таким человеком.

Если мэр хватал себя рукой за горло — председатель съезда, щуплый старик с сорванным голосом и великолепным знанием процедурных процессов, понимал, что надо «задавить» неугодного оратора.

Если часть делегатов громко выражала свое недовольство ведением конвента или возмущалась расправами дэйлиевской полиции над демонстрантами, прессой и делегатами, Дэйли делал несколько движений правой рукой — будто играл на тромбоне. И сразу в действие вступал большой оркестр, сидевший перед трибуной. Он заглушал крики несогласных

жизнерадостным галопом «Снова настали счастливые денечки».

Если же мэр поднимал руки над головой и соединял ладони в пожатии, в президиуме знали, что он одобряет деятельность председателя — пусть продолжает в том же духе.

На партийном съезде он вёл себя точно так же, как в чикагском муниципалитете, где микрофоны выходят из строя каждый раз, как слово получает человек, не разделяющий мнение отца города.

После уличных зверских расправ полиции над мирными демонстрациями и прессой люди мэра опасались, что в последний день работы конвента часть делегатов и гостей — противники нынешней администрации — может устроить демонстрацию протеста в самом зале конвента. Поэтому, когда началось последнее заседание, в ложах для гостей появилось несколько тысяч служащих чикагского муниципалитета. Каждый из них имел при себе отпечатанный типографским способом плакат: «Мы любим Дэйли» — и, конечно, собственную глотку. И тем и другим неожиданные «гости» съезда пользовались по команде Дэйли. Знак рукой — и муниципалитетчики принимались орать, петь и потрясать «знаками любви» к Дэйли. Корреспондент журнала «Ньюсуик» спросил одного из них, чем объяснить такую любовь к отцу города. Тот ответил: «Он платит мне жалованье».

Возник вопрос — как проникли в зал Международного Амфитеатра эти лица. Ведь число гостей было строго ограничено. Их проверяли специальные электронные машины-часовые. Все объяснилось очень просто — мэр города снабдил своих людей фальшивыми пропусками, на которые не реагировали разрекламированные электронные часовые.

Сторонник сенатора Маккарти, глава делегации штата Нью-Хэмпшир, тридцатилетний профессор истории, решил проверить, так ли уж строга электронная охрана. Он сунул в машину не пропуск, висевший у него на шее, а свое университетское удостоверение. Машина зажгла зеленый глазок — можно проходить! Пораженный профессор немедленно позвал друзей, чтобы продемонстрировать жульнические штуки мэра Чикаго. Но тут вмешалась полиция. Несмотря на делегатский билет, на значок главы делегации, на профессорский сан, историк был схвачен, избит, брошен в автомашину и увезен в полицейский участок. Только к концу заседания он был освобождён и появился в зале с рассеченным лбом.

Журналисты называют мэра славного города Чикаго «мастодонтом». Если имеется в виду сила и величина доисторического животного — сравнение правильное. Если же

журналисты предсказывают мэру Чикаго судьбу вымерших животных, то это совсем не так. Политические мастодонты типа Дэйли в последнее время резко увеличивают свое поголовье. Они совершенно необходимы обеим партиям в нынешней стадии развития американской «демократии».

И ещё в одном смысле сравнение с древним животным не подходит к Дэйли. Мастодонт, по всей видимости, был неловким, неповоротливым. Дэйли же показал себя не только жестоким и грубым полицейским, но и весьма ловким, хитроумным политическим игроком.

Для того чтобы рассказать об этом, я должен перейти теперь к портретам людей, которые не присутствовали на конвенте в Чикаго.

* * *

Роберт Кеннеди. Его движение к президентскому креслу прервала пуля. В Чикаго он появился лишь на киноэкране конвента. Отлично сделанный короткий кинофильм поднял на ноги всех делегатов. Одни поднялись в искреннем порыве. Другие — из приличия. Те, кто из приличия, — их было большинство на съезде демократической партии — быстро перестали аплодировать и уселись на места. Но несколько сот человек продолжали стоять и все вместе в такт хлопать в ладоши и петь. Так прошло пять минут, восемь, десять. Овация меньшинства уже не относилась к фильму, она превратилась в демонстрацию против нынешней администрации, против нового кандидата в президенты. Несколько раз председатель стучал деревянным молотком по специальной доске возле трибуны. Я видел, как беспокойно крутился всем корпусом Дэйли, не зная, что предпринять. Он, по всей вероятности, не решался в этом случае дать сигнал дирижеру оркестра, чтобы тот «счастливыми денечками» заглушил демонстративное пение. Не осмеливался мэр и подать команду своим молодцам орать: «Мы любим Дэйли». И то и другое было бы скандальным кощунством. И все же Дэйли нашёл блестящий выход из положения — циничный и точный.

По его распоряжению председатель хриплым голосом объявил в микрофон минуту тишины и молчания в память доктора Мартина Лютера Кинга.

Делегаты не могли ослушаться. Они перестали петь и аплодировать. «Мини-восстание» было подавлено.

Итак, имя Роберта Кеннеди присутствовало на конвенте. Для части делегатов — как символ более разумной государственной

политики (прежде всего в отношении войны во Вьетнаме), не столь циничных и грубых методов управления государством, какие демонстрировала нынешняя администрация. За символом стояла большая материальная сила в виде громадной популярности имени Кеннеди в США.

— Ах, если бы был жив Роберт Кеннеди, — не раз слышал я в Чикаго, — всё было бы иначе.

Но мысль о том, что, не будь выстрелов в кухонном коридоре отеля «Амбассадор», всё сложилось бы иначе в Международном Амфитеатре, — весьма спорна.

Конечно, победа на съезде могла бы достаться кандидату от демократической партии куда как с большим трудом. Но, вероятнее всего, она досталась бы всё-таки ему, а не Кеннеди. Так, во всяком случае, предсказывали наиболее серьезные и осведомленные американские обозреватели еще задолго до смерти Бобби. Партийная машина, возглавляемая президентом Джонсоном, не собиралась уступать. На наиболее антидемократическом этапе американских президентских выборов (предсъездовский период и сам съезд), когда партийные боссы имеют возможность, не считаясь с общественным мнением в стране, по своей воле назначить необходимое для выборов большинство делегатов на конвент, у нынешней администрации было больше шансов иметь нужного кандидата, чем у Кеннеди.

Другое дело, что Кеннеди, с его немалыми финансовыми ресурсами, опытом политической борьбы, связями, популярностью, был, конечно, в гораздо более выгодном положении, чем сенатор Юджин Маккарти, у которого нет ничего, кроме взглядов и позиции. Кеннеди мог бы перетянуть, перетащить, перекупить многих нужных людей — совершить те многочисленные «пере», которые обеспечивают победу.

Деньги решают многое. Но деньгам противостоят другие деньги. Владелец или представитель крупных капиталов, вступающий, на политическую арену, вызывает немедленное противодействие конкурирующих капиталов. Партийный же аппарат всегда предпочитает видеть в качестве босса своего человека, с приходом которого не последует неожиданное перераспределение партийных благ. Поражение нью-йоркского миллиардера Рокфеллера в борьбе с «безденежным» нью-йоркским адвокатом Никсоном на республиканском съезде в Майами подтверждает эту мысль.

* * *

Тэд Кеннеди. Он тоже не присутствовал на конвенте. И вдруг, в самом начале работы конвента, в Чикаго пронесся слух, что символ имени Кеннеди может материализоваться в образе единственного оставшегося в живых брата — Эдварда Кеннеди, которого съезд «завербует» в кандидаты вместо Хэмфри.

Как ни странно, но одним из инициаторов этого слуха был все тот же наш старый знакомый, мэр Чикаго — Ричард Дэйли.

Никто до этого не сомневался, что Дэйли преподнесет голоса своей делегации Хюберту Хэмфри. И вдруг, накануне съезда, Дэйли объявил, что делегация Иллинойса пока что считает себя свободной от обязательств.

Это было сенсацией. Я видел, как суетились возле неподвижного Дэйли корреспонденты, пытаясь выяснить тайный смысл этого решения, К вечеру стало известно, что «мастодонт» звонил Тэду Кеннеди и предлагал свою помощь, если тот согласится на «вербовку».

Среди делегатов — противников Джонсона и Хэмфри — началось движение «Тэда — в президенты!». Юджин Маккарти, понимавший, что его собственные шансы свалить Хэмфри равны нулю, тоже позвонил Тэду и предложил свою помощь. Но одно дело — движение, другое — реальные факты. Одному из своих соперников, который по телефону сообщал Кеннеди о начавшемся «большом движении», сенатор так и сказал:

— Меня не интересует большое движение. Меня интересуют факты.

А факты не были обнадеживающими. По самым оптимистическим подсчётам, Кеннеди мог получить не больше тысячи голосов (считая даже тех, кто откололся бы от Хэмфри). Это значило, что XXX победил бы при первом же голосовании.

Накануне голосования Ричард Дэйли последний раз позвонил Тэду Кеннеди. Тот ответил решительным отказом. Через пятнадцать минут «мастодонт» связался с, Хэмфри и сказал, что голоса иллинойской делегации — его.

Чего же в действительности добивался хитроумный Дэйли? По догадкам печати, он вовсе не собирался угрожать Хэмфри. И не собирался делать королем Тэда Кеннеди. Его замысел (не исключено, что он обсуждал его с Хэмфри) был тоньше: вовлечь Тэда в политическую борьбу на съезде, провалить в качестве кандидата в президенты, но сделать для него невозможным отказ от «вербовки» в вице-президенты. Смысл? Простой. Имя Кеннеди (даже вторым номером) в избирательном бюллетене демократической партии увеличило бы шансы Хэмфри против Никсона.

* * *

Ричард Никсон. Всю неделю, пока шел демократический съезд, Никсон провёл на небольшой бело-жёлтой яхте под названием «Коко-Лобо» у берегов Флориды. Республиканский кандидат в президенты США отдыхал и наслаждался рыбной ловлей. Вести в это время избирательную кампанию, согласитесь, было бы делом бессмысленным — первые полосы всех газет страны были отданы скандалу в Чикаго. Но Никсон не потерял неделю. Вместе со спортивными рубашками и рыболовными принадлежностями он захватил на яхту портфель, туго набитый деловыми документами и чистыми листиками желтой бумаги, на которой, говорят, бывший вице-президент любит записывать свежие идеи.

О демократическом съезде Никсон в это время не высказывался — по крайней мере для печати. «Это их неделя» — вот, пожалуй, все, что позволил себе заявить для печати осторожный конкурент Хюберта Хэмфри. При этом, правда, иронически улыбнулся.

Но люди Никсона не отдыхали. В том самом чикагском отеле «Конрад Хилтон», где расположилась штаб-квартира демократического съезда, а также штаб-квартиры Хэмфри и Маккарти, как выяснилось, горстка никсоновских разведчиков сняла трехкомнатный номер на девятнадцатом этаже. Три телевизора — один цветной и два обыкновенных — давали «лазутчикам» всю необходимую информацию о расколе на скотобойне. А из окна отеля они отчетливо (когда не слезились глаза) видели, как действует полиция Дэйли.

Один из «разведчиков» — губернатор штата Колорадо Джон Лав — так подытожил свои впечатления: «Не думаю, что мы смогли бы лучше сработать против демократов, чем они сработали сами».

Другой сказал: «Ричард Дэйли преподнес Ричарду Никсону бесценный подарок».

И уже, как видно, в процессе работы над хлесткими фразами, которыми будет пользоваться Никсон в предвыборной борьбе, на девятнадцатом этаже «Хилтона» были отлиты такие чеканные формулировки:

> «Партия, которая не может объединить себя, не может объединить страну»

и

«Партия, способная управлять страной, не могла бы допустить такого хаоса на съезде».

По окончании голосования в Чикаго Ричард Никсон позвонил из Флориды своему сопернику Хюберту Хэмфри: и поздравил с победой. Считают, что в поздравлении была скрыта ирония, так как Никсон упомянул при этом, что Хэмфри пришел к финишной ленточке в Чикаго легче и быстрее, чем он, Никсон, в Майами.

Иронию видят и в другом. Когда закончился конвент на скотобойне, а на улицах. Чикаго рассеялся слезоточивый туман, туда прибыл Никсон. Именно здесь, в Чикаго, он возобновил свою избирательную кампанию, совершив, как победитель, поездку по Мичиган-авеню, с асфальта которой только что стерли следы крови.

Хэмфри же начал новый этап путешествия к Белому дому на Пятой авеню в Нью-Йорке, где он возглавил парад в честь Дня труда. Я не был там, но газеты писали, что нью-йоркская публика приветствовала демократического кандидата без энтузиазма. Это не помешало, правда, Хюберту Хэмфри широко улыбаться и приветственно размахивать руками в течение всего времени, что он шел по Пятой авеню…

…Стэн закончил печатать снимки. Ловко подцепив мокрую груду бумаги толстой деревянной палкой, он вытащил ее из закрепителя и небрежно швырнул в чан с водой — промываться.

Глава девятая
СЕНТЯБРЬ

Мисс Америка и другие

Как это всё там в Атлантик-Сити начиналось, в точности сейчас уже никто не знает. Но смысл известен.

Летний сезон в Америке официально кончается в начале сентября. Точка ставится в так называемый День труда. После этого праздника начинается учебный год в школах, колледжах и университетах и кончается летний отдых у тех, кто отдыхает летом. Адвокаты, бандиты, банкиры, проститутки и разный прочий люд, который считает нужным или возможным жить летом на берегу океана, — все после Дня труда возвращаются обычно восвояси.

Прекрасный, живущий летними туристами город Атлантик-Сити наутро после Дня труда вымирал. По его широченной прогулочной набережной Бродуок можно было палить из корабельных пушек без риска попасть хотя бы в одну живую душу. Вот почему однажды отельщики, магазинщики, ресторанщики Атлантик-Сити задумались. Как бы продлить летний сезон хотя бы на недельку. И родилась идея. Объявить всеамериканский конкурс женской красоты. Претенденток от всех штатов одеть в смелые купальники и пустить парадом-алле по Бродуоку с фанфарами, барабанами и фейерверком. Места на Бродуоке — за деньги. Победительнице присвоить денежную премию и титул.

«Королева красоты»? — нет, банально. «Королева Атлантик-Сити»? — слишком провинциально. Решили — «Мисс Америка». Широко. Оригинально. Патриотично.

Неужели уважающий себя бизнесмен не останется в Атлантик-Сити на недельку, чтобы присутствовать на таком событии?! А если останется, то в Атлантик-Сити останутся и его деньги.

Простая до неприличия идея сработала безотказно. Кстати, о неприличии. «Мне было только пятнадцать лет, но уже тогда у меня была большая, хорошая грудь. Переразвитая, конечно. На улице, увидев меня, мусорщики всегда посвистывали. Кроме того, я опустила чулки ниже колен. Это было смело тогда. Я пошла на этот конкурс ради шутки. Когда мои родители узнали, все уже было кончено. Я заняла первое место…»

Это рассказывает Мисс Америка 1921 года. Первая Мисс

Америка.

Надо знать степень ханжества послевоенной Америки (дело, повторяю, происходило в 1921 году), чтобы представить себе, сколько трудностей встало перед «поклонниками» женской красоты из Атлантик-Сити.

Купальники на пляже — это одно. Купальник на Бродуоке — это совсем другое. Пятнадцатилетняя девочка в чулках до колен пленяет толпу «переразвитым» бюстом. Что скажет церковь? Что скажет Общество по охране нравственности? Что скажет Армия спасения? Идея могла бы и захиреть, если бы организаторам не удалось непостижимым образом прицепить к своему гениальному коммерческому сексвагончику не менее гениальный пропагандистский паровозик, который должен был вытащить девиц с «переразвитым бюстом» на широкую общенациональную дорогу. Организаторы вдохнули в свое массовое шоу патриотическую ноту («Мы воспеваем красоту американской женщины, будущей матери американских детей, будущих защитников отечества»).

В финальном параде первая Мисс Америка шествовала по Бродуоку в купальнике, сшитом из американского флага. Грудь — в полоску, зад — в звездочку. Фейерверочные ракеты поднимали в небесную высь парашютики. Раскрываясь, они медленно и торжественно опускали на землю все тот же американский флаг.

Менее счастливые участницы конкурса сопровождали Мисс Америку тоже в купальниках из американского флага: грудь — в звёздочку, зад — полоской.

Рядом с ними шествовала половина полицейских сил Атлантик-Сити. Каждый полицейский был в купальнике, в каске, с дубинкой в руках. Они символизировали государственную власть, охраняющую американский образ жизни. Другая половина полицейских была одета в обычную униформу и была вооружена не только дубинками, но и пистолетами. Эти не символизировали. Эти действительно охраняли девиц от возбужденной публики.

Публика же бросала цветы…

Мисс Америка № 3 (1924 года), получив свой титул и не сняв купальника, по приказу устроителей конкурса отправила телеграмму президенту Кулиджу в Белый дом: «Чтобы оправдать этот титул, я буду жить лишь по принципам и в традициях истинно американского образа жизни».

Посудите сами — кто мог теперь отказаться посмотреть на девичьи прелести, если их демонстрация являлась делом глубоко патриотическим. Ни церковь, ни Общество по охране нравственности не сказали ни слова.

Конкурс приобрел широкую известность. О нем стали писать в газетах. Отели, рестораны и магазины Атлантик-Сити оставались теперь переполненными еще целую неделю после Дня труда, и уж никто не осмелился бы палить из корабельных пушек по широченной набережной Бродуок.

Однако устроители, пожалуй, всё-таки переусердствовали с темой патриотизма. Не рассчитали. Не учли, как говорится, встречных требований.

Вот почему, когда в 1928 году выяснились некоторые деликатные подробности взаимоотношений участниц конкурса и жюри, а также участниц конкурса и некоторых богатых представителей публики, а также участниц конкурса и вообще всех, кто был посмелее и попредприимчивей, разразился скандал, который в тогдашней прессе называли вежливым словом «будуарный».

Конкурс пришлось свернуть.

А когда в 1933 году его попытались возобновить, он снова провалился, уже по другой причине. Как оказалось, женская красота и экономическая депрессия — вещи трудно совместимые. Но с 1935 года конкурс действует регулярно, по крайней мере до сих пор, на новой морально-этической и финансовой основе.

* * *

Давно уже, очень давно конкурс красоты в Атлантик-Сити выполнил свою первоначальную задачу. Давно бизнесмены, проводящие «вэкэйшн» в Атлантик-Сити, не складывают свои чемоданы в День труда. Давно уже места вдоль широченной Бродуок стоят не пятьдесят центов, а пять долларов. И давно уже девиц, пробующих счастье в Атлантик-Сити, опекают не только скромные ресторанщики, магазинщики и отельщики этого города, но и солидные, на всю Америку и даже на весь мир известные компании: косметическая «Тони» (дочерняя — от знаменитого усатого «Жиллета»), автомобильная «Олдсмобил» (от «Дженерал моторе») и «Пепси-кола».

Пусть вас не смущает вопрос — какое отношение к красоте женского тела имеет автомобильный карбюратор или баночка пепси-колы. Дистанция между ними велика лишь на первый взгляд.

Эти три фирмы (и каждый год к ним присоединяется несколько фирм поменьше) несут все расходы, связанные с конкурсом. И надо сказать, расходы немалые. Только для того, чтобы получить право оплачивать расходы конкурса, фирма

обязана сделать вступительный взнос в 29 тысяч долларов. Годовой бюджет комитета, который непосредственно руководит конкурсом (премии участницам, зарплата служащим и т. д.), составляет 500 тысяч долларов (в 1942 году он был равен только 16 тысячам). И полмиллиона отваливают комитету «Тони», «Пепси» и «Олдсмобил».

Они же оплачивают ежегодную двухчасовую телепередачу о финале конкурса из Зала конвентов города Атлантик-Сити. В первую субботу после Дня труда. Это стоит им около миллиона долларов. Общие расходы трех компаний (которые берут на себя еще и часть расходов по проведению предварительных конкурсов красоты в штатах) равняются нескольким миллионам долларов.

А в списке фирм, желающих финансировать конкурс, — десятки компаний. Производители пылесосов, гаечных ключей, галош, средств против облысения стоят в длинной очереди за получением права бросить деньги на алтарь женской красоты.

— Позвольте, — возможно, воскликнет читатель, — но это же альтруизм! Это благородно!

Однако чисто выбритый, усатый старик Жиллет, изготовители карбюраторов, радиаторов, а также бутылок для пепси-колы совсем не так простовато альтруистичны, как может показаться на первый взгляд.

Дело в том, что в обмен на свои несколько миллионов долларов они получают лишь одну простую вещь — **рекламу**. А она, родимая, нам известно, двигатель торговли.

Давно канули в Лету те скромные времена, когда на девиц в купальниках глядели лишь несколько тысяч ротозеев вдоль Бродуока в Атлантик-Сити.

Ныне финальный тур, который заключает четырехдневные отборочные конкурсы, смотрят 60 миллионов американцев, сидя дома у своих телевизионных приемников. И цифра эта не приблизительная, а точная. В рекламе нужна точность.

Если компания «Тони» оплачивает четверть передачи, то она получает семь минут рекламного времени. Семь раз в течение тридцати минут бессменный человек в смокинге, вот уже много лет ведущий программу, прерывает передачу словами: «Мы вернемся в Конвеншн-холл Атлантик-Сити ровно через минуту, а сейчас несколько слов о новом продукте фирмы „Тони“». И на экранах нескольких десятков, миллионов телевизоров прелестная девица грациозно опрыскивает себя новейшим средством от пота. Несколько сот тысяч долларов — всего на семь минут! Но оказывается, что и за семь минут можно сделать очень много.

Семь минут — это только начало великого рекламного марафона, в который вступает новая Мисс Америка. С того

момента, как новый символ всеамериканской красоты и изящества вытерла традиционные слезы радости и произнесла традиционные слова: «Я так счастлива, так счастлива. Спасибо вам всем…» — она становится безраздельной собственностью компаний, которые финансировали праздник красоты. Год ее владычества разделят на минуты. И каждая минута будет кому-то принадлежать. С утра на другой день после конкурса Мисс Америку начинают снимать в рекламных телеминутках, которые называются «коммершлз». Она будет натираться кремом «Тони», она будет мыться в ванной мылом «Айвори», садиться за руль «Олдсмобила», натягивать на себя усовершенствованные бюстгальтеры, демонстрировать ночные рубашки, прижимать к груди карбюратор новой системы, пить несравненный напиток из удобных бутылок и нежно обращаться к зрителям: «Скажите — пеп-си».

Компании считают, что Мисс Америка если и не вечный двигатель в торговле, то отличный рекламный мотор. Особенно на молодежном рынке. Настолько сильный и влиятельный двигатель, что компания, производящая парики и накладки для волос, при её помощи продает свою продукцию не только молодящимся пожилым людям, но и подросткам. «Мисс Америка — отличное средство вызвать к нам интерес девушек и девочек-подростков, которые представляют собой очень большой рынок», — сказал недавно президент этой компании Эдвард Брек — как говорят, совершенно лысый человек.

Где бы ни бывала Мисс Америка, куда бы ее ни приглашали, она обязана рекламировать там соответствующий (по условиям контракта) товар. По существу, она становится коммивояжером, и очень эффективным коммивояжером.

Я ещё забыл упомянуть тотализатор. Как скачки на хорошем ипподроме, конкурс красоты обслуживается хорошими тотализаторами.

Полсотни восемнадцати-двадцатидвухлеток (возрастной ценз был поднят с 1935 года) участвуют в полуфинальном и финальном «забеге красоты». Данные, о них заблаговременно публикуются в газетах: экстерьер (объём груди, талии, бедер, цвет волос, цвет глаз, рост), из какой семьи, кем мечтает стать, хобби, каким талантом обладает (рисует, поёт, играет на валторне, читает стихи). Билетик можно купить в любой аптеке, принадлежащей все той же компании «Тони».

При всём при том конкурс на звание «Мисс Америка» официально считается предприятием некоммерческим.

Именно поэтому из него вышла компания по производству купальников под названием «Каталина».

* * *

В течение нескольких лет эта знаменитая компания тоже финансировала конкурсы красоты. За это Мисс Америка обязана была в течение года, путешествуя по стране, иногда появляться перед публикой в костюме для плавания. Но Мисс Америка 1951 года, по имени Иоланда Бетбез, заявила, что не может рекламировать купальник, ибо это несовместимо с её мечтой стать серьезной оперной певицей.

«Каталина» рассердилась. Забрала свои деньги и положила начало новому конкурсу — «Мисс Юниверс» (вселенная). Причём с самого начала было заявлено, что вселенский конкурс будет предприятием чисто коммерческим, а не только рекламным и оперные штучки здесь не пройдут.

Были выпущены акции конкурса. Причём «Каталина» приобрела девяносто процентов их. Хозяева «Мисс Юниверс» рассматривают свою королеву не только как рекламную тумбу, но и как товар. Владельцы «Мисс Юниверс» получают деньги с города, в котором проводится конкурс, получают деньги с телевизионной компании, которая ведёт репортаж о конкурсе, и, наконец, сдают «Мисс Юниверс» в аренду фирмам, нуждающимся в рекламе своих товаров.

От блистательной коммерческой идеи «Мисс Америка» отпочковалась не только «Мисс Юниверс». На территории Соединённых Штатов, не говоря о зарубежных подражателях буйствуют не поддающиеся учёту бесчисленные коммерческие конкурсы красоты второстепенных и третьестепенных разрядов.

Мисс США,

Мисс Земной шар,

Миссис Америка (для замужних женщин),

Королева колледжей,

Мисс Самая высокая Америка,

Мисс Подросток (с 12 до 17 лет),

Мисс Маленькая Америка (с 6 до 12 лет).

Уже невмоготу придумывать названия. Решили называть честно:

Мисс Открывалка (конкурс проводит компания, изготовляющая штопоры и открывалки для консервных банок),

Мисс Грелка,

Мисс Средство от пота,

Мисс Холодильник.

Другими словами, расцвет и кризис жанра одновременно. Боже, какими тонкими ценителями женской красоты выглядят сейчас джентльмены из Атлантик-Сити, которые 60 лет назад

решили провести мимо восторженной толпы десяток девиц в купальниках! Какие они нежные, милые и застенчивые, те бизнесмены! Как они все-таки недосягаемо наивны со своей «неделей дополнительного бизнеса» по сравнению с рационализаторами, придумавшими «Мисс Открывалку»!

Новая модель Мисс Америки будет очень мало отличаться от старой. Только деталями. Потому что Мисс Америка — серийная модель. Грациозная, милая, симпатичная, красивая серийная модель.

Как это ни странно, но когда смотришь по телевизору шикарнейшее зрелище в Зале конвентов Атлантик-Сити, возникает неожиданная мысль — а не приложила ли к постановке этого всемирно известного шоу секретным образом руку армия? Не распоряжался ли на сцене некий добросовестный сержант, больше всего на свете любящий армейское единообразие? Не он ли муштровал прелестных девиц, не он ли отрабатывал им походку, осанку, обороты и полуобороты, их ответы на вопросы жюри? Не он ли подбирал их на свой строгий, но несколько однообразный сержантский вкус? Потому что все они выглядят одинаково, двигаются одинаково, одеты и раздеты одинаково, одинаково отвечают на вопросы судей (судьям дается три минуты на выяснение «интеллекта»), одинаково роняют слезы радости с фальшивых ресниц одинаковой длины, одинаково царственно садятся в демонстрационные кресла и застывают в одинаковых позах: колени вместе, одна нога немного впереди другой, руки спокойно лежат на подлокотниках, спина прямая, подбородок вверх и — улыбка.

Улыбка всё время, улыбка постоянно, улыбка ежесекундно.

Это не простая улыбка. Это улыбка Мисс Америки. Она выражает гамму чувств — доброту, чистоту помыслов, глубочайшее удовольствие, которое хозяйка улыбки испытывает при виде вас.

Эти улыбки называются здесь пластиковыми. При нынешнем развитии химической промышленности их очень трудно отличить от настоящих.

Как-то в числе 27 судей конкурса оказался критик по вопросам живописи Джон Кэндей. Позже он рассказывал: «Меня всё время беспокоила мысль — не пластиковые ли сами улыбающиеся девицы? Я даже решил провести эксперимент. Разработал план: во время обеда сяду рядом с одной из них, и, когда она потянется за пирожным, я, будто нечаянно, задену вилкой её руку. Если она вскрикнет и на коже появится кровь — всё в порядке. Если же вилка отскочит, а улыбка не сползёт с её лица, значит, надо звать химиков».

Эксперимент судье провести не удалось: оказалось, что пластиковым девицам строго-настрого запрещено обедать с членами жюри.

После знаменитого «будуарного скандала» 1928 года хозяева конкурса, не желая больше рисковать доходами, ввели для участниц строгие правила поведения. Соревновательницы, приезжающие в Атлантик-Сити, делятся на группы, и каждой группой руководит специально назначенная дама — дуэнья. Участницам конкурса строжайше запрещено встречаться с членами жюри вне конкурса. Запрещается встречаться и разговаривать вообще со всеми лицами мужского пола (включая отца и братьев), если при этом не присутствует дама-дуэнья. Участницам конкурса категорически запрещается курить в присутствии других. Запрещается употреблять спиртные напитки как в присутствии других, так и в одиночку. Запрещается появляться на пляже в купальнике.

Автор вовсе не собирается заламывать руки и причитать по поводу загубленных судеб пластиковых девиц. Из Мисс Америки пока ещё не было ни одной, которая отказалась бы от своей тяжёлой участи. Как видно, 100 тысяч долларов, которые зарабатывает Мисс Америка за год своего владычества (включая 10 тысяч премии за титул), компенсируют её моральные страдания.

На подмостках Зала конвентов в Атлантик-Сити не только делают деньги. Там еще лепят витринный образ американской девушки — улыбчивой, приветливой, любящей родину и тетушку Минни, красивой, здоровой и чистой. (Как выразился кто-то: «Чистота Мисс Америки может сравниться лишь с чистотой мыла „Айвори“, которое, как известно, лишено примесей на 99,44 процента».)

Небольшая спекуляция на патриотизме, проведенная когда-то дельцами Атлантик-Сити из тактических соображений, превратилась сама собой, согласно законам долларовой саморегуляции, в гигантскую пропагандистско-воспитательную операцию под девизом: «Мисс Америка — символ Америки. Будьте такими, как Мисс Америка».

«Вот она идёт, Мисс Америка!» — говорит свою традиционную фразу человек в смокинге. И слезы умиления и восторга появляются на глазах тысяч, а может быть, и миллионов людей. Оркестр играет «Сла-ава, сла-ава, алллилу-уйя!» и «Боже, благослови Америку!».

Мисс Америка, как курица, должна вывести миллионный выводок последовательниц. Создаётся эталончик для массового подражания — миловидный, приветливый, достаточно хищный

зверёк. Эталончик, который в течение десятилетий создавался и Голливудом — «лучшими стервами страны», по выражению Ильфа и Петрова.

В 1967 году в Атлантик-Сити во время конкурса красоты группа женщин устроила демонстрацию на знаменитом Бродуоке. Демонстрацию протеста против «создания дегенеративного существа с птичьими мозгами, внешне очень похожего на девушку», «против фальши, искусственности, лицемерия», «за освобождение американских женщин от рабского подражания идиотским стандартам конкурсов красоты».

Серьёзная демонстрация закончилась с юмором. В противопожарной бочке был разведен огонь. И в нём символически были сожжены пара фальшивых ресниц, парик, накладные пластиковые груди и даже один бюстгальтер.

Слава богу, в Америке все-таки очень много людей с юмором.

Ко всему сказанному автор хотел бы добавить лишь несколько слов. Автор не против красоты вообще и женской в особенности. Он не против костюмов для плавания. Он не стал бы критиковать любительниц наклеенных ресниц и даже париков (хотя он и предпочитает естественность). Исследуя материал для этого очерка, автор ставил перед собой скромную задачу: разобраться, что происходит с красотой, если за неё берутся так называемые деловые люди.

Глава десятая
ОКТЯБРЬ

«Когда-нибудь я стану президентом»

Маленький, аккуратный белый домик. Такой наивный и милый, что даже не верится, что это и есть штаб-квартира Джорджа Уоллеса в городе Таскалуса, штат Алабама. Но из окна на меня требовательно глядит его лицо (в двадцатикратном увеличении) — лицо кандидата в президенты США от Независимой партии. Прическа — волосок к волоску, височки подстрижены аккуратнейшим образом, зубы один к одному. Улыбка напряженная, но ничего — сносная. И над портретом, прямо на стене, надпись: «Штаб-квартира. Уоллеса — в президенты».

Сомнений нет. Тем более что рядом, во всю стену, ещё крупнее, значительно крупнее, просто гигантскими буквами: «Бесплатный кофе».

Ну как не войти? Конечно, войдёшь.

И сразу навстречу разлетелись две старушки. Обеим вместе лет под полтораста. Однако жилистые такие старушенции, худые, длинные, подвижные, как ящерицы. Обе в одинаковых ситцевых платьях, будто из одной спортивной команды. Одна рыжая, веснушчатая, с облупленным и поэтому несколько голубоватым носом. Другая белая-белая, будто только что с мельницы.

Обе приветливо, но бесцеремонно, не ожидая моих ответов на свои вопросы, перепасовывают меня друг дружке, будто я для них теннисный мячик:

Белая. Вы из Нью-Йорка? (Это по номеру моей машины. Видали наблюдательность? Орлиные глаза у старухи.)

Рыжая. Замечательно. Нам так нужна поддержка в Нью-Йорке!

Белая. Вы будете черный кофе или с молоком?

Рыжая. Наш кофе куда лучше, чем у вас на севере, ха-ха. Правда?

Белая. Не говорите так, дорогая. Наш гость может обидеться.

Рыжая. Что вы, милая, я сразу вижу — есть у человека чувство юмора или нет.

Ну как вам это понравится?

Со всех сторон на меня смотрит, улыбаясь с напряжённой приветливостью, бывший губернатор Алабамы. И везде я читаю его имя: на пластиковых канотье, на чашке с кофе, на

старушкиных брошках, на обложках брошюр, на листовках, плакатах, флажочках, тряпочках, дудочках, трещотках.

Многое из этого пропагандистского изобилия вручается мне безо всяких моих просьб — молча и ловко. Белая держит пластиковый пакет (на нем тоже написано: «Уоллеса — в президенты!»). Рыжая бросает в него, что надо. Я в это время беспринципно пью бесплатный кофе за счёт Уоллеса и его сторонников. Оправдываю сие тем, что Уоллес со своей командой от чашки кофе, к сожалению, не обеднеет.

Одна из старушек показывает мне золотой доллар с профилем Уоллеса. Золотой доллар, правда, подозрительно лёгок. Так и есть, он стоит полдоллара. Старушки не могут дать мне его бесплатно. Хорошо. Примерочная модель американского доллара с не очень римским профилем Уоллеса летит в мешок.

— А вот книга, — говорит Рыжая, — о нашем кандидате. В ней всё — его жизнь, борьба, политические принципы. Ее написал очень известный журналист — Саммер.

Я листаю брошюру. Мелькают слова — ниггер, ниггер, ниггер…

— За неё доллар, — говорит Белая.

Мой доллар идёт, надо понимать, в кассу Независимой партии. Но ничего не поделаешь. Оправдываю сие тем, что эта партия от моего доллара, слава богу, не разбогатеет. А книга пригодится.

Старушки довольны. Рыжая хватает мою чашку и бежит к кофейному агрегату, который занимает в таскалусской штаб-квартире центральное место. На этот раз она приносит мне кофе с пончиком.

Рыжая, как видно, считает меня уже в доску своим и интимно спрашивает:

— Ну, а как наш кандидат выглядит у вас на севере?

Север — понятие растяжимое. Я отвечаю:

— Да как вам сказать, пожалуй, неважнецки он выглядит на севере.

— Да-да, — соглашается Белая. — Мы знаем. Но ничего, ещё есть время до выборов. Люди поймут, что только он может спасти Америку от ниггеров и коммунистов.

Затем Рыжая подносит ко мне на вытянутых руках стеклянную кубышку. В ней — деньги разными купюрами. Одна даже двадцатидолларовая. На кубышке надпись: «Помогите Америке обрести достойного президента. Жертвуйте на кампанию „Уоллеса — в президенты!“».

Ну уж это, сами понимаете, мне ни к чему.

— Я журналист, — говорю. — Нужно соблюдать нейтралитет.

— О, журналист! Это прекрасно! — восхищённо шепчут обе.

— Никто не узнает, — без передышки добавляет Рыжая.

— Нет, никак не могу, — категорически отказываюсь я.

Старушки, однако, не меняют ко мне своего приветливого отношения.

— Мы надеемся, что, приехав в Нью-Йорк, вы благожелательно напишете о нашем кандидате, — говорит одна из них.

Бабушки-общественницы подводят меня к книге гостей. Надо записать свою фамилию и город, откуда приехал. Аккуратно вывожу свою фамилию. Рядом еще более аккуратно пишу «Moscow», то есть Москва. Белая благодарит, читает, поднимает голову:

— Вы забыли указать штат. Нью-Йорк.

— Это другая Москва, — как можно приветливее объясняю я, — не из штата Нью-Йорк. Это — USSR.

— Что такое USSR? — интересуется Рыжая.

— Советский Союз, — говорю я, — Советская Россия.

Пауза. Я жду реакции. И вдруг обе старушки взвизгивают и начинают заливисто смеяться. Отсмеявшись, Рыжая говорит:

— Вот видите, милая, а вы говорили, что у северян нет чувства юмора.

И Белая своей рукой выводит рядом со словом Москва две буквы: «N» и «Y». Что означает — штат Нью-Йорк.

— Нам очень важно знать наших сторонников в Нью-Йорке, — объясняет мне Рыжая серьёзно и со значением.

Прощаюсь и выхожу.

Около машины оборачиваюсь. Старушки пропагандистски глядят мне вслед из окна. Их головы по обе стороны портрета Уоллеса висят под его ушами, как клипсы.

* * *

В крохотном, длинном, как сосиска, кафе и пахнет сосисками. А на улице — дымом, свежими газетами, пылью и, конечно, бензином. Это я знаю точно, хоть от улицы меня отделяет толстое стекло, на котором выведено наизнанку: «Самое время подкрепиться».

На окнах бывшего магазина «Уолгрин», вымазанных изнутри мелом, портреты улыбающегося седого и чернобрового О'Двайра. Только вместо апострофа стоит восклицательный знак — О'Двайр. Он предлагает себя, в сенаторы.

Я знаю О'Двайра с 1966 года. Познакомился на суде в

Бруклине. Он тогда взялся бесплатно защищать негра Эрнеста Гэллэшоу, обвиненного полицией в убийстве одиннадцатилетнего негритянского мальчика. О'Двайр защитил тогда Гэллэшоу; правда, полицейский, который в действительности убил мальчика, так и не привлечен к ответу. В 1968 году О'Двайр был горячим сторонником Юджина Маккарти.

Около портретов стоит человек с микрофоном. Шнур связывает его с радиодинамиком на крыше легковой автомашины.

— Приходите сегодня в два тридцать на встречу с О'Двайром! — кричит человек в микрофон. — Он против войны во Вьетнаме. Он за гражданские права. Он не меняет своих принципов, даже когда знает, что на этом теряет голоса. Мини, лидер профсоюзов, отказал ему в поддержке. Мини связан с обществом Джона Бэрча!.. Приходите в два тридцать на встречу с будущим сенатором О'Двайром!..

Динамик кричит громко, на весь перекресток. Его слышно даже здесь, в кафе.

Лючи работает артистически. Он за повара, за кухарку, за официанта, за кассира и за уборщицу. Лючи мечется за длинной, во всю комнату, стойкой. По другую ее сторону сидят посетители на металлических стульях с неудобными круглыми маленькими сиденьями. Лючи продает сосиски, котлеты-хэмбургер, кофе, пепси-колу, мороженое, вишневый, сырный и яблочный пироги. Духовная пища — телевизионный ящик над окном — бесплатно. Ящик смотрит на нас своим голубым выпуклым, как у младенца с базедовой болезнью, глазом. В ящике хозяйничает Джордж Уоллес, бывший губернатор Алабамы, ныне кандидат в президенты США от Независимой партии.

Он выступает на предвыборном митинге где-то недалеко, то ли в Нью-Джерси, то ли в Коннектикуте. Две недели ходит он концентрическими кругами, все уменьшая и уменьшая радиус, всё приближаясь и приближаясь к самому жирному избирательному куску — к Нью-Йорку. 24 октября Уоллес выступает в самом Нью-Йорке — в новом, только что открытом зале «Мэдисон-сквер гарден».

«Я простой парень! — кричит Уоллес. — Мне не нужны интеллигентские сложности. И вам они не нужны! Вам нужен порядок и закон! И я обещаю — будет порядок и закон. Будет порядок, который нужен нам, простым людям!.».

Толпа в телеящике орёт. Нам не слышно — что орёт. Но диктор поясняет: «Пополам — половина за Уоллеса, половина против». А толпа порядочная. Тысяч семь-восемь.

Уоллес распределяет свою реакцию на крики тоже «пополам». Одним посылает энергичные воздушные поцелуи и отдает салюты

(подносит ладонь ребром ко лбу и резко отрывает), как это делают ветераны. Тем, кто против, он в ответ что-то кричит и крутит указательным пальцем возле виска — идиоты, мол.

За стойкой, кроме меня, ещё четыре человека. Все — мужчины средних лет, как Лючи. Только один — молодой. Он стоит у дальней стенки кафе. Играет там в электрический хоккей. Время от времени опускает в стол десятицентовик и потом с минуту конвульсивно дергается, будто вместе с шариком мотается по столу между увертливыми электрическими резинками, трамплинчиками, воротцами.

Все остальные смотрят на телевизор. Даже Лючи иногда поглядывает, хотя времени у него, сами понимаете, в обрез.

— А у Хэмфри грипп, — меланхолично произносит мой сосед слева, высокий небритый человек в очках.

Пиджак у него надет на нижнюю рубашку. Перед ним чашка кофе. Но к ней он, по-моему, не притронулся. Зато раза два уже вынимал из бокового кармана пиджака плоскую бутылочку, отвинчивал пробку и прикладывался.

— Самый грипп будет в феврале. Я читал. Вьетнамцы запустили. Эпидемия. Все подохнем к чёрту…

Это грустное будущее предсказывает маленький плотный человек, у которого шляпа держится на голове только благодаря ушам-кронштейнам. Перед ним бутылка кока-колы.

— Заразился, значит, — вздыхает мой сосед, имея, конечно, в виду Хюберта Хэмфри, кандидата в президенты от демократов.

— А вот этого не заразишь, — усмехается некто лысый. Две крепких руки, локтями на стойке, а в ладонях булочка с сосиской. Время от времени лысая голова движется к сосиске и клюёт. — Нет, этого не заразишь, — повторяет он и кивает на экран, не то с восхищением, не то с сожалением.

— Что вы имеете в виду? — спрашивает обладатель шляпы на кронштейнах.

— Вы знаете, что я имею в виду, — многозначительно отвечает хозяин сосиски и отклевывает кусочек.

«Правительство в Вашингтоне не может указывать парикмахеру — стричь ему негра или не стричь! И никто не может нам, гражданам демократической страны, указывать, с кем и как должны учиться в школах наши дети. Вы это сами будете решать. И если я буду президентом, я не буду в это вмешиваться!» — кричит человек в телеящике.

«А-а-а-а!» — кричит толпа. На экране крупно показывают лозунг «Уоллеса — в президенты!» и потом другой: «Сознайтесь, что в глубине души вы согласны, с Уоллесом!»

— И что к нему все привязались? — говорит шляпа,

неприязненно косясь на лысого с сосиской. — Он, во всяком случае, о чём думает, о том и говорит. Безо всяких там штучек…

— Это, между прочим, верно, — кивает головой мой сосед в очках.

— Вот я раньше хотел голосовать за Маккарти, — продолжает ушастый, приободрившись. — Но его не выдвинули. А теперь я, пожалуй, буду за него, — кивок на телевизор.

— Как же вы можете? — удивляется тот, с сосиской. — У них же все по-разному. Тот против войны, этот — за.

— Ну и что? Зато они оба — что думают, то и говорят. Мне все эти штучки с обещаниями вот где сидят. — И ушастый решительно берёт себя пальцами за горло.

(Окончание в следующем номере)

Страничка читателя

«Роман-газету» читают миллионы советских людей. Это самое массовое издание художественной литературы в нашей стране. Редакция постоянно поддерживает тесную связь со своими читателями. В течение года мы получаем тысячи писем, в которых содержатся предложения по улучшению издания. Немало читатели задают и вопросов. Вот характерные из них: читатель Прончаков В. И. из Донецкой области спрашивает, почему в «Роман-газете» не печатаются произведения русской и зарубежной классики? Читательница Панченко С. В. из Читы интересуется, почему не печатаются повторно романы и повести, уже однажды опубликованные в «Роман-газете»? Читатели Шильрев А. из Кустанайской области и Аблисимова Е. В. из Москвы спрашивают, почему перестали печатать произведения современных зарубежных авторов?

В первые годы своего существования, когда в стране не хватало художественной литературы, в «Роман-газете» были напечатаны произведения Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и некоторых зарубежных писателей. Позже утвержденное Госкомиздатом СССР Положение о «Роман-газете» обязывает нас печатать только новые романы и повести, опубликованные в журналах или вышедшие отдельными книгами в текущем или прошлом году.

Так как «Роман-газета» призвана давать как можно больше новых произведений современных советских писателей, то дважды печатать одно и то же произведение мы не имеем возможности.

Около десяти лет назад «Роман-газета» прекратила публиковать современную зарубежную литературу. Это объясняется стремлением «Роман-газеты» представить больше советских авторов, поднимающих наиболее актуальные вопросы нашей жизни. В ближайшее время, учитывая читательские пожелания, редколлегия намечает вернуться к этому вопросу.

Редакция «Роман-газеты»

notes

Примечания

1

Ребёнок.

2

Так звали кенийских партизан, боровшихся за освобождение Кении от колонизаторов.